СКАЗОЧНЫЕ ПОВЕСТИ

ГЕРАСКИНА

Л. ГЕРАСКИНА

НФ
«ПУШКИНСКАЯ
БИБЛИОТЕКА»
АСТ
АСТРЕЛЬ

Annotation

В книгу замечательной детской писательницы и драматурга Лии Борисовны Гераскиной вошли сказочные повести, в том числе хорошо знакомая детям по популярному мультфильму сказка «В Стране невыученных уроков».

Содержание сборника:

Хрустальд и Катринка
Сказка о верности
Волшебная лампа
Чур не перебивать, или как Иван и Настя нашли своё счастье
В Стране невыученных уроков

- Лия Борисовна Гераскина
  - Хрустальд и Катринка
    -
  - Сказка о верности
    -
  - Волшебная лампа
    -
  - Чур, не перебивать!
    -
  - В Стране невыученных уроков
    -

Лия Борисовна Гераскина
Сказочные повести

Хрустальд и Катринка

Хотя в этой сказке будет рассказано об очень высоких особах из королевского рода, мы начнём её с того, как два поварёнка жаловались друг другу на главного повара королевской кухни. Он обижал их с первого дня, как только они поступили в его распоряжение.

Прежде всего, он отказался называть их именами, которые дали им родители. Одного он величал Ватрушкой, а другого, Гороховым Стручком.

Пользуясь тем, что главный повар ушёл заказывать продукты, они облегчали свою душу, делясь обидами и огорчениями. Ведь им приходилось с утра до вечера работать: мыть посуду, чистить овощи, приводить в порядок кухню, до блеска начищать ножи, вилки, ложки, подметать сор. Да разве можно перечислить все их обязанности! А им, как и всем мальчишкам их возраста, хотелось побегать, поиграть в разные игры, погонять мяч...

– Дядюшка главный повар, чтоб ему потерять аппетит, – вздыхая, сказал Ватрушка, – заставил меня ощипать дюжину индеек!

– Да и мне пришлось не легче, – вздохнул Гороховый Стручок, – видишь, какую огромную кучу ножей, вилок и ложек этот бочонок пива заставил меня вычистить!

– Хорошо, что мы с тобой придумали сочинять песенки, – сказал Ватрушка, – всё-таки какое-никакое развлечение.

– Это я придумал! – сказал Гороховый Стручок.

– Давай споём! – предложил Ватрушка. И поварята запели:

Нас, двух весёлых поварят,
Всегда лишь то касается,
Что люди скрыть от нас хотят,
О чём молчать стараются.

А мы все знаем обо всех,
Кто вор, кто врал, кто честен,
И даже самый тайный грех
Нам хорошо известен.

Мы знаем, кто и где крадёт,
Когда, в каком количестве,
Как надувает наш народ
Король, его величество.

Секретов нет для поварят,
Умеют всё выведывать.
Но мы молчим, нам не велят
Болтать о чём не следует.

И так всегда везде вдвоем,
Где только можно нос суём,
Недаром люди говорят,
Что нет дотошней поварят.

– Тихо! – сказал Ватрушка. – Я слышу чьи-то шаги.

На кухню вошла гофмейстерина, оглянулась, ища повара. К ней подкрался шут и громко хлопнул в ладоши у неё над ухом. Она странно вскрикнула и упала ему на руки. Поварята рассмеялись, радуясь неожиданной потехе.

– Ах, мне дурно! – закричала гофмейстерина. – Моё сердце!

– Куд-куда изволили спешить, моя прелесть? – спросил её шут.

– А, это вы! – закричала возмущённая гофмейстерина. – Конечно, кому другому может прийти в голову такая дурацкая выходка! Вы круглый, безнадёжный дурак, милостивый государь!

Шут хитро прищурился и запел:

Меня все люди, с кем знаком,
Считают круглым дураком,
А я, ну право, это смех,
Я во дворце умнее всех!

– Замолчите! – топая ногой, закричала гофмейстерина. – Если бы не король, которому вы втёрлись в милость...

Вкруг солнца вертится земля,
И это миру ясно!
А шут – любимец короля,
И спорить с ним опасно! —

насмешливо пропел шут.

– И как только король терпит его, – сквозь зубы прошептала гофмейстерина, – не понимаю, где у некоторых людей глаза!

С этими словами она ушла, шут побежал за ней.

А мы оставим королевскую кухню и перенесёмся в королевский тронный зал.

Здесь разгуливают в ожидании королевской четы придворные дамы, придворные кавалеры, гофмейстер, сюда же пришла и гофмейстерина.

– Говорят, на сегодняшнем балу будут знатные чужеземцы, – сказала первая придворная дама.

– О да! – откликнулся придворный кавалер. – Три принца – сыновья королей граничащих с нашим королевством стран.

– Я видела случайно одного из них, – томно произнесла вторая дама, обмахиваясь веером, – он так красив! Его сопровождала богатая свита.

– И я видел второго, – любезно произнёс, склоняясь, кавалер. – Принц ехал в золотой карете, в сопровождении отряда конных слуг.

– А третий? – спросила четвёртая дама. – Его никто не заметил?

– Я видела его, – отозвалась третья дама. – Ах, вы даже не поверите. Он шёл... пешком, в сопровождении единственного старого слуги! Позор!

– Да, уже вряд ли он заслужит благосклонность принцессы, – предположил гофмейстер.

– У принцессы такой тонкий вкус! – сообщила первая дама.

– Принцесса обожает механические игрушки – это оригинально! – сказала вторая дама.

– Да, да! – подхватила третья дама. – Наша милая принцесса – она ещё такой ребёнок!

– Мне лестно слышать ваши отзывы о моей воспитаннице принцессе, – натянуто улыбаясь, проговорила гофмейстерина.

Гофмейстер вышел из зала, через несколько минут вернулся и торжественно произнёс:

– Их величество король, королева и наследная принцесса!

Все придворные встретили королевскую семью низкими поклонами.

– Рад, рад, что вижу вас всех, – отрывисто бросал король, усаживаясь на трон. – Чувствуйте себя как дома!

– Это уже слишком, ваше величество, – недовольно вполголоса сказала королева. – Они должны помнить, что находятся не где-нибудь и уж во всяком случае не у себя дома, а в королевском дворце.

Не обратив никакого внимания на упрек супруги, король оглядывался по сторонам, ища своего шута.

– Шут, – негромко сказал король, – ты где, дурак?

– У ваших ног, ваше величество, – ответил шут и уселся на ступеньку трона у ног короля.

– Что бы ещё сказать нашим подданным? – тихо спросил у него король.

– Скажите им, ваше величество, «Веселитесь, танцуйте», мол...

– Веселитесь, танцуйте, мол, – громко сказал король. – Нет, «мол» не надо, это шутка!

– Король так остроумен! – восхитилась первая придворная дама.

– Ну что ещё сказать, шут? – тихо спросил король.

– Скажите им, ваше величество, – усмехнулся шут, – «Только не сплетничайте и не перемывайте друг другу кости».

– Вот! Вот! – подхватил король и громко сказал: – Веселитесь, только не повесничайте и не зазывайте друг друга в гости. А впрочем, делайте что хотите!

– Ах, ваше величество! – с досадой прошептала королева. – Так нельзя, вы нарушаете этикет.

Королева высоко подняла голову и надменно обратилась к придворным:

– Вы можете веселиться, танцевать, но не должны забывать, что вы удостоились чести находиться не где-нибудь, а в тронном зале королевского дворца.

В зал вошёл гофмейстер и торжественно провозгласил:

– Ваше королевское величество! Прибывшие из соседних стран наследные принцы просят вашего разрешения присутствовать на балу.

Принцесса захлопала в ладоши и весело закричала:

– Принцы! Зовите их скорей! Ну что вы стали? Вам говорят – скорей!

– Принцесса! – в ужасе прошептала гофмейстерина. – Опомнитесь! Можно ли так...

– Хорошо же вы воспитываете нашу дочь, сударыня! – зловещим шёпотом сказала королева.

– О, ваше величество, – обратился шут к королеве, – стоит ли сердиться? Принцесса так непосредственна!

– Такая милая детская непосредственность, – умилилась вторая дама.

– Ну что же вы стоите! – возмутился король, обращаясь к гофмейстеру. – Ведь сказано вам – приглашайте принцев.

Гофмейстер, пожав плечами, вышел из зала. Король наклонился к шуту и тихо спросил:

– Как ты считаешь, шут, что бы мне сказать принцам?

– Приветствуйте их, ваше величество, проявите гостеприимство, – ответил шут, – скажите, что рады видеть их в нашем королевстве!

– Хороший совет, – одобрил король. – Даю слово, я награжу тебя.

Шут рассмеялся и пропел:

Какие сладкие слова!
Моя кружится голова.
Пятнадцать долгих лет подряд,
Я жду обещанных наград.

Вошёл гофмейстер и торжественно провозгласил:

– Его высочество наследный принц страны Острогории – Христиан.

Зазвучала тихая мелодичная музыка, и в зал вошёл принц Христиан, окружённый богато одетой свитой.

– Ах! Брюнет! – восторженно воскликнула принцесса.

– Ваше высочество! – прошипела возмущённая гофмейстерина. – Умоляю вас воздержаться от подобных восклицаний.

Принц Христиан поклонился королю и королеве и, подойдя к принцессе, встал на одно колено и поцеловал протянутую ему руку принцессы.

– Его высочество наследный принц страны Фонфаренции – Олаф, – торжественно объявил гофмейстер.

Снова зазвучала музыка, и в зал в сопровождении свиты вошёл принц Олаф.

– Шатен! – воскликнула принцесса. – Ещё лучше!

– О, принцесса! – простонала гофмейстерина. – Вы меня убиваете!

Королева посмотрела на старуху гофмейстерину взглядом, который мог бы соперничать с взглядом ядовитой змеи, устремлённым на свою жертву. Принц Олаф почтительно поклонился королю, королеве и принцессе. Он было открыл рот, чтобы произнести приветствие, но гофмейстер перебил его, громко объявив:

– Его высочество принц страны Синегории – Хрустальд.

В зал вошёл принц Хрустальд. Он был строен, изящен и красив. Улыбнувшись, что сделало его ещё более привлекательным, он поклонился королевской семье. Сопровождал его старый слуга Ионас.

Золотистые кудри Хрустальда так понравились принцессе, что она опять захлопала в ладоши и закричала:

– Блондин! Блондин! Блондин!

– О, принцесса, – простонала бедная гофмейстерина.

– Теперь я вижу, чему вы учите нашу дочь, – едва сдерживая гнев, прошипела королева.

Король же, наклонившись к шуту, тихо сказал:

– Этот принц из Синегории... Я никогда не слышал о такой стране, а ты?

– О, ваше величество, – ответил шут. – Это маленькая страна, открыта она недавно, её, наверное, не успели нанести на карту. Не удивляйтесь, иначе прослывёте невеждой.

– А что мне сказать этим принцам? – спросил король.

Шут приподнялся и что-то прошептал на ухо королю. Король одобрительно кивнул головой и величаво произнёс:

– Мы рады видеть вас, доблестные сыновья моих соседей королей. С какой целью посетили нас, благородные принцы?

– Мудрейший государь, – поклонившись королю, начал Христиан. – Много путешествовал я по жарким и холодным странам, изучая нравы и обычаи народов, но нигде и никогда ни об одной девушке не слыхал я столько лестных отзывов, как о вашей несравненной дочери. Я отправился сюда, чтобы стать самым счастливым или самым несчастным человеком на свете.

– Ясно! – сказал король. – Ну а вы, любезный принц Олаф, прибыли к нам с этой же целью?

– О да, выше величество: слухи о красоте, уме, прекрасном воспитании принцессы достигли и нашего королевства. Я тоже приехал искать своё счастье... Сознаюсь, что, увидев принцессу, я убедился, что она прекраснее, чем я воображал в своих мечтах о ней, – сказал принц Олаф.

– Так, так, – сказал король. – Не эта ли причина привела к нам и вас, любезный принц Хрустальд?

– Эта, – ответил Хрустальд, поклонившись королю.

Король немного помолчал, не зная что сказать, и, как всегда, обратился за помощью к шуту.

– А что теперь сказать им? – тихо спросил он шута.

– Скажите им, ваше величество, что тот, кто приехал искать руки вашей дочери...

– А ты уверен, что руки? – усомнился король.

– Ну не ноги же! – усмехнулся шут. – Именно руки. Так вот, не считают ли они, что старинный обычай дарить невесте подарок...

– Понял, понял! – перебил его король и громко добавил: – Мне все ясно, благородные принцы. Скажите мне вот что... Путешествуя по разным странам, не заметили ли вы такого обычая: сватаясь, жених подносит своей избраннице подарок. Обычай старинный, но очень трогательный.

– Я привёз принцессе подарок, – сказал Христиан. – Я уважаю старинные обычаи и, если принцесса любит заводные игрушки...

– Я обожаю заводные игрушки! – воскликнула принцесса.

– О, тогда я счастлив! – в тон ей воскликнул и Христиан.

– Я тоже привёз принцессе подарок. И тоже очень большую заводную игрушку, – произнёс немного раздосадованный принц Олаф.

– Ну а вы, любезный принц Хрустальд? – спросила королева. – Вы тоже уважаете старинные обычаи?

– Да, – ответил Хрустальд.

– И привезли принцессе подарок? – спросил король.

– Да, ваше величество.

Олаф и Христиан переглянулись с тревогою в глазах.

– Взгляните-ка на дам, ваше величество, – сказал шут. – Они просто сгорают от любопытства.

– Я? – удивилась первая дама. – Ну нисколечко!

– Мы тоже нисколечко! – хором сказали вторая, третья и четвёртая дамы.

– Все знают, что я не совсем любопытна, – произнесла невеста.

– Истинная правда! – воскликнул шут. – Наша наследница настолько нелюбопытна, что ни разу в жизни не заглянула в книжку!

– Разрешите, ваше величество, – учтиво проговорил принц Христиан, – внести подарок?

– Если вам так уж не терпится... пожалуй, внесите!

Принц Христиан хлопнул в ладоши. Один из его придворных вышел из тронного зала, все нетерпеливо ждали. Через минуту придворный возвратился, неся в руках небольшой ящичек, покрытый расписным шёлковым платком. Принц Христиан взял этот ящичек, поставил его на столик и сдёрнул с него платок.

– Ларчик! Чудесный ларчик! – восторженно закричала принцесса.

– Золотой ларчик! – подхватила первая придворная дама. – И сколько на нём драгоценных камней!

– Откройте! – нетерпеливо потребовала принцесса. – Откройте сейчас же! Я приказываю! Ну что вы стоите, как...

– Простите, принцесса, – прошептал принц Христиан, – но этот ларчик не открывается. У него другой секрет. – С этими словами он вынул из кармана камзола золотой ключик, вложил его в замочную скважину и несколько раз повернул в ней ключик.

Зазвучала нежная мелодичная музыка.

– Это музыкальная шкатулка, – тихо сказал Христиан. – Я надеялся, что...

– Ах, какая прелесть! – перебила его принцесса. – Заведи шкатулку и слушай. Это вам не соловей в клетке, хочет он – щёлкает, а не захочет, так и не заставишь... Я очень довольна. Мне нравится ваш подарок.

– Я счастлив, принцесса, – сказал принц Христиан. – Не соблаговолите ли вы потанцевать со мной под эти звуки?

– С удовольствием, принц, – вставая, ответила принцесса, подошла к Христиану и подала ему руку.

Музыкальная шкатулка заиграла танцевальную музыку. Принцесса с Христианом начали танцевать. За ними пустились в пляс придворные дамы с кавалерами. Королева, улыбаясь, слегка похлопывала в ладоши. Король смеялся. Принц Христиан был в восторге оттого, что угодил капризной принцессе, а принц Олаф не веселился – он волновался, хмурил брови, кусал губы и сжимал кулаки. А как себя вёл принц Хрустальд? Он был спокоен.

Когда танец закончился и музыкальная шкатулка перестала играть, Олаф поклонился королю и попросил разрешения внести свой подарок. Король милостиво разрешил.

Олаф хлопнул в ладоши. Двое из его свиты вышли и скоро вернулись с закутанной в шёлковую ткань большой, в человеческий рост, куклой. Они поставили её на ноги. Олаф подошёл и сдернул с неё шёлковую ткань. Все окружили куклу.

– Что это? Что это такое? – закричала принцесса.

– Это, с вашего позволения, принцесса, – ответил Олаф, – кукла – большая механическая игрушка.

– Не может быть! – воскликнула принцесса. – Она... она как живая!

– Какой необычайно свежий цвет лица! – восхитилась первая придворная дама.

– Чудесные кудри! – подхватила вторая дама. – Наверное, они из самого тонкого шёлка!

– Мастер постарался на славу, – заявил принц Олаф.

– И что она всегда вот так стоит неподвижно? – спросила принцесса.

– О нет, ваше высочество! – воскликнул Олаф. – Она умеет петь и танцевать. Разрешите, я её заведу?

И, не дожидаясь разрешения принцессы, Олаф огромным ключом что-то покрутил на спине куклы. Она сделала несколько жестов руками, повертела головой и запела:

Ключом заведи, и скоро я
Оживу и пойду плясать.
Я куколка фарфоровая,
Искусней меня не сыскать.

Пылает лицо румянцем,
А волосы – как лён.
Меня увидишь в танце
И будешь навек влюблён.

Ах, в том, что я красавица,
Меня уверяет свет,
Но только многим не нравится,
Что сердца у куколки нет.

Нет сердца? Ну что ж, не спорю,
Моё дело плясать и петь,
А с сердцем так много горя.
Что лучше его не иметь.

Хоть песенок знаю много,
Но больше мне петь нельзя.
Меня не судите строго,
Окончен завод, друзья!

Кукла замолчала и поникла головой.

– Ах, как чудесно! – воскликнула принцесса. – Наверно, ни у одной принцессы в мире нет такой забавной куклы!

– Это именно так, ваше высочество, – галантно поклонился ей принц Олаф.

– Какая необыкновенно искусная работа! – восхитилась первая дама.

– Вот это мастерство! – подхватил кавалер.

– Это шедевр! – закатывая глаза от восторга, пролепетала вторая придворная дама.

Королева обвела их насмешливым взглядом и обратилась к принцу Хрустальду.

– Любезный принц Хрустальд, – ласково сказала она. – Вам теперь будет трудно удивить нас.

– Но я не собирался удивлять вас, ваше величество, – спокойно ответил Хрустальд.

Все в недоумении уставились на него, а он хлопнул в ладоши. Вошёл его старый слуга Ионас, неся в руках какой-то предмет, покрытый тканью. Хрустальд взял этот предмет, поставил его на столик рядом с музыкальной шкатулкой и сдёрнул с него ткань.

– Это... розы? – неуверенно сказала принцесса. – Розовый куст... до чего же они здорово сделаны!

– Самое удивительное в том, что они чудесно пахнут! – воскликнула первая дама.

– Какой чудесный аромат, – мечтательно протянула королева. – С утра у меня была ужасная мигрень, но едва я вдохнула запах этих роз – всё прошло!

– Обратите внимание на лепестки, – попросила гофмейстерина. – Они сделаны из тончайшего бархата!

– Эта вещица сработана ещё тоньше, чем музыкальная шкатулка и поющая кукла, – заметил гофмейстер.

Принц Христиан и принц Олаф тревожно переглянулись.

– Я бы хотел знать имя мастера, изготовившего такую тонкую штучку, – сказал король. – Я бы сделал ему большой заказ.

– Я должен объясниться, – смущённо ответил Хрустальд. – Вы все ошибаетесь, господа. Эти розы не искусственные, они живые. Я сам вырастил этот куст для своей невесты. Эти розы обладают волшебным свойством, они...

Но ему не дали договорить. Все возмущённо ахнули разом и прервали Хрустальда.

– Какая неслыханная дерзость! – возмутилась первая дама.

– Да как вы осмелились! – злобно топнула ножкой принцесса.

– Небывалый скандал в королевстве! – задыхаясь от гнева, выпалила гофмейстерина.

– Какое постыдное невежество! – изрёк король.

Королева промолчала, только загадочно улыбнулась. Принц Христиан и Олаф злорадно рассмеялись.

– Чего ожидать от принца, который пришёл пешком! – прошипела вторая дама.

– Но чем я вызвал ваш гнев? – недоумевающе спросил Хрустальд.

– Вы ещё смеете спрашивать? – возмутилась принцесса. – Поднесли мне, наследной принцессе, простые розы, словно какой-нибудь белошвейке или горничной.

– Но... простите, вы только что восхищались красотой и ароматом моих роз. Почему вы всё-таки так вдруг разгневались?

– Потому, – высокомерно ответила принцесса, – что мы считали ваши розы великим произведением искусства, а вы осмелились обмануть нас! Вот вам ваши ароматные розы, которые можно купить в каждом цветочном магазине! Нашёл что подарить!

И принцесса злобно толкнула столик. Горшок с розами упал, а музыкальная шкатулка издала печальный звук, но удержалась на столике. Все демонстративно отвернулись от Хрустальда, а он опустился на колени и взял в руки разбитый горшок.

– Бедные мои маленькие подружки, – грустно и нежно сказал Хрустальд. – Мы с вами не ожидали такого приёма.

Он поставил горшок на пол и поднялся с колен, озираясь вокруг.

– Куда я попал? – спросил себя Хрустальд. – Вы все кажетесь мне не живыми людьми, а манекенами... Даже эта кукла выглядит среди вас живой. В её стеклянных глазах мне чудятся искорки сочувствия, а в ваших глазах светит пустота... Душно мне среди вас!

С этими словами он быстро покинул тронный зал. Его слуга Ионас поспешно последовал за ним.

– Ну вот! – сердито воскликнула принцесса. – Так я и знала. Мне непременно испортят настроение! Недаром я видела во сне крысу!

– Не показывайте своего суеверия, принцесса, – заметила ей гофмейстерина.

– И эта крыса была удивительно похожа на вас! – огрызнулась принцесса.

– Прекрасно сказано, моя наследница! – рассмеялся шут.

– Не расстраивайтесь, дочь моя, – важно сказал король. – Мы вас сейчас развеселим. Любезный принц Христиан, заведите свою шкатулку!

– С удовольствием, ваше величество, – просияв, ответил Христиан и завел музыкальную шкатулку. Раздалась танцевальная

музыка. Христиан пригласил принцессу, и они закружились в танце. Их примеру последовали придворные. Все, кроме принца Олафа. Вдруг шкатулка замолчала. Все танцующие пары остановились. Христиан бросился к шкатулке, пытаясь её завести, но все его попытки были тщетны. Шкатулка упорно молчала.

Принцесса нетерпеливо стучала ногой по полу.

– Ну, в чём там дело у вас? – резко спросила она Христиана.

– Простите, принцесса, – смущённо ответил Христиан, – но моя, вернее, ваша шкатулка не может больше играть. Что-то испортилось в механизме...

– Вы все сговорились злить меня сегодня! – гневно закричала принцесса. – Возьмите свой дурацкий ящик и убирайтесь отсюда!

– Гофмейстерина! – грозно сказала королева. – Вы отвратительно воспитали нашу дочь!

– Все! Все! Только злите меня, – бушевала принцесса. – Все меня изводите! – кричала принцесса, бегая по залу. – Убирайтесь все отсюда! Немедленно убирайтесь! Видеть вас всех не могу!

Взбешённая принцесса, расталкивая придворных, убежала из зала. За нею устремились придворные дамы и кавалеры. Присоединились к ним и перепуганные принцы Христиан и Олаф. Ушла и королевская чета, ошеломлённая поведением своей дочери. Еле живая от страха гофмейстерина ушла последней.

В неожиданно опустевшем зале неподвижно стояла кукла. Но она была не одна. Во время скандала, устроенного принцессой, шут спрятался за спинкой трона. Когда же все ушли, он осторожно покинул своё убежище и вышел.

Уходя, он остановился позади куклы, нагнулся, чтобы поднять свой упавший с головы колпак, и вдруг заметил, что кукла медленно переступила с ноги на ногу. Это его заинтересовало настолько, что он решил понаблюдать за ней. Долго ему ждать не пришлось. Кукла зашевелилась, стала разминать затёкшие руки. Оглянулась по сторонам, увидев шута, испугалась и приняла прежнюю позу.

– Эге-ге! – сказал шут. – Вот где начинаются настоящие чудеса! Вы, кажется, слишком искусно сделаны, моя дорогая! Вы умеете вертеть головкой. А ну-ка ещё разок!

По щекам куклы покатились слёзы. Шут подошёл к ней поближе.

– Слёзы? – удивился он. – Уж не хотите ли вы сказать, что это механические слёзы? Ну-ну, брось плакать, дурочка! – ласково сказал шут и вытер ей глаза своим носовым платком. – Расскажи мне, как ты стала куклой?

– Ах, добрый господин шут, – всхлипывая, начала кукла. – Когда принц Олаф узнал о любви принцессы к механическим игрушкам, он задумал преподнести ей куклу, которая умела бы петь и танцевать. Но ни один мастер в нашем королевстве не смог смастерить такую. Тогда королева-мать посоветовала ему...

– Ах ты бедняжка! – посочувствовал ей шут. – И твоя мать решила продать тебя принцу?

– Добрый господин шут... Если бы у меня была матушка... Я похоронила её пять лет назад. Продал меня мой отчим пьяница... Меня обучили танцам и песням, сшили нарядное платье. И вот я тут... Изображаю куклу...

– Бедная сиротка. Уж я-то хорошо знаю, как тяжело носить маску и казаться не тем, за кого тебя принимают. Ты, поди, и голодная?

– Да, очень, – вздохнула кукла. – Вы так добры ко мне... Спасите меня, я готова работать с утра до ночи... я...

– А что ты умеешь делать, куколка?

– Шить, вязать, полоть, косить, доить, печь пироги...

– Стоп! Печь пироги... Это хорошо! А как зовут тебя, куколка?

– Катринка, с вашего позволения, сударь.

– Вот что, Катринка, не знаешь ли ты случайно, где находится королевская кухня?

– Знаю, сударь, я её заметила, через окно видна огромная плита.

– Отлично, – засмеялся шут, – беги, пока тебя не хватились. Смело заходи на кухню и спроси главного королевского повара. Скажи ему, что ты племянница королевского шута и что он прислал тебя к нему в услужение. Всё понятно?

– Всё! Добрый господин шут! Смогу ли я когда-нибудь отблагодарить вас? – воскликнула повеселевшая Катринка.

– Беги, беги, Катринка, сюда могут прийти, – поторопил её шут.

Катринка убежала, но у двери остановилась и, вернувшись, подняла разбитый горшок с розами.

– Не разрешите ли вы мне взять эти розы, сударь? – попросила она шута.

– Бери, – разрешил шут, – всё равно их выбросят. Бери и беги отсюда!

– Я задрожала от страха, когда принц Хрустальд заговорил обо мне. Какие смелые слова он говорил... – горячо сказала девушка.

– Да-а, – задумчиво протянул шут, – этот жених не придётся к нашему двору. Беги! Я слышу, сюда идут!

– Мы ещё встретимся, добрый господин шут, – сказала, убегая с горшком в руках, Катринка.

– Непременно, моя племянница! – крикнул ей вдогонку шут.

Через несколько минут в тронный зал вошла взволнованная гофмейстерина. Увидев шута, она недовольно вскрикнула:

– Ах, это опять вы! До чего же вы непроходимо глупы, сударь!

В ответ на её «комплимент» шут насмешливо пропел:

Меня все люди, с кем знаком,
Считают круглым дураком,
А я, ну право, это смех!
Я во дворце умнее всех!
И даже вас, моя любовь!

– Не-на-ви-жу! – завопила гофмейстерина.

– Я вас тоже обожаю, дорогая, – смеясь, сказал шут.

А на королевской кухне поварята мыли посуду, чистили овощи и беседовали, пользуясь тем, что главный повар спустился в погреб, чтобы отобрать вина к королевскому обеду.

– Ой, я умру от смеха, – грохотал Ватрушка, начищая наждачной бумагой ножи.

– Ах, милая наша принцесса, как забавно она топала ножкой и разогнала всех, напугала своих женихов принцев до полусмерти!

– Всё было так хорошо видно в освещённые окна, – сказал Гороховый Стручок. – Я ж тебе говорил, пойдём подсмотрим, кого выберет принцесса, а ты ещё колебался. Ну и насмешили они нас! Долго будем вспоминать.

– Да, – сказал Ватрушка. – Женихи здорово сдрейфили!

– Если ты говоришь о принце Хрустальде, – перестав смеяться, сказал Гороховый Стручок, – то я с тобой не согласен. Вот

посмотришь, он заставит нашу капризницу плясать под свою дудку.

– Мне он тоже понравился, – признался Ватрушка, – он так храбро вступился за свою розу. Тс-с! Посмотри в окно... Видишь? Это идёт он со своим стариком Ионасом. Давай подслушаем, о чём они говорят. Смотри, они садятся на скамейку у открытого окна. Они нас не заметят.

– Надо навострить уши, – прошептал Ватрушка. – Принц здорово обозлеён, а сердитые люди выбалтывают то, о чём им лучше бы помолчать.

Поварята потихоньку подошли к окну и стали прислушиваться.

– Прошу тебя, одумайся, – услышали они старческий голос Ионаса, – раз со сватовством ничего не вышло, не лучше ли нам вернуться домой?

– Ах, дядя Ионас! Хотя бы ты не досаждал мне! – ответил звонкий голос принца Хрустальда.

– Ну как знаешь, – сердито произнёс Ионас, – только я не понимаю, зачем тебе тут оставаться? Мало ты получил оскорблений? Ещё хочешь?

– Оставь меня в покое, – сказал Хрустальд. – Хотя о каком покое может идти речь! Пожалуйста, старик, пойми меня. Изо дня в день я любовно ухаживал за розой, и она из крошечного росточка превратилась в прекрасный розовый куст. Высокомерная кукла!

– Это он о принцессе, – прошептал Гороховый Стручок.

– Она предпочла лесть горячему живому чувству, моя роза.

– Твоя роза! – воскликнул Ионас. – Да ты едва не погиб, добывая росток волшебной розы. И как она, эта глупая принцесса, оценила твой подвиг? Охота тебе непременно жениться на принцессе?

– Ты меня не понимаешь, Ионас, – со вздохом почти простонал Хрустальд, – если бы она была простой девушкой, но имела в груди сердце, а не камень, я полюбил бы её беззаветно и женился бы на ней. Но она принцесса, и сердца у неё нет.

– Раз ты в этом убедился, – сказал Ионас, – плюнь на неё, поедем домой и дело с концом.

– Я разлюбил её, Ионас. Как смела она так унизить, так оскорбить меня, как смела так обойтись с моей розой?

– Тьфу, черт! – выругался Ионас. – Я и впрямь ничего не понимаю! Эх, парень! Все у тебя неудачи оттого, что ты не слушаешь

старших. Знал же ты, что эта принцесса по глупости своей обожает механические игрушки. Ну и смастерил бы ей какую-нибудь диковинку поудивительней! Эвон у тебя их сколько! Так нет же! Надо было соваться со своей розой! Мечтатель! Вот ты кто!

– Оставь меня, – мрачным голосом сказал Хрустальд. – Где тебе понять, ты стар и уже забыл, как больно бывает сердцу, когда обмануты все мечты. Ведь я влюбился в неё по портрету...

– И разлюбил, когда убедился, что не всё то золото, что блестит? – спросил Ионас. – Я скажу тебе...

– Хватит! – перебил его Хрустальд. – Вот тебе деньги. Сходи в город, найми комнату, я буду приходить к тебе ночевать. Встретимся в полдень в трактире «Золотое копытце», а сейчас давай зайдём в беседку и обменяемся платьем. Вставай!

– Это ещё зачем? – удивился Ионас.

– Это уже моё дело, – отрезал Хрустальд. – Пошли!

И они поднялись со скамейки и ушли.

– Вот те на! – воскликнул Ватрушка. – Он, наверное, отомстит нашей наследнице престола!

– Однако нам надо держать язык за зубами, – сказал Гороховый Стручок. – Иначе мы можем здорово ему навредить. А теперь за дело: сюда идёт Катринка.

Поварята снова принялись за свою работу. На кухню вошла Катринка. На ней было простое платье и белый передник. Она весело кивнула поварятам и подошла к большой кастрюле, покрытой полотенцем.

– Ну-ка, посмотрим, как поживает моё тесто! – сказала Катринка. – О! Да оно почти готово. Пора месить. – И она принялась месить тесто и напевать:

Вот и я себе местечко
Отыскала наконец,
Здесь тепло, пылает печка,
Греет жар простых сердец.

Подымайся, тесто, лучше,
Замешу тебя я круче,
Ты, огонь, мне помоги

Спечь хлеба и пироги.

Я поглядываю зорко,
Чтоб румяной вышла корка,
Чтоб миндальное печенье
Было всем на удивленье.

С бутылками в руках на кухню вошёл повар.

– Ну что, Катринка, подходит твоё тесто? – спросил он у девушки.

– Подходит! – весело ответила Катринка. – Хорошо подходит, господин главный повар!

– О! Слышали, как она почтительна, не то что вы, лодыри и бездельники, – обратился к поварятам повар. – Знаю, знаю, стоит мне только отвернуться, как вы отпускаете на мой счёт разные глупые шуточки! Ты, Катринка, подвинь квашню поближе к печке. Дрожжи тепло любят.

– Слушаю, господин главный повар, – сказала Катринка и подвинула квашню к печке.

– Однако не так близко, а не то тесто охватит жаром, оно и запечётся.

Катринка послушно слегка отодвинула квашню от печки. В дверь кухни кто-то постучал.

– Ну, кого это нелёгкая несёт! – проворчал повар. – Не дадут человеку чашку кофе выпить.

– Седьмую чашку, – прошептал Ватрушка на ухо Гороховому Стручку.

– Пойди, Катринка, открой, – проворчал повар.

Катринка открыла дверь, и в кухню вошёл Хрустальд в костюме Ионаса с дорожным мешком за плечами.

– Здравствуйте, господин главный повар, – вежливо поздоровался Хрустальд и, видя, что тот взялся за чашку, прибавил: – Приятного вам аппетита!

– Благодарю, – важно отозвался повар. – А по какой, собственно говоря, надобности?

– Я бы хотел наняться к вам в помощники, – ответил Хрустальд.

– Дельно сказано, – прихлёбывая кофе, отозвался повар, – только помощников у меня хоть отбавляй.

– Но я бы взялся за любую работу, – настаивал Хрустальд, – даже за самую чёрную.

– Ишь ты! – усмехнулся повар. – Что это тебя так прижало?

– Нужда, – грустно ответил Хрустальд.

– Жаль, жаль, – притворно вздохнул повар. – Однако помочь тебе нечем. Нет здесь для тебя работы.

– Добрый господин главный повар, – робко сказала Катринка, – вчера вы упоминали о том, что вам нужен кухонный мужик.

– И свинопас! – добавил Ватрушка.

– Молчать! – прикрикнул на них повар. – Упоминал! Ну и что же с того, что упоминал! Не видите сами, что этот парень ещё не дошёл до того, чтобы пойти на такую грязную работу. Он чисто одет, и вообще...

– Но я же сказал, – настаивал Хрустальд, – что никакая грязная работа меня не пугает.

– Да знаешь ли ты, что такое кухонный мужик? – строго спросил повар.

– Не знаю, – сознался Хрустальд.

– Вот в том-то и дело! Сейчас поясню, – пообещал повар. – Кухонный мужик колет дрова для кухни, топит печь, носит воду из колодца, и это ещё не всё. Он таскает помои в свинарник, кормит свиней, чистит свинарник, и все зовут его свинопасом. Ясно тебе?

– Ну что ж, – спокойно ответил Хрустальд, – тем лучше.

– Это почему же лучше? – удивился повар и подозрительно оглядел Хрустальда с головы до ног. – Нет, нет, голубчик. Ты нам не подходишь. Слишком уж ты красавчик, чтобы стать грязным свинопасом. Не правда ли, Катринка?

– Истинная правда, – вздохнула Катринка, – однако как хотелось бы помочь бедняге.

– Нет, нет, – решительно отрезал повар. – Слово у меня твёрдое. Ты, парень, сядь, отдохни, мы угостим тебя королевским обедом, и это всё, что мы можем для тебя сделать.

Тяжело вздохнув, Хрустальд сел на табуретку, снял со спины дорожный мешок и развязал его. Поварята с любопытством следили за его действиями. Хрустальд вытащил из мешка флейту.

– Это ещё что за дудка? – спросил повар. – Уж не мастер ли ты играть?

– Если бы я не умел играть на флейте, зачем бы я возил её с собой? – ответил Хрустальд.

– Ну так сыграй нам что-нибудь, – попросил повар. – Я хорошую музыку уважаю.

– Пожалуй, я сыграю, – согласился Хрустальд, – если вы дадите мне слово...

– Какое ещё слово? – удивился повар.

– Слово, если моя игра вам понравится – вы примите меня на работу.

– Вот чудак! – рассмеялся повар. – Да мне хоть и понравится, я скажу, что нет.

– Не верю, – улыбнулся Хрустальд. – Вы так не сможете поступить – глаза у вас честные.

– Ишь ты, – немного смутился повар. – Ну ладно. Играй, там видно будет.

– Так не пойдёт, – решительно сказал Хрустальд. – Слово вы даёте?

– Даёт! Даёт! – закричали поварята, которым хотелось послушать музыку. – Ну, дядюшка главный повар, дайте слово!

– Молчать! – закричал повар. – Что за баловство на королевской кухне! А ты, парень, – обратился он к Хрустальду, – играй! Слышишь? Тебе говорят – играй!

– Пока не услышу вашего слова – вы не услышите ни звука, – твёрдо сказал Хрустальд.

– Ну, какой ты, право! – с досадой проговорил повар. – Ладно. Даю слово. Играй!

Поварята в восторге захлопали в ладоши, за что получили от повара по подзатыльнику.

– Милая девушка, – торжественно начал Хрустальд. – И вы, господа поварята, будьте благородными свидетелями и не дайте совершиться несправедливости!

Хрустальд заиграл на флейте. На плите начали подпрыгивать кастрюли и сковородки. Пустились в пляс стулья и табуретки. Повар, поварята и Катринка закружились в танце.

Первая придворная дама заглянула в открытое окно кухни, посмотрела, какое веселье идёт на кухне, и исчезла.

Танцующие повар с поварятами развеселились и стали напевать в такт музыке. Первой начала Катринка:

Ах, пляска словно пламя,
Охватывает нас,
Друзья, пляшите с нами
В веселья редкий час!

Поварята подхватили песню:

Эх, белый мой передник!
Эх, поварской колпак!
Король не привередник!
Но выпить не дурак.

Повар, не отставая от своих подчинённых, запел густым басом:

Хоть я и стар изрядно,
Хоть тучен я вполне,
Но поплясать приятно
Сегодня даже мне.

Поварята снова подхватили:

У нашей королевы
Характерец суров.
Летят в минуты гнева
Тарелки в поваров.

Потом запела Катринка:

На королевском бале,
Где нам плясать нельзя,
Так весело едва ли,
Как нам сейчас, друзья!

Повар не дал песне закончиться:

Тяжёлая работа:
Пеки, соли, вари.
Прожорливые что-то
С безделья короли.

Поварята продолжили:

Направо и налево,
Стучи, мой каблучок,
Уж наша королева...

Но повар не дал им допеть и сам закончил песню:

Об этом, чур, молчок!

– Ох, уморил! – простонал повар. – Перестань играть, или я испущу дух – не могу больше!

Хрустальд послушно перестал играть. Повар повалился на стул, обтирая вспотевшее лицо передником.

– Ай да паренёк! – еле дыша от усталости, вымолвил он. – Пронзительно играешь. Полвека живу – такой музыки не слышал.

– Прекрасно! – воскликнул Хрустальд. – Значит, вы меня принимаете?

Повар сделал вид, что не слышал слов Хрустальда.

– Значит, вы меня принимаете? – настойчиво повторил Хрустальд.

– Э, нет, – вздохнул повар. – Этого я не говорил.

– Да вы только что похвалили мою игру перед благородными свидетелями. Где же ваше честное поварское слово?

– Поварское! Честное слово! Какой позор! – завопили поварята.

– Прочь, подпевалы! – заорал повар. – Сказано нет – значит нет.

– Но господин главный повар, – печально сказала Катринка, – вы же сами дали честное слово... Вы... такой благородный человек...

– Конечно, воля ваша, – сказал Ватрушка, – но парень подумает, что королевские повара такой народ, с которым надо держать ухо востро. Они не хозяева своему слову.

– Было бы прискорбно, – подхватил Гороховый Стручок, – если бы такое мнение сложилось о нашей королевской кухне.

– Молчать! – заорал взбешённый повар, но Гороховый Стручок всё же высказал своё мнение.

– Воображаю, – продолжал он, – какие слухи поползут по королевству, а мы с Ватрушкой сделаем всё, чтобы они расползлись как можно шире...

– Ну дядюшка, ну добрый дядюшка господин главный повар, – умоляюще заговорила Катринка, – ну пожалуйста.

– И ты, Катринка! – с досадой воскликнул повар. – Клянусь жареной индейкой, вы меня обошли! А ты, парень, не благодари! Не за что! Катринка покажет тебе свинарник. Ну а вы, бездельники, берите корзины, пошли получать провизию.

– Пошли, пошли, дядюшка Красный Нос! – шёпотом проговорил Гороховый Стручок.

– Пошли, пошли, бездонная пивная бочка! – прошептал Ватрушка.

И поварята, взяв корзины, отправились вслед за поваром получать провизию.

– Милая барышня, – обратился Хрустальд к Катринке. – Я...

– Зовите меня Катринкой, – перебила его девушка.

– Милая Катринка...

– Не милая, а просто – Катринка!

– Ах, чёрт побери, – сердито сказал Хрустальд, – не перебивайте меня на каждом слове, я не привык к этому!

– Простите, господин кухонный мужик, – приседая, насмешливо ответила Катринка. – Я не знала, что вы так благородно воспитаны, все равно как какой-нибудь принц.

– Ты прости меня, Катринка, я действительно осёл! Мне бы следовало поблагодарить тебя за то, что ты замолвила за меня доброе словечко.

В дверь кухни постучали.

– Войдите! – крикнула Катринка. Дверь открылась, и на кухню вошла первая придворная дама. Она строго посмотрела на Катринку. Та поклонилась ей. То же самое сделал и Хрустальд.

– До слуха её высочества принцессы, – надменно начала придворная дама, – донеслись звуки флейты. Кто-то здесь играл на кухне.

– Играл я, – ответил Хрустальд.

Дама открыла кошелёк и порылась в нём.

– Послушай, любезный, – обратилась она к Хрустальду, – принцесса желает приобрести твою флейту. Сколько ты хочешь получить за неё?

– Простите, сударыня, – вежливо ответил Хрустальд, – но моя флейта не продаётся.

– Но я дорого заплачу, – возразила придворная дама.

– Это не имеет никакого значения, – усмехнулся Хрустальд.

– Но как ты смеешь не выполнить приказа принцессы? Она велела тебе продать флейту!

– О, если так, – улыбнулся Хрустальд, – то я сломаю флейту, но ни за что её не продам.

Придворная дама едва перевела дыхание от возмущения и почти шёпотом спросила Хрустальда:

– Чего же ты хочешь, безумный? Как передать принцессе твой ответ?

– Скажите ей, что флейта продаётся не за деньги, а за её поцелуи. Пусть придёт на кухню и поцелует меня пять раз.

От изумления придворная дама и Катринка дружно ахнули.

– Тогда она получит флейту, – закончил свою речь Хрустальд.

– В уме ли ты? Да я не посмею передать принцессе твоего дерзкого ответа. Ах ты негодный...

– Кухонный мужик и свинопас, сударыня, – перебил её Хрустальд.

– Неслыханная наглость! – воскликнула возмущённая придворная дама и, отшвырнув ногой корзинку с овощами, выбежала из кухни,

сильно хлопнув дверью.

– Что вы наделали, сударь! – всплеснула руками перепуганная Катринка. – Теперь я вижу, что вы и впрямь помешались!

– Пустое, Катринка, – засмеялся Хрустальд, – скоро ты увидишь, кто помешался на самом деле.

– Сразу видно, что вы нездешний, – покачала головой Катринка. – Вы ещё не знаете, что такое разозлить принцессу, а я уже кое-что об этом знаю. Она...

Но Катринка не договорила, потому что в дверь снова постучали. Не дожидаясь, пока кто-то откроет дверь на её стук, в кухню вошла вторая придворная дама.

– Кто здесь кухонный мужик? – сурово спросила она.

– Нетрудно догадаться, что это я, а не она, – ответил Хрустальд, указывая на Катринку.

– Принцесса велела передать тебе, что возмущена твоей наглостью, – сурово сказала вторая придворная дама.

– Я сочувствую принцессе, сударыня, – поклонился ей Хрустальд.

– Она предлагает тебе за флейту столько золота, сколько весит флейта.

– Пять поцелуев принцессы – вот мой окончательный ответ, – холодно сказал Хрустальд.

– Это... это... – задыхаясь от возмущения, произнесла дама.

– Падение нравов в королевстве, – услужливо подсказал Хрустальд.

Вторая придворная дама, обессилев от возмущения, прислонилась к кадушке, покрытой мешком, и, сделав резкое движение, провалилась в неё. Хрустальд галантно извлёк её из кадушки, мокрую и возмущённую.

– Это... это... – лепетала мокрая дама, – это...

– Падение в кадушку, сударыня, – снова подсказал Хрустальд.

Придворная дама с криком «Наглец!» выбежала из кухни.

– Что я слышу? – изумлённо прошептала Катринка. – Сама принцесса торгуется с вами... Что же вы не соглашаетесь, несчастный? Зачем накликать на себя беду?

– А тебе жаль меня, Катринка?

– От всего сердца, сударь. Вы напоминаете мне ребёнка, который играет с горящей головешкой, – взволнованно сказала она.

– Как же ты запугана, бедняжка! – Хрустальд участливо погладил Катринку по голове, и в эту минуту на кухню вошла третья придворная дама.

– Принцесса велела передать тебе... – начала она.

– Что возмущена моей наглостью, – перебил её Хрустальд.

– Откуда ты знаешь? – удивилась дама.

– Я уже слышал это. Что же вы предлагаете?

– Золота столько, сколько весишь ты сам, – важно сказала дама, убеждённая, что от такого заманчивого предложения не отказался бы ни один человек в мире.

– Напрасно торгуетесь, – лениво ответил Хрустальд, – пять поцелуев принцессы. Иначе флейта полетит в печь.

– Но послушай...

– Простите, сударыня, мне пора кормить свиней...

Третья придворная дама ушла, так хлопнув дверью, что неизвестно, почему она не сорвалась с петель и не упала.

– Отказаться от мешка золота! Отказаться от счастья быть богатым и независимым! Отдайте, сударь, вашу флейту, ведь всё равно её отберут силой да ещё и в тюрьму упрячут. Где вам тягаться с принцессой! – горячо говорила Катринка, ломая руки.

– Ты желаешь мне счастья, Катринка? – тихо спросил Хрустальд.

– Как вы можете сомневаться в этом? – упрекнула его девушка.

– Ах, Катринка! – вздохнул Хрустальд. – Хорошая ты девушка, но ничего не понимаешь...

– Постойте... Ну конечно, – огорчённо прошептала Катринка. – Вы влюблены в принцессу?

Хрустальд не успел ответить: в кухню неожиданно ворвалась принцесса со своими придворными дамами.

– Где этот гадкий свинопас? – гневно спросила принцесса. – Ах, вот он! Ну что ж, радуйся, негодяй! Я согласилась, но ты у меня поплатишься за это. Заслоните нас, дамы!

Дамы, приподняв длинные юбки, заслонили принцессу. Катринка взяла большую тарелку и закрыла ею лицо.

– Ну целуй, да поскорей! – потребовала принцесса.

– Ну уж нет, – сказал Хрустальд. – Это вы должны поцеловать меня пять раз, а не я вас. Так что выполняйте, если решили завладеть моей волшебной флейтой.

– Я ненавижу тебя, – прошипела принцесса.

– Это не меняет уговора, – спокойно ответил Хрустальд.

– Ты поплатишься, – пригрозила принцесса.

– Я уже слышал это. Вас же никто не заставляет целовать меня. Но чтоб получить флейту, надо идти на какую-то жертву. И торопитесь. Скоро вернётся повар, и тогда будет поздно.

Отчаявшаяся принцесса стала торопливо целовать Хрустальда, а дамы считать поцелуи. После пятого поцелуя принцесса выхватила из рук Хрустальда флейту и вместе с ней стремительно убежала из кухни, сбивая с ног входящих в кухню повара и поварят.

Поднявшись с пола, повар не мог прийти в себя от изумления, а поварята хохотали во всё горло.

– Ну, сударь, – обратился повар к Хрустальду, – я вижу, ты и впрямь мастер творить чудеса... Пригрезилось мне или я на самом деле видел в окно, как её величество целовала тебя?

– Никогда бы не поверила, – грустно сказала Катринка, – если бы не видела собственными глазами.

– А как же тарелка, которой ты прикрыла лицо? – лукаво спросил Хрустальд.

– Ну, я немножко подсматривала, – смущённо призналась Катринка. – Нехорошо осуждать людей, тем более лиц высокого происхождения, но клянусь вам, что я, простая, безродная девушка, не поцеловала бы за самый богатый наряд или за золото человека, которого бы не любила.

– Ишь ты, какая гордая! – воскликнул повар. – А кого же ты поцелуешь, красавица?

– Только того, – тихо ответила Катринка, – кого полюблю. Будь он самым бедным человеком на свете.

– Вот ты какая, – задумчиво и тоже тихо сказал Хрустальд.

– Да уж, такая, – подтвердила девушка. – И мне очень жаль флейты. Как славно мы повеселились под её музыку.

– Не стоит грустить, Катринка, – постарался утешить её Хрустальд, – у меня есть вещица ещё более забавная.

И он вынул из своего мешка небольшую кастрюльку.

– Подумаешь, невидаль какая! – разочарованно сказала Катринка. – Самая обыкновенная кастрюлька.

– Как бы не так! – возразил Хрустальд. – Совсем не обыкновенная. Налей-ка в неё воды и поставь её на горячую плиту.

– Брось в неё кусок мяса, картошку с морковкой, – насмешливо посоветовал Ватрушка.

– Прибавь лапши, и получится суп, – подхватил Гороховый Стручок.

– Неужели вы на самом деле собираетесь варить суп? – спросила Катринка.

Хрустальд, немного обиженный насмешками поварят и Катринки, сам налил в кастрюльку воды и поставил её на горячую плиту.

– Когда закипит вода, – объяснил он, – кастрюлька начнёт рассказывать и петь о тех, про кого бы вам хотелось послушать. Но, по правде сказать, она большая сплетница.

– А вы не шутите? – недоверчиво спросила Катринка и сама ответила на этот вопрос: – Нет, вы не станете смеяться над бедной девушкой, а недурно было бы узнать...

– Что делает сейчас принцесса? – перебил её Ватрушка.

– Извольте, сударь, – любезно откликнулся Хрустальд. – Вода закипела. Сейчас попросим кастрюльку рассказать нам об этом.

Давно я, сплетница моя,
Твоих не слышал песен.
Пропой нам, правды, не тая,
О госпоже принцессе.

Раздалась тихая музыка, и приятный голосок, который исходил из кастрюльки, запел:

Что петь о ней? Всегда она
Всем светом недовольна,
Капризна, зла и неумна,
Дерзка и своевольна.

Пляшите все, она велит,
И ноги не жалейте.

И всё без устали дудит
На вашей бедной флейте.

– Ах, как интересно! – вырвалось у Катринки. – Продолжайте, пожалуйста, милая кастрюлька!

И кастрюлька пропела:

Крик, шум, возня, переполох —
В дворце случилась кража,
Все слуги просто сбились с ног.
Куда смотрела стража?

– Кража? – удивился повар. – Интересно, что могло пропасть во дворце?

И кастрюлька запела:

Недели две тому назад
Пропала кукла-автомат.
И вот когда хватились,
Скажите-ка на милость!

– Кукла пропала, – смущённо сказала Катринка. – Кто бы мог подумать, что принцесса до сих пор играет в куклы? Поднять такой шум из-за какой-то куклы!

– Ай-ай-ай, – лукаво рассмеялся Ватрушка, переглянувшись с Гороховым Стручком. – Из-за какой-то простой куклы?

– Да ведь это же была не простая кукла, – возразил Хрустальд, – это было прекрасное произведение великого мастера, настоящее чудо механики. Видела бы ты, Катринка, как она красива, слышала бы ты, как она поет!

– Где уж нам, – ответила Катринка, – разве меня пустят в королевские покои?

– Да и я там не был, – соврал Хрустальд, – просто я стоял под окном и всё видел.

– Что это мы с тобой его там не заметили, – шепнул Ватрушка на ухо Гороховому Стручку.

– Послушай, Катринка, – обратился к девушке Хрустальд, – я давно хотел тебе сказать, что твоё лицо мне почему-то знакомо.

– Да и ваше лицо я где-то видела.

– Но где я мог тебя видеть?

– Наверно, там же, где я вас.

– Но где же?

– Наверно, во сне, и нигде больше.

– Хватит разговоров! – строго сказал повар. – Я иду к его величеству королю узнать, какое меню он изволит мне заказать на ужин. Ватрушка и Гороховый Стручок очистят овощи и вымоют всю посуду. И чтоб ножи, вилки и ложки сверкали. А ты, Катринка, подмети пол, следи за квашнёй и, когда она будет готова, принимайся печь пироги. А до этого сводишь кухонного мужика в свинарник. Расскажешь ему об его обязанностях. До свидания!

И повар ушёл во дворец. По дороге он повстречался с шутом.

– Привет повелителю кастрюль и сковородок! – крикнул шут, хлопая повара по плечу. – Привет грозе индюшек и цыплят! Куда изволите шествовать, ваше сливочное величество!

– Здравствуй, чертова погремушка! – холодно ответил повар. – Разве ты не знаешь, что его величество собственноручно заказывает мне меню? Он изволит ждать меня.

– Поболтай со мной, старая перечница. Его величество не умрёт от нетерпения, – сказал шут.

– Болтать – это твоё шутовское дело, а я человек серьёзный, – сердито ответил повар и двинулся вперёд, но шут удержал его.

– Э, да ты, приятель, сегодня не в духе! – заметил шут. – Встряхнись, расскажи лучше, как там моя племянница управляется с горшками и сковородками.

– Чудной ты человек, – вздохнул повар, – и должность твоя ничтожная, а вот племянница твоя стоящая девушка. Умница, работа в руках горит, хозяйка... Одна беда...

– Какая? – испугался шут.

– Язык как бритва!

– Так это ж она в меня, – засмеялся шут, – родная кровь не вода.

– А так... всем взяла, – сказал повар и глубоко вздохнул. Шут пытливо посмотрел на него.

– Постой, постой... уж не влюбился ли ты в неё, бочонок пива? – допытывался шут.

– А хоть бы и так, – обиделся повар. – Я бы и посватался, да тут, как на зло, появился этот чёртов кухонный мужик.

– Это ещё что за приятель? – поинтересовался шут.

– Парень как парень. Конечно, молод, смазлив...

– Ну и что? – спросил шут.

– «Что, что»! Сам не понимаешь! – рассердился повар. – Чего ты ко мне пристал? Меня король дожидается, а ты...

И махнув с досады рукой, повар, ворча, пошёл своей дорогой.

– Ай да Катринка! – улыбнулся шут, глядя ему вслед. – Самому главному повару понравилась! Вся в дядьку пошла!

Вернёмся-ка мы с вами на кухню. Катринка уже познакомила Хрустальда с хрюшками и теперь стояла и смотрела, как ловко он рубит дрова. А поварята занялись своими обычными делами. Чистили овощи, мыли кастрюли, ощипывали кур и индеек.

– Мне не терпится узнать, что задумал наш кухонный мужик, – сказал Ватрушка, бросая очищенную картошку в кастрюлю с водой. – Носом чую, что он неспроста к нам явился. Вот увидишь... он что-то затевает... а наша кухня – это просто место, где он может скрываться до поры до времени. Ты заметил, какие у него белые руки? Разве человек с такими руками нуждается в чёрной работе?

– Уж не думаешь ли ты, – спросил Гороховый Стручок, – что он разбойник?

– Ну ты, брат, хватил! Конечно, не думаю. Тут что-то другое, – предположил Ватрушка.

– Это надо пронюхать, разузнать, подслушать, выведать, догадаться, и мы это умеем, – заявил Гороховый Стручок. – Ведь недаром мы с тобой сочинили песенку. Споём?

– Споём! – весело ответил Ватрушка. – Начинаем!

Нас, двух весёлых поварят,
То именно касается,
Что люди скрыть от всех хотят,

О чём молчать стараются.

Недаром люди говорят,
Что нет смышлёней поварят!
А мы везде всегда вдвоём...

Но допеть им не пришлось. В кухню вошёл повар не в лучшем расположении духа.

– Вот они где, кошачьи дети! – закричал повар. – Я вам что поручил? Напомню! Ватрушка должен был сходить к сапожнику и принести мне починенные сапоги, а ты, Гороховый Стручок, что глазами хлопаешь? Где чистые халаты? Ты был в прачечной? Нет? А я ведь тебе это приказал. Молчите, бездельники! А ну-ка, марш отсюда. Ватрушка к сапожнику, а ты, чертов стручок, в прачечную! Живо!

Испуганные поварята бегом бросились из кухни. Повар же сел за стол и задумался.

– Куда девалась Катринка? Пироги испечены, покрыты чистым полотенцем... Не иначе как она отправилась гулять под ручку с этим кухонным мужиком... Ох, зря я взял его на работу...

Тяжело вздохнув, повар утешил себя кружкой пива. Присел к теплой печке и задремал.

А в это время в королевском парке разыгралась бурная сцена. По аллеям металась разъярённая принцесса, и все шесть её придворных дам бегали за нею, пытаясь её успокоить. Сами были виноваты. Зачем они рассказали принцессе о том, что подслушали под окнами королевской кухни, как и о чём поёт волшебная кастрюлька кухонного мужика?

– Успокойтесь, ваше величество! – хором умоляли придворные дамы принцессу.

– Вздор! – кричала принцесса. – Глупые, толстые индюшки! Вы назло! Назло!

– Ради всего святого, придите в себя, – просила принцессу первая придворная дама.

– Вздор! Вздор! – надрывалась принцесса. – Змеи! Макаки! Не желаю успокаиваться! Лягушки расфуфыренные! Крысы!

– Однако вы нас честите, ваше высочество, как простых служанок, – возмутилась вторая придворная дама.

– А между тем мы ни в чём не виноваты! – обиженным голосом добавила четвёртая придворная дама.

– Они не виноваты! А? Как это вам нравится! – неизвестно к кому обратилась принцесса. – Они не виноваты, эти безмозглые разодетые хрюшки!

– Боже мой! Как вы выражаетесь, принцесса! Что сказала бы госпожа гофмейстерина, если бы услышала? – предположила четвёртая дама.

В это время в парке появилась гофмейстерина, но дамы её не заметили.

– Как же! – зло воскликнула принцесса. – Очень мне интересно знать, что сказала бы эта засушенная старая вобла.

– Вы, кажется, упоминали обо мне, принцесса? – спросила гофмейстерина елейным голосом, надеясь, что поставила свою воспитанницу в неловкое положение. Но принцесса молчала. Дамы её «выручили».

– Принцесса изволила сказать, что вы, госпожа гофмейстерина, засушенная старая вобла, – хором сказали все придворные дамы.

– Остроумие моей воспитанницы мне хорошо известно, – сухо ответила гофмейстерина и величественным шагом удалилась.

– Нет, нет, – сказала принцесса, – я не успокоюсь до тех пор, пока эта кастрюлька не будет в моих руках. Вы все просто не умеете торговаться.

– Что вы, ваше высочество! Это мы-то не умеем торговаться?! – возмутилась первая дама. – Да я за всю свою жизнь гроша не переплатила! Но ведь он ничего не хочет слушать!

– Просто удивительно, до чего зазнался этот мужик! – возмутилась вторая дама.

– Какая неслыханная наглость! – воскликнула третья. – Задолбил одно и то же: кастрюльку принцесса получит только в том случае, если выйдет за меня замуж!

– Вот нахал!

– И кроме того, – добавила четвёртая дама, – требует в задаток – так он выразился – ещё пять поцелуев принцессы!

– Вы бы поступили благоразумно, ваше величество, – осторожно сказала первая придворная дама, – если бы отказались от мысли приобрести эту волшебную кастрюльку.

– И для принцессы бывает что-то недостижимое, – злорадно добавила четвертая дама.

– Послушайтесь нашего совета, принцесса. Отступитесь, – умоляюще произнесла пятая дама.

– Не выходить же замуж за мужика! – воскликнула шестая дама.

– Отступитесь, принцесса, отступитесь!

– Что? – завопила принцесса. – Отступиться! Ни за что! Отказаться от волшебной кастрюльки? Не смейте меня отговаривать.

Короткое молчание прервала четвёртая дама.

– Действительно, это так заманчиво... – вкрадчиво начала она, – поставить кастрюльку на огонь, налить воды, попросить её рассказать, что тебя интересует, и она... Ах, как я вас понимаю, ваше величество... Вода закипит и...

– Интересно было бы узнать, – не дала ей договорить первая дама, – чем занимается по вечерам наша почтенная госпожа гофмейстерина, запершись в своих комнатах...

– Говорят, она любит заглянуть в рюмочку, – смеясь, заметила вторая дама.

– Но многие утверждают, что она вертится перед зеркалом, примеряя новые наряды. Она ещё мечтает понравиться кому-нибудь, – живо сказала третья дама.

– Не смейте дразнить меня, дамы, – жалобно простонала принцесса, немного помолчала и промолвила: – Как хорошо было бы заставить кастрюльку спеть о том, что делается по утрам на кухне главного судьи. Говорят, что он чудовищно скуп и ссорится с женой из-за каждого лишнего яйца!

– И заставляет её стирать белье, чтобы не тратиться на прачку! – подхватила шестая дама.

– Вот почему у неё всегда такие красные руки! – воскликнула принцесса.

– Но интереснее всего было бы узнать... – начала пятая дама, но принцесса перебила её:

– Ах, замолчите вы все! Можно ли отказаться от такого чуда? Уж лучше выйти замуж за свинопаса и заполучить это чудо, чем всю

жизнь терзаться невыполнимым желанием его иметь!

В парке зазвучала торжественная музыка, заставившая принцессу и её дам умолкнуть.

Вошёл гофмейстер и торжественно провозгласил:

– Их королевские величества король и королева!

Слуги внесли два больших трона и один поменьше.

В парк величаво вошли король и королева. Дамы низко поклонились им.

Король и королева сели на свои троны. Принцесса, оставив своих дам, присоединилась к родителям и села рядом с ними.

– Мы решили, – сказал король, – сегодняшний приём гостей провести в парке. В тронном зале невыносимо жарко. Здесь, на свежем воздухе, лучше.

Пришедшие вместе с королевской четой кавалеры присоединились к дамам, а шут, как всегда, сел на ступеньке трона, у ног короля.

Дождавшись, когда все займут свои места, гофмейстер громко провозгласил:

– Их сиятельства индийский и персидский принцы со своей свитой.

– Неужели они приехали свататься? – шёпотом спросила королеву принцесса.

– Естественно, – так же шёпотом ответила та, – иначе что бы им тут надо было!

– Опять! – с досадой сказала принцесса. – Когда же это кончится?

– Когда мы выдадим тебя замуж за какого-нибудь принца, – тихо ответила королева.

В парке появились индийский принц со своей свитой и персидский принц со своей, не менее многочисленной.

Подойдя к тронам короля и королевы, оба принца низко поклонились им.

– Дочь моя, – сказал король, выслушав приветствия обоих принцев, – персидский шах и индийский раджа, услышав о вашей красоте, уме и прекрасном воспитании, прислали своих наследных принцев, чтобы... ну... и вообще...

Король наклонился к шуту и тихо спросил его:

– А зачем они их прислали?

– Чтобы почтительнейше просить руки вашей дочери, – тихо ответил шут.

– Удивительно, как они торопятся выпихнуть меня замуж, – тихо прошипела принцесса. Королева толкнула её локтём, принцесса вздрогнула и громко сказала: – Приветствую вас, благородные принцы!

Сын раджи восторженно посмотрел на принцессу, поклонился ей и нараспев заговорил:

– Как птица на быстрых крыльях летит слух о вашей красоте, о вашем уме и ангельском характере, ваше высочество! Созерцая божественные черты вашего лица, я, недостойный, убеждаюсь, что слишком бледны все описания, что клевещут на вас ваши портреты.

– Как мне всё это надоело! – тихо сказала принцесса и зевнула. – Всё одно и то же!

Испуганная её словами гофмейстерина что-то быстро прошептала принцессе на ухо. Та встряхнула головой и громко сказала:

– Благодарю вас, благородный принц!

– Чтобы позабавить вас, – продолжал сын раджи, – о, неоценимая, которой суждено стать самой прелестной жемчужиной в короне нашего царства, я привёз с собой факира.

– Что такое факир? – тихо спросила принцесса гофмейстерину. – С чем его едят?

– О Боже! – также тихо ответила гофмейстерина. – Я вам потом объясню. А вы лучше помолчите, принцесса, вам это идёт.

Сын персидского шаха, ревниво оглядев своего соперника и не дав ему продолжить свою речь, торопливо заговорил:

– О, принцесса! Благоуханный цветок моего сердца! Свет моих зрачков! Прелестная гурия, подобная полной луне в шестнадцатый день.

– Почему в шестнадцатый, а не в двадцатый? – тихо спросила принцесса.

– Ради Бога, молчите, – шепнула гофмейстерина.

– О, обладающая красотой, – заливался сын персидского шаха, – заставляющей чернеть от зависти розы и неметь от восторга уста поэтов. Среди богатых даров, которые я повергну к вашим маленьким

ножкам, подобным лепесткам лилии, есть и забава. Я привёз, чтобы развлечь вас и ваших царственных родителей, персидского чудодея.

Гофмейстерина что-то шепнула принцессе на ухо. Та хоть и качнула упрямо головой, но всё же сказала:

– Благодарю вас, благородные принцы!

– Факир и чудодей! – воскликнул король. – Это забавно! Ничего так не люблю, как фокусы!

– Но, друг мой, – прошептала королева, едва сдерживая своё возмущение, – королю неприлично любить фокусы! Это простонародное зрелище!

– Ах, ваше величество! – воскликнул шут. – Поэтому вы так любите меня. Ведь я не человек, а фокус! Я всегда не тот, за кого меня принимают!

– Почему бы нам не заняться фокусами? – спросил король, не обратив никакого внимания на замечание королевы и выходку шута.

– Я от души рад позабавить такое избранное общество! – воскликнул сын раджи. – Итак, с вашего позволения, ваше величество...

Он хлопнул в ладоши, и из его свиты вышел голый по пояс факир в чалме. Слуги принца внесли и поставили на землю большой сундук.

– Вам неприлично смотреть на голого мужчину, принцесса, – сказала гофмейстерина. – Отвернитесь.

– Пустяки! – отмахнулась от неё принцесса. – Он же полуголый!

– Отвернитесь или прикройте лицо веером, – настаивала гофмейстерина.

– Очень надо! – дерзко ответила принцесса. – Вам не нравится – отвернитесь сами!

– О, вы получите хорошую награду, сударыня, – зловеще сказала гофмейстерине королева!

– За что? – замирая от страха, спросила несчастная старуха.

– За образцовое воспитание нашей дочери, которое мы, к сожалению, вам доверили, – со злобой прошипела королева.

Факир тем временем откинул крышку сундука и влез в него. Сын раджи закрыл сундук.

– Как думает избранное общество, где находится факир? – торжественно спросил сын раджи.

Все дружно крикнули:

– В сундуке!

– Вы тоже так думаете, ваше величество? – обратился к королю индийский принц.

– Ну а где же ещё? – снисходительно отвечал король. – Конечно, в сундуке, если он туда залез.

– Прошу вас, – обратился принц к шуту, – будьте так любезны, откиньте крышку сундука.

Шут проворно подбежал к сундуку и открыл крышку. Все, заглянув в сундук, ахнули. Он был пуст.

– Не может быть! – воскликнула принцесса.

– Вот это фокус! – восторгался король.

– Непостижимое явление! – удивлялась королева.

– Уж не надел ли этот факир шапку-невидимку? – предположил гофмейстер.

– Куда же всё-таки девался факир? – спросила принцесса. Сын раджи загадочно улыбнулся ей и сказал:

– Это тайна чёрной магии, ваше величество!

Затем он хлопнул в ладоши. Двое его слуг подошли к сундуку и попытались его поднять, но не смогли и, едва приподняв, опустили его на землю.

– Это ещё что такое? – удивился король. – Два таких здоровенных парня не могут поднять пустой сундук! В чём дело?

– Не знаю, ваше величество, – пожал плечами индийский принц. – Не будете ли вы так любезны, ваше величество, простите мою дерзость, самому поднять крышку сундука?

Король, несмотря на попытку королевы удержать его, подошёл к сундуку и откинул крышку сундука. Снова все ахнули. И на этот раз ещё громче. Из сундука вышел факир, но уже не полуголый, а одетый в прекрасный костюм. Он вылез из сундука и, держа в одной руке целый букет разноцветных шёлковых платочков, подошёл к королеве и вручил ей самый красивый платок. Затем платочек был подарен принцессе. Одарив мать и дочь, факир обошёл всех придворных и каждой даме подарил по платочку. Затем он низко поклонился и присоединился к свите индийского принца. Слуги унесли пустой сундук.

– Это всё мне здорово понравилось! – громогласно признался король.

– Но как все же факир снова очутился в сундуке, да ещё и в новом костюме? – спросила принцесса.

Индийский принц поклонился ей и с таинственным видом ответил:

– А вот это уже тайна белой магии, ваше величество.

Сын персидского шаха, которого совсем не обрадовал успех соперника, поклонился королевской чете и спросил:

– Не угодно ли вашим королевским величествам и всему избранному обществу позабавиться зрелищем чудодейств персидского мага?

– Угодно, любезный принц, – милостиво разрешил король.

– В таком случае да будут отверсты ваши глаза и уши! – торжественно сказал персидский принц и дважды хлопнул в ладоши.

Раздались звуки музыки, и перед избранным обществом появился маг. Это был старик, облачённый в белую шёлковую хламиду, расшитую золотыми звёздами. На голове у него был большой белый колпак. В руках он держал расписной цветочный горшок, наполненный землёй. Затем он обошёл всех присутствующих, начиная с короля, и показал всем лежащее на ладони небольшое зёрнышко. После этого он опустил это зёрнышко в горшок, сделал руками несколько странных жестов и произнёс на незнакомом языке заклинание.

И вот из горшка показался маленький зелёный стебелёк. К удивлению всех, стебелёк начал быстро расти, затем на нём появились листья и вырос большой бутон.

И тут маг заговорил на всем понятном языке:

Волшебной силою полно,
Расти, чудесное зерно,
Тянись, зелёный стебелёк,
Цвети, невиданный цветок!
Тебе приказывает маг
Ещё алее быть, чем мак,
Той, что прекраснее зари,
Сорви цветок и подари.
Поверь, любим ты будешь той,
Что всех затмила красотой.

Цветок мой, чудо сотвори!
Сорви его и подари.

Бутон раскрылся и превратился в большой, невиданной красоты алый цветок. Дивный его аромат разлился по царскому парку.

Сын персидского шаха сорвал цветок, подошёл к принцессе и, став перед ней на одно колено, преподнёс ей чудо-цветок! Маг взял горшок и ушёл.

– Как это благородно! Как это деликатно выбрать для фокуса цветок, – сказала королева. – А вот нам нечем удивить чужеземцев. Это досадно!

– Что-то надо придумать, – решил король. – Не можем же мы допустить, чтобы эти принцы осуждали нас!

– О, как вы правы, ваше величество, – осмелилась вступить в разговор гофмейстерина, – это может подорвать авторитет нашего двора.

– Мало того, – промолвил гофмейстер, – это может отразиться на внешней политике.

– Чего стоит правительство, если в этой стране никто не умеет показывать фокусы, – лицемерно вздохнул шут. – Нет у нас чудодеев, магов и фокусников, проморгали! Не учли! Но не надо огорчаться, ваше величество. Я мог бы вас выручить!

– Ой, шут, врёшь! – усомнился король.

– Не сносить мне шутовского колпака, если у принцессы нет волшебной флейты! Велите ей сыграть. Клянусь, то, что вы увидите, будет похлеще магов и полуголых факиров.

– Правда? – оживился король. – Дочь моя, приказываю вам сыграть на вашей волшебной флейте, чтобы удивить наших гостей.

– Боюсь, что это чересчур удивит их, – с усмешкой ответила принцесса.

– Слушайтесь отца, дочь моя, – приказала королева.

– Хорошо, – согласилась принцесса, – я сыграю, но с условием, что мне будет предоставлено право самой выбрать себе жениха.

– Ого! – воскликнул шут.

– Это все плоды вашего воспитания, – прошипела королева гофмейстерине.

– Не смейте и думать об этом, дочь моя! – крикнул возмущённый король.

– Тогда вы не услышите волшебную музыку моей флейты. И ничем не удивите благородных принцев, – спокойно ответила наследница престола.

– Соглашайтесь, ваше величество, – зашептал шут королю на ухо. – Вы ничем не рискуете. Она выберет или того, или другого принца. Они стоят друг друга. А ведь других-то не предвидится...

– Ты прав, – оживился король. – Дочь моя, мы обещаем королевским нашим словом предоставить вам право самой выбрать себе жениха.

– О! – воскликнула принцесса и приказала первой даме принести флейту, вручив ей золотой ключик от шкатулки, в которой хранилась флейта.

Первая дама ушла за флейтой, а шут подошёл к гофмейстерине и расшаркался перед нею:

– Госпожа гофмейстерина! Я танцую с вами, чтобы вам было на кого падать!

– О, как я вас... – начала гофмейстерина, но шут её перебил.

– Я вас тоже обожаю, моя несравненная! – закричал он на весь зал, вызвав смех у придворных. – Пусть все знают об этом!

– Не-на-вижу! – сказала сквозь зубы гофмейстерина и умоляюще посмотрела на королеву. Та ответила ей презрительным взглядом. Первая дама вернулась и отдала принцессе флейту.

Принцесса начала играть. Все стали улыбаться и приплясывать, потом пары закружились в танце. Пляска всё ускорялась и ускорялась. Против своей воли заплясали и королева, и король. Изнемогшая гофмейстерина упала на руки шуту, и он закружил её во все ускоряющемся темпе. Выражая крайнее возмущение, подпрыгивали в танце индийский и персидский принцы. Они что-то выкрикивали на своих языках, но изнемогшие танцоры их не слушали.

– Перестаньте плясать! – возмущённо кричала королева своему мужу. – Вы нарушаете этикет!

– Мои ноги не слушаются меня, – чуть не плача, оправдывался король.

– Велите арестовать свои ноги, – насмешливо посоветовал ему шут.

– Дочь моя! Прекратите играть! – приказывал король.

Но принцесса не слушала. Ей было весело смотреть на всех этих изнемогавших от усталости людей.

– Сейчас же перестаньте! – потребовала, чуть не падая, королева.

– Всё! – весело сказала принцесса и перестала играть.

Задыхающийся от бешеной пляски сын индийского раджи, шатаясь, подошёл к упавшему на трон королю.

– Я возмущён, – задыхаясь, выговорил он. – В нашей стране подобные оскорбления лиц королевского рода смываются кровью. Я не уверен, что мой отец – его величество раджа – не объявит вашему королевству войну!

– А если война вам будет объявлена, – подхватил сын персидского шаха, – то я не уверен, что мой отец – его величество шах – не будет воевать на стороне оскорбленного государства.

– А за сим, – подхватил сын раджи, – примите уверения в совершеннейшем к вам почтении...

– ...любви и уважении, – закончил его обращение к королю сын персидского шаха.

Сын раджи направился к выходу. Уходя, он, начиная с королевы и принцессы, вырвал из рук дам шёлковые платочки, подаренные им факиром, и гордо удалился. Сын персидского шаха последовал за ним. Свиты обоих принцев торопливо покинули тронный зал. Воцарившееся тревожное молчание нарушила принцесса.

– Ну что? – спросила она. – Удивила я их, дорогие родители?

– Даже слишком, – сурово ответил король.

– Они потрясены, – мрачно сообщила королева.

– Сбиты с толку, – прошептала гофмейстерина.

– Однако они грозили войной, – испуганно сказал король.

– А воевать нам ой-ой как не надо, – сокрушался шут, – казна пустехонька, как мой карман.

– Пожалуй, лучше уладить дело миром, – вслух подумал король.

– О да, ваше величество. Это мудро, – горячо откликнулся камергер. – Народ ни за что не захочет войны.

– А какое дело народу? – спросила королева. – Народ обязан любить и почитать своих королей и воевать по их приказу. Если будет нужна война, кто станет считаться с народом?

– Как мудра наша королева, – льстиво пролепетала гофмейстерина.

– Мы это обсудим, – сказал король, – а пока предлагаю всем пойти и утешиться хорошим угощением.

– Отлично, – вставая, сказала королева. – Не стоит перед едой портить аппетит. Это дурно влияет на пищеварение.

И все покинули парк. Все? Нет, не все. Принцесса не только не последовала за всеми, не только осталась в парке, но и удержала возле себя всех своих придворных дам.

– Бегите! Бегите скорей, – заторопила она первую и вторую придворных дам. – Бегите на кухню и приведите этого гадкого мужика. Передайте ему, чтобы он хотя бы умылся получше.

– Слушаемся, ваше высочество, – ответили дамы и покинули парк.

– Может быть, всё-таки лучше отказаться от этой затеи, – робко начала третья придворная дама.

– Не смейте меня отговаривать! – приказала принцесса. – Скоро! Скоро я буду знать обо всём, что творится в соседних домах. Тайн для меня не будет! Ведь это так увлекательно узнать о людях именно то, что они тщательно скрывают. А вот и они!

В парк вошли обе дамы и Хрустальд с кастрюлькой в руках.

– Ваше высочество, по вашему повелению... – начала было первая дама, но Хрустальд её перебил.

– Вы изволили звать меня, ваше высочество? – почтительно спросил Хрустальд.

– Я слышала много небылиц о твоей кастрюльке, – небрежно сказала принцесса, – и хотела бы...

– Убедиться, не ложь ли это?

– Вот именно.

– Сейчас я разожгу костёр, – сказал Хрустальд.

Он собрал сухой валежник, который не успел вынести садовник, положил на него сухую траву, зажег её спичкой, и через несколько минут в королевском парке запылал маленький костёр.

– Мне нужна вода, – сказал Хрустальд.

– А духи можно? – спросила принцесса.

– Ещё лучше! – усмехнулся Хрустальд. – По всему парку пойдёт аромат.

Принцесса достала из своей сумочки флакончик и вылила в кастрюльку духи. То же самое сделали все её придворные дамы.

– Что угодно узнать принцессе о своих друзьях или врагах? – спросил Хрустальд, когда в кастрюльке забулькали закипевшие духи.

– Ваше высочество, спросите о главном судье, он... – попросила первая дама.

– Ах, нет, лучше о гофмейстере, – перебила её вторая дама.

– Не мешайте мне! – прикрикнула на них принцесса. – Я желаю знать, что чувствует сейчас принц Христиан после того, как я выгнала его из тронного зала.

– Слушаюсь, ваше высочество, – спокойно ответил Хрустальд. – Пой, моя кастрюлька.

Послышалась негромкая музыка, и из кастрюльки полилась тихая, но мелодичная песня:

Когда принцессы гнев утих,
Охваченный испугом,
Седлать коней велел жених
Своим покорным слугам.

Любовь заочная – обман,
И в ней не жди успеха,
Ах, как ошибся Христиан,
Что свататься приехал.

– Ну и женишок! – рассмеялась принцесса. – Жалкий трус! Вели своей кастрюльке спеть про моего другого жениха – принца Олафа.

– Извольте, принцесса, – улыбнулся ей Хрустальд. – Что тебе известно, моя умница, о принце Олафе? Пожалуйста, спой её высочеству принцессе.

И кастрюлька послушно запела:

Опасен, дик принцессы нрав,
Глупа и своевольна.
И, убедившись в том, Олаф,
Сказал себе: «Довольно!

Я сердцем робок, нравом тих,
Мне здесь совсем не место.
Я ей, конечно, не жених,
Она мне не невеста!»
К себе на родину попав,
Довольный сам собою,
Поклонник, бывший ваш Олаф,
Утешился с другою.

– Ах он изменник! – возмутилась принцесса. – Впрочем, не всё ли мне равно. Я и его прогнала. Жаль только, что куклу его украли. Скажи своей кастрюльке, пусть споёт, что поделывает этот чудак принц Хрустальд. Ну и подарочек он мне приготовил! Вы помните, дамы? Какой-то жалкий куст обыкновенных роз.

Дамы посмеялись, услышав, как принцесса отозвалась о чудаке-принце Хрустальде, а он спел сам короткую песенку:

Кастрюлька, сплетница моя,
Будь очень осторожна
И спой нам, правды не тая,
О том, что только можно.

И кастрюлька запела:

Хрустальд? Домой он не спешит,
От вас он недалёко.
Он вам, принцесса, отомстит,
И, может быть, жестоко!

– Отомстит! – воскликнула принцесса. – Руки у него коротки! Ещё не родился человек, который посмел бы мстить мне – наследной принцессе. Лжёт твоя кастрюлька!

– А может быть, Хрустальд только мечтает вам отомстить, принцесса, – тихо сказал Хрустальд.

– Мало ли кто о чём мечтает, – ответила ему принцесса. – Я вот тоже мечтаю иметь твою волшебную кастрюльку.

– Ну что же! Стоит вам сказать одно маленькое слово, и кастрюлька ваша. Ну, решайтесь же! – вкрадчиво произнёс Хрустальд.

– Легко ли? – вздохнула принцесса.

– А вы вглядитесь в меня получше. Многие говорят, что я недурен собой...

– Ты? Да как ты смеешь! – воскликнула принцесса и всё же внимательно посмотрела на Хрустальда и неуверенно проговорила: – Впрочем... постой... а ты и вправду не урод. А? Что вы скажете, дамы?

– Я давно заметила, что он просто красавчик, – томно пропела первая дама.

– Эти синие, как небо, глаза! – мечтательно пролепетала вторая дама.

– А волосы! Эти золотые завитки! – восторженно вскрикнула третья.

– Да... да... – рассеянно отозвалась принцесса, – сама вижу. Не слепая. Если ещё одеть его получше... Я, кажется, сдаюсь. И к тому же я имею право выбора. Ах, как это кстати! Ну хватит сомневаться. Я согласна выйти за тебя замуж. Ой, стой, погоди... Нет, ничего... Это я так... Я решилась. Я удостаиваю тебя этой великой чести!

Король вышел на балкон, с которого был виден весь парк, долго всматривался, не понимая, с кем беседует его дочь, окружённая придворными дамами, а когда услышал её слова, обомлел от ужаса и так растерялся, что не смог выговорить ни одного слова. Он перегнулся через балкон и стал прислушиваться.

– О, принцесса! – с напускным пафосом произнёс Хрустальд. – Вы меня осчастливили!

С этими словами он стал на колени, взял протянутую ему руку принцессы, поднёс её к губам, но не поцеловал.

Шут вышел на балкон и, видя, что король наблюдает за происходящим в парке, последовал его примеру.

Король с изумлением и гневом наблюдал за этой сценой. До него донёсся голос дочери.

– В чём дело? Почему вы не поцеловали моей руки? – гневно спросила принцесса. Дамы испуганно переглядывались.

– Пять поцелуев в задаток! – ответил, вставая, Хрустальд.

– Ах, господи! – с досадой воскликнула принцесса. – Нельзя же быть таким мелочным!

– Поцелуи принцессы – не мелочь, – возразил Хрустальд, – а великое счастье. И к тому же так было условлено. Значит, надо держать своё слово.

Принцесса глубоко вздохнула и заколебалась. Дамы шёпотом уговаривали её. Всем им страсть как хотелось отвоевать волшебную кастрюльку у свинаря, ведь она сулила им столько развлечений.

– Ну хорошо! – с досадой сказала принцесса. – Целуй, но только поскорей. Дамы, окружите нас, прикройте...

Дамы так же, как это уже было на королевской кухне, окружили принцессу и Хрустальда.

– Нет уж, – сказал Хрустальд, – по уговору вы должны целовать меня, а не я вас.

– Ваше величество, держитесь, – сказал шут.

Принцесса стала целовать Хрустальда, а дамы – считать поцелуи.

– Что это? – спросил король у шута. – Кого это целует моя дочь?

– Кухонного мужика, – ответил шут.

– Что? Я тебя спросил, кого целует моя дочь?

– Свинаря, ваше величество, – ответил шут.

Король снял с ноги башмак и бросил его вниз. Башмак угодил Хрустальду по голове. Дамы в ужасе разбежались. Ушёл и Хрустальд. Принцесса, взяв в руки кастрюльку, подняла голову и увидела на балконе разгневанного отца.

– Вы, кажется, видели дурной сон после обеда, ваше величество? – спросила принцесса.

– Я видел дурной сон наяву! – гневно закричал король. – Как вы посмели, негодница!

– Ваше величество, отец, – дерзко за явила принцесса, – я воспользовалась правом самой выбрать себе жениха и выхожу замуж за... этого... юношу. Моё решение окончательное и вашему запрету не подлежит.

– Очнитесь! Опомнитесь, дочь моя! За кухонного мужика! Вы в своём ли уме? За свинаря? Отвергнув пять благородных наследных принцев, выйти замуж за мужика, – кричал с балкона король. – Очнитесь!

– Не очнусь! Не опомнюсь! – топая ногами, кричала принцесса.

Обессилев, король упал на руки шута. Корона с его головы свалилась. Шут надел на его голову свой колпак.

– Обожаю весёлые помолвки! – смеялся шут.

А не забыли ли мы о весёлых поварятах? Где они? Что делают?

Да вот же они. Как всегда, сидят на маленьких табуреточках и занимаются своим делом: Ватрушка ощипывает цыплят, Гороховый Стручок чистит овощи.

– А где наш кухонный мужик? Что-то я давно его не вижу, – сказал Ватрушка.

– Я видел, как он куда-то уходил со своей волшебной кастрюлькой, – ответил Гороховый Стручок.

– А я видел его, когда он вернулся без кастрюльки. Будет обидно, если он её потерял или, что ещё хуже, продал, – заметил Ватрушка. – Наверно, он рубит дрова.

– Не горюй о кастрюльке, – утешал товарища Гороховый Стручок. – Мы с тобой умеем сочинять песни не хуже её. Споём.

Гороховый Стручок запел, а Ватрушка стал ему вторить:

Принц Христиан, который был
Учтивости образчик,
Свои надежды возложил
На музыкальный ящик.
Он был уверен, тра-ля-ля,
Что всё устроил славно,
Что покорил он короля,
А дочку и подавно!
Ах, я, души моей царица,
Вам в ножки кланяюсь, моля
Со мною в танце покружиться
Гоп тра-ля-ля, гоп тра-ля-ля.
Но вдруг нежданно замолчал
Наш ящик музыкальный,
Жених испуганный сбежал.
Какой конец печальный!

– Ну что, Ватрушка, чем наши песни хуже кастрюлькиных? – спросил Гороховый Стручок. – Давай теперь споём про принца Олафа.

И они запели:

Была затея неплоха
У молодого жениха:
Горел желанием он жарким
Невесте угодить подарком.

Но, как мечтал он, не случилось,
В груди у куклы, сердце билось.
Ведь где обман, там и беда,
Исчезла кукла без следа.
Теперь без горя и забот
На кухне девушка живёт.

– Тс-с! Об этом никому ни слова! Это только мы с тобой знаем, – сказал Ватрушка.

– Ага, – обиделся Гороховый Стручок. – Ты умеешь хранить тайну, а я, значит, нет?

– Тихо, – прошептал Ватрушка, – я слышу шаги. Это, наверное, идёт она. Не знаешь, почему она последние дни всё время плачет?

– Понятия не имею, – сознался Гороховый Стручок. – Да, это она идёт, а за нею и свинарь. Давай спрячемся в кладовку, приоткроем дверь и подслушаем, о чём они будут говорить.

Сказано – сделано. Едва успели поварята юркнуть в кладовку, как в комнату вошёл Хрустальд. Он осмотрелся вокруг и пробормотал:

– Никого нет. Ни повара, ни поварят, ни Катринки. Повар, наверное, отправился к королю узнать, какое меню закажет ему его величество, Катринка... не знаю где. А куда подевались поварята? Бросили работу... Вот и цыплята недощипаны, и овощи недочищены... Мальчишки!

В кухню вошла Катринка с лейкой в руках.

– Здравствуйте, сударь, – грустно приветствовала она Хрустальда.

– Здравствуй, милая! – ласково ответил Хрустальд и взял её за руку.

Катринка осторожно выдернула руку и опустила голову.

– Скоро мне придётся сказать вам «прощайте, сударь».

– Не думаешь ли ты, – возразил Хрустальд, – что, став мужем принцессы, я откажусь от старых друзей, от тебя, Катринка?

– Так всегда бывает, – грустно ответила Катринка и направилась к двери.

– Куда ты? – остановил её Хрустальд. – Я ещё не насмотрелся на тебя.

– Сегодня жаркий день. Я спешу полить мою розу.

– Какую розу? – взволнованно спросил Хрустальд. – Разве ты разводишь цветы?

– Нет, – вздохнула Катринка, – но я подобрала разбитый горшок с розовым кустом у королевских покоев. И мне стало жаль, что погибает такая чудесная роза. Я пересадила её на клумбу, поливаю. Она быстро разрослась в большой куст. Право, мне надо о ком-нибудь заботиться, чувствовать себя нужной кому-то, хотя бы кусту роз. А я её полюбила, как верную подружку. Не смейтесь, сударь. У Катринки нет никого на свете.

– Я и не думал смеяться, – ответил глубоко тронутый её рассказом Хрустальд.

– Когда я прихожу к своей розе, вдыхаю её аромат, то забываю о всех своих горестях... Мне становится так легко и радостно, словно я самая счастливая девушка на свете...

– Ну что же ты замолчала? – тихо спросил Хрустальд. – Говори, говори...

– Эх, сударь, – с горечью ответила Катринка. – Я уже всё сказала. Завтра я срежу несколько самых красивых роз и преподнесу их вашей милости – счастливому жениху.

– Прошу тебя, – порывисто сказал Хрустальд, – не делай этого!

– Вы не хотите принять от меня такого скромного подарка? Ведь завтра ваша помолвка с принцессой!

– Помолвка! – с горечью сказал Хрустальд. – Если бы ты знала, Катринка!

– Всё я знаю, сударь, да не легче мне от этого. Будьте счастливы!

С этими словами она ушла.

– Так вот для кого я вырастил свою волшебную розу, – задумчиво сказал Хрустальд. – Пойду расскажу всё Ионасу. Что посоветует мне

этот мудрый старик?

Хрустальд покинул кухню, а из кладовки вышли наши проказники поварята.

– До слёз жаль бедняжку, – всхлипнул Ватрушка.

– И как это удалось свинарю добиться руки принцессы? – удивился Гороховый Стручок. – Здесь какая-то тайна. И мы с тобой должны её разгадать.

– Ах, бедняжка Катринка, – снова всхлипнул Ватрушка, – до слёз её жалко.

– Не реветь надо, а действовать! – сурово промолвил Гороховый Стручок.

– Но чем мы можем ей помочь? – удивился Ватрушка.

– Если не можем помочь Катринке, то можем отомстить и принцессе, и свинарю. Не будь я Гороховый Стручок, если на свадебном столе принцессы и свинаря пироги не будут подгоревшими, котлеты и все остальные мясные блюда, соусы и салаты пересоленными, а в свадебном торте не окажется...

– Старая туфля дядюшки Красный Нос! – весело подхватил Ватрушка.

– Опять кто-то идёт, – шепнул Гороховый Стручок, – давай живо в кладовку!

Поварята спрятались в кладовке, надеясь ещё что-нибудь подслушать, а в кухню вошла Катринка.

– А овощи так и не дочистили, – сказала она, – и цыплята не ощипаны. И куда это подевались эти мальчишки? Придётся самой всё доделать, иначе поварятам здорово попадёт.

Катринка села на место Ватрушки и принялась ощипывать цыплят.

– Не утерпела, – сказала она сама себе и утерла передником слёзы. – Вернулась, хотела ещё хоть разок посмотреть на него. А он ушёл. Вот и кончилось моё счастье. Да, если правду сказать, оно ведь и не начиналось. Просто я мечтала о нём. Теперь я его уже не увижу.

И она заплакала, опустив руки. Цыплёнок шлёпнулся на пол. А на кухню вошёл шут.

– Пришёл тебя проведать, племянница, – весело начал он, а потом, увидев, что девушка плачет, спросил: – Опять слёзы, куколка?

– Добрый мой дядюшка, раз вы позволяете мне так себя называть, – ответила Катринка, утирая слёзы, – разрешите считать, что вы и впрямь мой родной дядя.

– Я согласен, племянница. Но почему у тебя красные глазки, когда им полагается быть голубыми, и почему у тебя красный носик, когда он должен быть белым? Тебя обидел этот надутый индюк – повар?

– О нет. Просто мне страсть как хочется побывать на торжественной помолвке нашего кухонного мужика с принцессой.

– Из-за этого столько слёз? – недоверчиво спросил шут. – Ладно, не отвечай. Это твоё дело. Какое, признаюсь, догадываюсь.

– Ах, дядюшка, – смутилась Катринка.

– Ладно, ладно. Будешь на помолвке. Я уже знаю, как это устроить. Только не реви.

– Не буду, – обещала Катринка.

– Выше нос, племянница. Хочешь, я тебе спою хорошую песенку, послушай. – И он запел:

По щёчке катится слеза,
Румянец выжигает.
От плача портятся глаза,
Кто ж этого не знает?

– А теперь я вам спою, – сказала повеселевшая Катринка.

– Вот это уже лучше, – посмеялся шут. – Пой. Я слушаю.

И Катринка запела:

Пускай придёт ко мне беда,
Постигнет неудача.
Даю вам слово – никогда
Катринка не заплачет.

– Молодец! – сказал шут и запел:

Пока мы станем слёзы лить,
Не будет счастье с нами,
Победу надо нам добыть

Вот этими руками.
Шути над собственной бедой,
Над горем звонко смейся!
Иди смелей за счастьем в бой,
И сам его добейся!

– А теперь, – сказал шут, – пойдём, у нас с тобой будет секретный, очень важный разговор, Кстати, покажешь мне свою розу, о которой ты мне рассказала на днях?

– Охотно, дядюшка, пошли!

И они оба покинули кухню.

А что же поварята? Им не оставалось ничего иного, как вылезти из кладовки и снова сесть за работу.

– Досадно, – сказал Ватрушка, – что шут не начал этот секретный и серьёзный разговор здесь, на кухне. Мы бы с тобой сейчас были в курсе дела.

– Всему своё время, – задумчиво ответил Гороховый Стручок.

Королевский тронный зал пуст. Но вот скрипнула массивная дверь, и в зал вошла заплаканная гофмейстерина. Бедняжка, как она печальна и взволнованна. И так как у неё нет ни одного друга в обществе, в котором она вращается, ей пришлось высказать своё горе самой себе.

– Помолвка! – горестно воскликнула старуха. – Думала ли я, что доживу до такого позора! Я воспитала десять принцесс, и все они вышли замуж за принцев, а моя последняя воспитанница – наследная принцесса – отвергла пять благородных принцев и выходит замуж за кухонного мужика...

– ...свинаря, – подсказал ей подкравшийся незаметно шут. – Как я сочувствую вам, дорогая.

– Молчите, негодяй! – воскликнула гофмейстерина. – Я ненавижу вас.

– Спасибо, милая! И я вас нежно люблю. Боюсь только, что вы станете свидетельницей ещё более горестных событий!

Гофмейстерина открыла рот, чтобы произнести слова, выражающие её презрение и ненависть шуту, но замолчала, потому что в зал вошла принцесса и её придворные дамы.

– Очаровательная принцесса! – воскликнул шут. – Разрешите преподнести вам подарок!

– Опять какая-нибудь дешёвка в стиле моего папаши? – презрительно спросила принцесса.

– О, нет. Это будет именно в вашем вкусе. Разрешаете, ваше высочество?

– Ну ладно. Неси, – рассеянно ответила принцесса.

Шут выбежал из зала и тут же возвратился, неся в руках Катринку, одетую как кукла. В этом костюме все придворные видели её и раньше. К её плечу была приколота красная роза. Шут поставил её, неподвижную, неморгающую, на пол.

– Моя кукла! – воскликнула принцесса. – Где же она была? Кто её украл? Как ты её достал?

– О, – ответил шут, – её никто не крал. Все было совсем иначе. После того как вы изволили разгневаться на принца Хрустальда и убежать, я хотел немного развлечь вас – принести вам эту забавную куклу, но когда я её поднял, у неё почему-то отвалилась одна нога. Чтобы не огорчать вас, я снёс её ночью к мастеру, и вот сегодня её вернули мне с обеими ногами.

– Очень мило с твоей стороны, – улыбнулась принцесса, – но где же мой жених?

– Он здесь, ваше высочество! – ответил Хрустальд, входя в зал. Он был одет в чёрный плащ, скрывающий его статную фигуру.

– Неужели ты не мог одеться приличней! – недовольно произнесла принцесса. – Что за дурацкий плащ на тебе? Я ведь приказала выдать тебе всё необходимое!

– Не извольте гневаться, принцесса, – ответил Хрустальд. – Когда король объявит помолвку, вы останетесь довольны. Я сброшу плащ, и всё будет по вашему желанию.

– Зачем все эти глупые фокусы? – с досадой сказала принцесса.

– Ах, ваше величество, – вмешался шут, – не сдвигайте ваши очаровательные бровки. Не лучше ли вам развлечься, послушать песенку вашей куколки? Мастер научил меня заводить.

– Пожалуй, я послушаю, – рассеянно сказала принцесса. – Заводи!

– Хорошенько постарайся, куколка, повесели принцессу в такой торжественный для неё день.

Шут, приговаривая эти слова, сделал вид, что «заводит» куклу. Хрустальд прислушался к её пению, этот голос что-то напомнил ему, но что – он не мог вспомнить, а Катринка, изображая куклу, запела:

Ношу я платье из холста,
В шелка она одета,
Она знатна, а я проста,
Моё несчастье в этом.
Ах, вовсе мне не нужен шёлк,
Меня не бедность губит,
Мне потому нехорошо,
Что он меня не любит.
Мне потому нехорошо,
Что разлюбить не в силах,
Что от меня он к ней ушёл,
Что с ней погибнет, милый.

Катринка замолчала, с трудом удерживая слёзы.

– Ну и что дальше? – спросила принцесса.

– Простите, ваше высочество, завод кончился, и песня осталась недопетой, – оправдывался шут.

– Терпеть не могу недопетых и грустных песен, – сказал принцесса. – Пойдёмте в мою туалетную комнату, дамы. Я заметила кое-какие недостатки в своём туалете.

Дамы послушно стайкой потянулись за принцессой, и вскоре в зале остались трое: шут, Хрустальд и Катринка.

– Какой печальной была песенка куклы, не правда ли, господин шут? – обратился Хрустальд к шуту.

– Да уж, – ответил тот. – Веселья к вашей помолвке она не прибавила.

– Но какой знакомый голос! – задумчиво произнёс Хрустальд и, подойдя к кукле, стал внимательно вглядываться в её лицо.

– Роза! – воскликнул он. – Это же цветок с моего розового куста! Боже! Теперь я вспомнил, где видел тебя, Катринка! Это же ты! Почему ты молчишь? Ответь мне... пожалуйста... Если бы ты знала, как дорога мне, Катринка!

– Уж не потому ли вы, сударь, женитесь на принцессе? – насмешливо спросил шут.

– Скажи, шут, кто это? – умоляюще просил Хрустальд. – Это кукла или девушка?

– А вы сами спросите у куклы, не девушка ли она, или спросите у девушки, не кукла ли она.

– Ты всё шутишь, шут, а мне не до шуток...

– На то я и шут, ваша милость!

– Не молчи, Катринка, – взмолился Хрустальд. – Скажи хоть одно словечко. Право же, я сойду с ума! Та ли ты, за кого я тебя принимаю?

Шут рассмеялся и запел:

В жизни часто так бывает,
Как мы с вами не хотели б,
Не за тех нас принимают,
Кто мы есть на самом деле.

– Ах, шут, как ты прав! – огорчённо сказал Хрустальд. – Но не терзай меня, Катринка, не хочешь говорить – хоть улыбнись... Если ты кукла, почему у тебя лицо и голос Катринки? Если ты Катринка, почему ты здесь?

Шут снова рассмеялся и запел:

Кто ты, красотка, не пойму,
И здесь стоишь ты почему?
Не проглотила ль ты язык?
Не так ли, кухонный мужик?

– Ты бы лучше помог мне, шут, – с досадой сказал Хрустальд, – чем фиглярничать.

Шут снова рассмеялся и запел:

Я во дворе сильнее всех,
Страшней оружия мой смех,
Что захочу, то и творю,

И смело правду говорю!

– Если ты такой могущественный, – горячо сказал Хрустальд, – сделай так, чтобы эта кукла превратилась в живую девушку.

– Зачем вам это, сударь? Простите за любопытство!

– Ах, чёрт возьми! – рассердился Хрустальд. – Неужели трудно догадаться? Просто я люблю эту девушку!

– Милый! – не выдержав, крикнула Катринка и всплеснула руками.

– Катринка! Радость моя! – в восторге закричал Хрустальд и бросился обнять её.

– Тише, тише, голубки, – испуганно сказал шут. – Сюда идёт ваша невеста.

Хрустальд отступил от Катринки, которая быстро приняла позу куклы.

Торжественно вошли король, королева, принцесса и придворные дамы и кавалеры.

Усевшись на трон, король обратился к принцессе:

– В последний раз заклинаю вас, дочь моя, откажитесь от этого безумного шага, не позорьте нас!

– Послушайтесь отца, прошу вас, – умоляюще проговорила королева, обращаясь к дочери. – Не срамите нашу королевскую фамилию.

Принцесса презрительно фыркнула и не сказала ни слова. Король наклонился к шуту, который сидел на ступеньке трона, и тихо спросил:

– Шут, что бы ещё такое ей сказать?

– Скажите, – тихо подсказал шут, – «скверная вы девчонка, высечь вас некому!».

– Вот, вот, – обрадовался король и громко повторил: – Скверная вы девчонка. Высечь вас некому!

– Ваше величество! – возмутилась королева. – Вы забываете этикет! Я устала повторять вам это!

– Ах, я так расстроен! – стал оправдываться король и тихо прошептал шуту: – Ну берегись, дурак!

– Никто не занимает денег у бедняка, – ответил шут, – почему же ко мне, дураку, обращаются с просьбой дать умный совет?

– Ваше величество, – сухо сказала принцесса, – я жду, когда вы объявите помолвку.

– Но, дочь моя! – взмолился король.

– Но ваше королевское слово! – безжалостно напомнила принцесса.

– Это ужасно – быть рабом своего слова, – простонал король. – Я отменю закон, обязывающий держать королевское слово.

– О, ваше величество! – громко воскликнул шут. – Боюсь, вам не удастся это сделать. Закон этот неписаный, поэтому отмене не подлежит.

– Вы меня выводите из терпения, ваше величество! – зло проговорила принцесса. – Начинаю считать. Когда я скажу «три!», вы объявите помолвку. Раз!

– Но моя материнская любовь, мои неустанные заботы... я... – начала королева, но принцесса перебила её:

– Материнской любви я что-то не заметила, а заботы обо мне вы, матушка, переложили на гофмейстерину. Два!

– Отдать свою дочь, наследницу престола, за свинаря, – простонал король.

– Два с половиной, – с невозмутимым видом сказала принцесса.

– Кухонный мужик без роду и племени... – пролепетала королева.

– Три! – крикнула принцесса.

Король встал и трагическим голосом произнёс:

– К великому нашему огорчению, объявляю вам, почтенные дамы и господа, о помолвке нашей дочери, к не менее глубокому нашему прискорбию, с этим... как его... Шут, как звать этого свинопаса?

– Кухонный мужик, ваше величество, – подсказал шут.

– Пошёл вон! – закричал возмущённый король. – О помолвке нашей дочери с...

– Принцем Хрустальдом, – сказал Хрустальд и, сбросив с себя чёрный плащ, представился избранному обществу в том костюме, в каком они видели его в первый раз.

Все дружно ахнули.

– Принц Хрустальд! – изумлённо воскликнула принцесса. – Как же я вас не узнала! Но как вы посмели так зло обмануть нас?

– Какой счастливый оборот, дочь моя! – радостно воскликнула королева. – От всей души благословляю угодный нам брак!

– Ах вы проказник, – погрозила пальчиком принцесса, – надо было вам дарить мне эту дурацкую розу, когда вы обладали волшебной флейтой и чудесной кастрюлькой.

– Как остроумен принц Хрустальд, – вздохнула первая дама.

– Как он хорош собой, – восхитилась вторая дама. – Я...

– Хватит, – остановила её принцесса, – хорошо то, что хорошо кончается.

– Ах, дядюшка, я умираю, – прошептала Катринка подошедшему к ней шуту.

– Молчи, дурочка, – шепнул он ей в ответ. – Сейчас воскреснешь.

– Ваши величества король и королева и вы, несравненная принцесса, – сказал Хрустальд, – побывав в вашем изысканном обществе, я убедился в необычайном уме принцессы. Уже одно то, что она всему на свете предпочитает механические игрушки...

– Это она в меня, – перебил Хрустальда король, – я тоже люблю механические вещи.

– Именно механические вещи, – продолжал свою речь Хрустальд, – а не произведения настоящего искусства. Ибо кто любит искусство, не может презирать дивные творения живой природы. Но принцесса по-своему права...

– Вот, а вы рассердились на меня, – перебила его принцесса, – вы просто вышли из себя из-за того, что я предпочла механические игрушки вашей розе.

– О, я исправляю свою ошибку, – насмешливо сказал Хрустальд. – Вы убедили меня, принцесса. Я тоже их полюбил и даже превзошёл вас в своей любви к механическим игрушкам.

– Докажите! – кокетливо приказала принцесса.

– Слушаю и повинуюсь, – отозвался Хрустальд. – Я считаю, что жениться на механической кукле куда благоразумней, чем на живой девушке, будь она хоть красавицей принцессой и имей такой ангельский характер, как у вас, ваше высочество.

Наступило тягостное молчание. Один только шут хлопал в ладоши и смеялся. Наконец принцесса очнулась.

– Оскорбление! – закричала она. – Кровное оскорбление! Мне стыдно...

– А не стыдно было вам целовать свинопаса, чтобы выманить у него волшебную флейту? – спросил Хрустальд.

– О, я не вынесу позора, – застонала принцесса. – Ваше величество! Отец...

– Сама голубушка, виновата, – злорадно сказал король.

– Позор! – крикнула принцесса.

– А не позорно ли было вам, наследной принцессе, выходить замуж за человека, которого вы настолько презирали, что даже не потрудились узнать, как его зовут? И всё из-за того, что вам захотелось владеть волшебной кастрюлькой?

– Вы... вы растоптали мою гордость, – злобно сказала принцесса.

– А вы растоптали мою любовь, – ответил Хрустальд. – Я покидаю вас, но вы утешитесь. Я оставляю вам и волшебную флейту, и волшебную кастрюльку. Отныне вы будете знать обо всём, что творится на кухнях и в спальнях ваших подданных. Ни один семейный скандал, ни одно грязное дело не станет для вас тайной. Утешайтесь!

– Ваше высочество! – вдруг закричала первая дама. – Эта кукла – повариха из королевской кухни. Я узнала её.

– Зачем вы превратились в принца? – со слезами на глазах сказала Катринка.

– Это не помешает мне жениться на тебе, Катринка, – ласково ответил Хрустальд, взял её руку и поцеловал её.

Потрясённые всем увиденным, король, королева и придворные дамы и кавалеры не могли выговорить ни слова.

– Собирайся в дорогу, – продолжал Хрустальд.

– Но я же не принцесса, – прошептала Катринка.

– Так будешь ею! – засмеялся Хрустальд.

Первым очнулся шут.

– Вы, сударь, – сказал он Хрустальду, – хотели жениться на принцессе, а она оказалась куклой без ума и сердца, а теперь вы хотите жениться на кукле, у которой есть ясный ум и доброе сердце. Я поздравляю вас!

– Нет-нет, – грустно сказала Катринка. – Я простая девушка и в жёны принцу не гожусь. Да я бы умерла от тоски и безделья в королевских покоях.

– Чего же ты хочешь, любовь моя? – спросил Хрустальд.

– Право, мне лучше вернуться на кухню. Я не смогу жить в роскошном дворце, с людьми, которые только и делают, что заботятся, как бы не нарушить правила приличия, а сами...

– Что я слышу! – перебила Катринку наконец очнувшаяся принцесса. – Эта кухарка ещё капризничает, она ещё ставит принцу свои условия... а он её слушает и...

– ...и не только слушает, но и выполняет, – закончил выступление принцессы Хрустальд. – Не бойся, Катринка. Тебе не грозит жить во дворце и бездельничать. Я сам этого не терплю. Я тоже не люблю есть дармовой хлеб, как госпожа принцесса и её придворные. Мы с тобой славно заживём. Поверь в мои золотые руки.

– Променять меня, наследную принцессу, на кухарку! – гневно воскликнула принцесса.

– Променять, меня, принца, на свинаря! – смеясь, ответил ей Хрустальд. – Будьте счастливы, принцесса! А мы с Катринкой уходим. Нам предстоит сыграть весёлую свадьбу. Всем, всем расскажу, ваше высочество принцесса, о вашем уме, добром, ангельском характере – отбою от женихов не будет!

Хрустальд почтительно поклонился изумлённым королю и королеве. Катринка обняла и поцеловала шута, шепнув ему: «Спасибо, дядюшка. Вы меня спасли». Хрустальд взял Катринку за руку, и они покинули тронный зал.

– Ушёл! – хрипло сказала принцесса. – Да как он смеет не жениться на мне! Догнать его и женить!

– Уж он-то разблаговестит о вас всю правду, – мрачно сказала королева.

– Успокойтесь, принцесса, – пытаясь утихомирить свою воспитанницу, сказала гофмейстерина, – вот ваша кастрюлька – развлекитесь.

– Развлекайтесь сами! – зло закричала принцесса и, выхватив из рук гофмейстерины кастрюльку, надела её ей на голову.

Шут подбежал к ошеломлённой старухе и, постучав пальцем по дну кастрюльки, сказал:

– Наконец-то вы нашли себе шляпку по своему вкусу, моя дорогая.

Несчастная гофмейстерина выбежала из тронного зала.

– Ба-ба-ба! – сказал, шут, оглядывая потрясённое «избранное общество». – Что это вы все носы повесили? А ну-ка, шут, принимайся за работу. – И он запел:

Хрустальд хороший дал урок
Капризнице принцессе.
Моя наследница – урок
Вам по носу – полезен.
Однако нечего грустить
О том печальном факте.
Не лучше ль, право, изменить
Принцессе свой характер.

Конечно, с предложением шута все были согласны. И родители принцессы, и все придворные короля. Оставим же их переживать, вспоминать, судить, перевирать все случившееся и заглянем в королевскую кухню.

Повар, получивший накануне меню от короля, варил, парил и пёк в огромных кастрюлях и сковородках первые, вторые и третьи блюда, поварята чистили ножи, вилки и ложки, и всем было очень скучно. Но вот появились Катринка с Хрустальдом, и все узнали, что они нашли своё счастье, и обрадовались, желая им хранить и лелеять найденное. А вскоре к ним присоединился и шут, очень довольный тем, что его «племянница» выходит замуж за Хрустальда, которого он полюбил за то, что тот проучил принцессу и стал женихом Катринки.

– Мы не могли уехать, не простившись с вами, – сказал Хрустальд, – вы наши добрые друзья, господин главный повар, господин шут и вы, господа поварята. Мы с Катринкой всегда будем помнить и любить вас.

На прощанье поварята спели жениху и невесте:

Катринка покидает нас,
Но не грустим мы в этот час,
Мы за Катринку рады —
Любовь ей, как награда.

– А уж мы оба как рады! – воскликнули Хрустальд с Катринкой и, простившись со всеми, покинули королевскую кухню.

– Мне грустно было прощаться с ними, – проговорил шут.

– И мне тоже, – вздохнул повар.

– Думаете, нам не грустно, – вторили им Ватрушка и Гороховый Стручок.

Нам тоже не хочется прощаться с Катринкой и Хрустальдом. Но что поделаешь! Каждая сказка имеет начало и конец. Хорошо ещё, если она кончается так счастливо, как эта.

Сказка о верности

Поздняя осень. Ветер то и дело срывал с деревьев пожелтевшие листья. Солнце светило, но уже не грело. Старый больной король печально смотрел в окно и думал о том, что весны ему уже не дождаться. И это грустная пляска жёлтых листьев в холодном воздухе последнее, что он ещё успеет увидеть. Скоро он уйдёт в небытие, а страной станет править его сын...

«Сын... Он будет королём не хуже, чем я, – думал старик, – а может быть, и лучше... Если вспомнить себя в его возрасте... то не мало я натворил бы глупостей, а может быть и погиб бы, если бы не мой верный Томас... Где он, кстати?»

Словно услыша его вопрос, в дверь тихо постучали. Король слабо улыбнулся.

– Войди, Томас, войди, ты лёгок на помине.

В спальню короля, низко поклонившись, вошёл Томас. Он был не намного моложе короля, но отличался крепким здоровьем.

– Сядь, ко мне поближе, Томас, – прошептал король.

– Вы сегодня выглядите лучше, мой король, – улыбаясь, сказал Томас.

– Не надо, Томас, – поморщился король. – Я всё про себя знаю. Зеркало беспристрастно. Оно не льстит и не обманывает. Знаю, что скоро покину вас всех, но не об этом хочу побеседовать с тобой. Мне хочется вспомнить те прекрасные и счастливые дни, когда мы с тобой были молоды, веселы, здоровы и счастливы.

– Да, – мечтательно сказал Томас, – это незабываемо.

– Я теперь с улыбкой вспоминаю, – прошептал король, – что иногда бывал опрометчив, не слушал ничьих советов и даже наделал не мало глупостей.

– Не буду это отрицать, мой король, – что было, то было.

– А ты помнишь, как мы с тобой без разрешения короля, моего покойного отца, отправились путешествовать.

– Ещё бы не помнить! Мне тогда здорово попало от короля, и если бы вы не заступились за меня...

– Ладно, ладно, – перебил Томаса король, – давай лучше вспомним, как это все было.

– Да, да, Томас, мы с тобой сели на коней и тайком уехали... Вот только я не помню куда и зачем...

– Зато я помню, – вздохнул Томас, – куда? А туда, куда глаза глядят. Зачем? А затем и потому, что вы как-то увидели в скрываемой от вас комнате, портрет красивой девушки, влюбились, простите за откровенность, решили её отыскать.

– Ну и что? Отыскали?

– Конечно, нет, зато приключений было хоть отбавляй.

– Расскажи, напомни мне. Так отрадно вспоминать эти счастливые дни. Не помнишь ли ты, нашли мы эту красавицу?

– Нашли, как это вы могли забыть, мой король?

– Память сильно меня подводит, Томас, – напомни, что было дальше.

– Не знаю та ли была эта красавица, в которую вы изволили влюбиться по портрету или нет, но вы встретили красивую девушку и вбили себе в голову, что это именно с неё и был написан портрет. Вы сделали ей предложение, сказали, что выйдя за вас замуж, она впоследствии станет королевой.

– Так и сказал?

– Именно так, мой король, мне память пока не изменяет.

– Тогда почему я не женился на ней?

– По двум причинам, мой король.

Во-первых, она не поверила, что вы наследник престола, а во-вторых, красавица уже была замужем и даже имела ребёнка. Её муж убедительно вам это объяснил. Мой король, нам не оставалось ничего другого как уехать, что мы и сделали. Но на обратном пути у нас были кое-какие приключения.

– Так расскажи мне о них, Томас, повесели меня.

– Ах, мой король, я бы не назвал их весёлыми.

– Всё равно расскажи.

– Извольте, мой король, если вы приказываете... Ехали мы на своих лошадках несолоно хлебавши, невесело думая о том, как поступит с нами король, ваш почтеннейший отец, когда мы предстанем перед ним. По дороге мы повстречали идущего к нам навстречу старичка.

– Остановитесь, молодые люди, закричал старичок, – я хочу продать вам кое-что очень вам нужное. Я...

– Да, да, – перебил Томаса король, – припоминаю старичка и что же он нам предложил?

– Да я уже забыл как это называется, какие-то слова на бумажке.

– Вспомнил, Томас, вспомнил, – прошептал король, – старик продавал изречения.

– Простите, мой король. Я не помню, как называются эти слова, но зато их я запомнил на всю жизнь.

– Так скажи их мне.

– Извольте... Первое гласило так: «Не ночуйте там, где нет опоры для кровли».

– А второе?

– А второе очень простое: «Не ночуйте у людей слишком льстивых».

– Ну и память у тебя! – восхитился король, – а вот я их не запомнил.

– И вы не помните, мой король, как я отговаривал вас, просил не тратить золотые монеты на эти ничего не значащие слова?

– Это я припоминаю, потому что не послушал тебя и купил изречения. Купил, потому что пожалел бедного старичка.

– Ах, мой король! Как вы были правы, что купили их. Я бы себе никогда не простил, если бы вы меня послушали.

– Объясни, почему ты винишь себя, Томас?

– Потому, что если бы вы не купили эти изречения мы бы никогда не вернулись домой, нас давно бы уже не было на свете.

– Мне стыдно сознаться, Томас, но я очень смутно припоминаю, какие опасности нам грозили. Если в твоей памяти они ещё уцелели, расскажи. Отвлеки меня от мыслей о приближающемся конце моей долгой жизни.

– О, мой король, я уверен, что ещё много лет буду служить вам. И охотно расскажу, что с нами случилось после того, как вы изволили осчастливить бедного старичка, купив у него бумажки, на которых были написаны эти... как их?

– Ага! – усмехнулся король, – кое что и ты забываешь. Эти слова назывались изречения. Рассказывай, что было дальше.

– Простившись со старичком, мы поехали в своё королевство. Вы были озабочены и невеселы. Зная, что ваш отец...

– Он был очень суров... – прошептал король. – Через несколько часов пошёл дождь. Погода портилась, завывал ветер, набежали тучи, дорога вела нас в незнакомые места. Вскоре дождь усилился, сверкнула молния, прогремел гром.

– Помню, – тихо сказал король, – ты снял с себя плащ и укрыл меня. Снова сверкнула молния и осветила какой-то маленький домишко, двери которого были открыты, а крошечное окошко не светилось.

– Мы спешились, мой король, с трудом я привязал коней к стволу вяза и мы вошли в домик. Видно, в нём давно никто не жил. Пыль, грязь, поломанная дешёвая мебель...

– Господи! – вздохнул король, – он даже поломанную мебель запомнил.

– Я ещё запомнил кое-что более важное, – откликнулся на замечание короля Томас, – вы, мой король, подняли голову, посмотрели вверх и сказали:

– Ты видишь, Томас, какие щели в этой крыше?

– И никаких опор у неё нет... – заметил я, – мы тут вымокнем, мой король.

В эту минуту раздались сильные удары грома. Я посмотрел вверх и увидел, что крыша домика вся трясётся и трещит.

– Стоп! – сказал король. – Не перебивай меня, я очень радуюсь, когда что-нибудь вспоминаю. – Ты вскочил как сумасшедший, схватил меня на руки и выбежал со мной из дома. Когда ты поставил меня на ноги, я увидел, что крыши на домике нет. Она провалилась внутрь. Как ты мог это предвидеть, Томас?

– Я ничего не предвидел, мой король, просто я был не прав, когда не понимал, что мудрые советы дороже золота, но ведь вы милостиво простили меня, мой король?

– Томас, Томас! О чём ты говоришь! Ты спас мне жизнь, вытащив из этого дома, и я ещё должен был тебя прощать! Рассказывай, как мы добрались домой.

– О, до этого ещё далеко, мой король. Ехали мы весь день, голодные и продрогшие. И вот на одном повороте дороги нам попался постоялый двор.

– И ты закричал:

– Мы спасены, мой король, – улыбнулся король, – и это был счастливый миг в моей жизни. Рассказывай дальше, Томас, у меня нет сил говорить, – прошептал он и закрыл глаза.

– Извольте. Замёрзшие, усталые, измученные, мы попали в большую, темную комнату, сели за столик, к нам подбежал хозяин постоялого двора.

– Здравствуйте, дорогие гости! – приветствовал он нас. – Как же вы замёрзли!

Выпейте по кружке горячего грога, и разрешите я сниму с вас верхнюю одежду, чтобы её просушить.

– Но наши кони, – сказал я, – надо их...

– Не беспокойтесь, – перебил меня хозяин, – мой сын уже увёл их в конюшню и положил им по охапке сена. Пейте грог, а я сейчас принесу вам горячий ужин.

И он убежал.

– Какой хороший человек, – сказали вы, мой король, – обо всём позаботился.

Через несколько минут хозяин вернулся, неся поднос, на котором стояла супница с горячим куриным бульоном. Блюдо с большой жареной курицей и ещё много всякой еды.

– Ешьте на здоровье, дорогие гости, – суетясь, приговаривал хозяин, – какое счастье, что вы заметили свет в окнах моего постоялого двора. Ведь вы могли замёрзнуть. Даже страшно подумать, что такой красивый юноша мог погибнуть в расцвете своей жизни. Как я счастлив, что могу услужить вам.

– Сколько я вам должен? – спросили вы, мой король, и вытащили из кармана кошелёк, набитый золотыми монетами.

– О, не беспокойтесь! – воскликнул хозяин, быстро взглянув на ваш кошелёк. – Расплатитесь, когда будете завтра утром уезжать.

Когда мы поели, он проводил нас в спальню, приговаривая по пути:

– Как я счастлив, как я рад, что могу вам услужить.

– Томас, – прошептал король, – я смутно припоминаю это происшествие, а ты мне кажется, запомнил всё. Говори же!

– В спальне для нас были приготовлены постели. Хозяин ожидал нас. Он суетился и приговаривал:

– Ложитесь, дорогие гости, спите в тёплой комнате, набирайтесь сил, а завтра буря утихнет и вы сможете продолжать свою поездку. Спокойной ночи, – он поклонился нам и вышел из спальни.

– А что было потом, – спросил король. – Хотя, постой, не говори я вспомнил. Спал я неделю, и вдруг ты вытащил меня из постели и, несмотря на то что я отбивался и ругал тебя, напялил на меня мою одежду, открыл окно, выбросил в него нашу поклажу, а затем вытолкал в окно и меня. Я здорово струхнул, сознаюсь тебе, я думал, что ты сошёл с ума. Потом ты потащил меня в конюшню, усадил на моего коня, сел на своего и мы с тобой стремительно умчались по дороге. Вскоре постоялый двор скрылся из виду.

И вдруг ты заботливо спросил меня:

– Как вы себя чувствуете, мой король?

– Как я себя чувствую? – закричал я. – И ты ещё смеешь спрашивать? Что это за безумная выходка? Как ты посмел вытащить меня из тёплой постели, силой усадить на лошадь и помчаться неизвестно куда? Да тебе следует отрубить башку за такое обращение с наследником престола! Помнишь, Томас, что ты мне ответил?

– Помню, мой король. Я спросил вас: значит, мне следует оторвать башку за то, что я спас жизнь наследника престола?

– Спас жизнь? Да ты совсем сошёл с ума! – гневно воскликнули вы, мой король, и тогда я рассказал вам, почему был вынужден так непочтительно обращаться с вами.

– Мне не понравилось льстивое, чересчур заботливое отношение хозяина к вам. Не понравился и его жадный взгляд, обращённый на ваш кошелёк. Неискренней показалась мне его не сходящая с лица улыбка. Когда вы заснули, мой король, я потихоньку встал и прокрался к комнате хозяина. Через полуоткрытую дверь я услышал как он тихо разговаривал со своим сыном.

– Идём, отец, они уже спят, – говорил сын.

– Не спеши, парень, можно всё испортить, – также тихо ответил хозяин.

– Найди два мешка да побольше, чтобы в них можно было засунуть трупы.

– Не учи, – прервал его сын, – возьму те мешки, в которые мы запихнули купцов на прошлой неделе. Рядом с ними закопаем и этих. Пошли?

– Подожди, – сказал отец, – пусть заснут покрепче.

Дальше я слушать их не стал. Надо было действовать быстро. Одеть вас, выбить окно, вытащить вас, успеть добежать до конюшни.

– Ах, Томас, Томас, мой верный Томас, ты спас мою жизнь.

– Нет, мой король, это вы спасли и свою и мою жизнь.

– Зачем ты прибедняешься, Томас? Разве не ты подслушал, о чём беседовал хозяин со своим сыном? Разве не ты вытащил меня сонного? Одел и усадил на коня?

– Я, мой король, но разве я сделал бы всё это, если б вы не прочли мне бумажку, купленную вами у старичка? Разве обратил бы я внимание на льстивость хозяина? Я ведь по глупости своей ещё уговаривал вас не тратить золотые монеты на какие-то бумажки. А эти слова дважды спасли нас от смерти.

– Послушай, Томас, ты знаешь, как красив и умён мой сын наследник престола. Кажется мне, что ты любишь его не меньше, чем я.

– Это так, мой король, – подтвердил Томас.

– Дни мои сочтены. Только, пожалуйста, не говори, что я проживу ещё долго. Готовясь к своему уходу из жизни, я решил, пока ещё дышу, женить сына. Я стал подыскивать ему невесту. Послал в некоторые государства письма королям с просьбой прислать портреты принцесс, чтобы он мог выбрать ту, которая придётся ему по душе. Я мечтал уйти из жизни после свадьбы сына. Пришло несколько портретов. Один из них меня поразил. Это был портрет удивительной красавицы, но ответного письма короля при портрете не было. Все короли, которые прислали портреты своих дочерей, учтиво выражали согласие выдать свою дочь за моего сына. Его же портреты я послал каждому королю. Какова бы не была причина такого пренебрежительного и неучтивого поступка со стороны короля, отца красавицы, я не знаю, но я был обижен за себя и своего наследника, поэтому я не показал сыну портрет красавицы. Ты понимаешь, Томас, почему я так поступил?

– Да, мой король, понимаю. Надеюсь, вы уничтожили этот портрет?

– Нет, рука не поднялась. Но я его спрятал, и ты тоже понимаешь зачем?

– Понимаю, мой король, что бы ваш наследник, влюбившись в портрет этой красавицы, не повторил бы вашего безумного поступка, о котором мы сейчас с вами вспоминали. И куда же вы изволили спрятать этот портрет?

– Помнишь, где жила старуха, моя кормилица и няня моего сына? Это маленькая комнатка на первом этаже дворца. Прошу тебя, проследи, чтобы наследник престола никогда не открыл бы дверь в эту комнату, а если ты заметишь, что он намеревается это сделать постарайся уничтожить портрет.

– Обещаю, мой король, – шепнул Томас.

– Что с тобой? Ты плачешь? Мой верный Томас. Не надо. Я прожил счастливую жизнь. Единственное горе, которое постигло меня – смерть королевы. Я очень устал. Иди, дорогой, и не грусти.

Томас поцеловал руку короля и в глубокой печали пошёл из королевской опочивальни, но у самой двери его остановил тихий голос короля.

– Томас, – почти шептал король, – люби моего сына, как любил меня, и служи ему верно, как служил мне, обещаешь?

– Обещаю и клянусь, мой король, – дрогнувшим голосом ответил Томас.

– Я верю тебе, мой друг, и благодарю.

Томас глубоко вздохнул, оглянулся, посмотрел на мертвенно-бледное лицо короля и вышел.

Через несколько дней король скончался. В глубокий траур погрузилась вся страна. Мудрого, доброго и справедливого короля уважали и любили. Как-то теперь будет управлять страной молодой король? Больше всех смерть короля огорчила его сына Олафа и верного слугу Томаса.

Время лечит сердечные раны, а жизнь предъявляет свои требования. Молодому королю Олафу вскоре после похорон отца пришлось заняться государственными делами. Они не были ему чужды, поскольку король-отец всячески старался, чтобы он участвовал во всех важных решениях, которые принимали советники короля под его руководством. Как всегда, главная цель этих решений была в том, чтобы народ не бедствовал, чтобы развивались ремесла, шла вперёд наука, чтобы мир и спокойная жизнь были обеспечены каждому жителю страны.

Молодой король знал, что отец всегда внимательно выслушивал своих советников, но окончательное решение принимал только после того, как с глазу на глаз советовался со своим верным другом и слугой Томасом. Так решил поступать и молодой король.

Через некоторое время... король Олаф сказал Томасу:

– Я знаю, старик, что батюшка перед смертью долго разговаривал с тобой. Не расскажешь ли ты, о чём вы беседовали?

– О многом, – сдержанно ответил Томас.

– И всё-таки, о чём же?

– Его величество сокрушался, что вы, ваше высочество... Ах, простите, оговорился, ваше величество. После его смерти вступите на престол неженатым... Так уж принято в мире. В стране должны быть и король и королева, а вы, мой король, уже в том возрасте, что пора бы и жениться, а там и о наследнике подумать...

– Но, Томас, я не могу жениться только потому, что в нашем королевстве обязательно должна быть королева. Ты знаешь, что мой отец женился по любви и был очень счастлив с моей матерью. Ты помнишь, как он убивался, когда моя матушка покинула нас. Может быть, счастливая жизнь с любимой женой самым благотворным образом повлияла на суровый характер моего отца.

– Не может быть, мой король, а наверное, – убеждённо сказал Томас.

– Конечно, я женюсь, – улыбнулся молодой король, – если полюблю, а пока моё сердце молчит, ни о какой женитьбе речи быть не может.

Через некоторое время, когда скорбь об умершем короле несколько утихла, Томас посоветовал молодому королю устроить в день его рождения бал. Пригласить знатных людей с сыновьями и дочерями, чтобы отпраздновать этот знаменательный день.

– Делай, как считаешь нужным, – рассеянно ответил король Олаф, мысли которого в этот момент были заняты вопросами торговых соглашений с соседней страной. А Томас предложил отпраздновать день рождение короля, чтобы под этим предлогом пригласить во дворец самых красивых девушек города. Он надеялся, что какая-нибудь из них понравится королю, он сделает ей предложение и она станет королевой. Желание умершего короля будет наконец исполнено.

Приготовления к балу были окончены. Все приглашённые на бал гости явились во дворец вместе со своими дочерями и сыновьями. Кроме них на бал явились несколько красивых девушек, которых пригласил сам Томас. Все сердечно поздравляли молодого короля, было весело. Король танцевал со всеми приглашёнными девушками, никого не обошёл.

Когда далеко за полночь все разошлись, Томас спросил короля, – доволен ли он тем, как был отпразднован его день рождения.

– О, да! – ответил король. – Было очень весело, хотя я устал немного. Танцевал со всеми девушками, чтобы никого не обидеть. Я даже не подозревал, что в нашей столице живёт столько красавиц.

– И какая же из них понравилась вам больше всего, мой король? – спросил Томас.

– Какая? – рассеянно сказал король. – Право не знаю, что тебе сказать. Они все так похожи друг на друга... Нет, разница, конечно, есть. Одни блондинки, другие брюнетки.

– И значит, ни одна... – удручённо начал Томас, но король, смеясь, его перебил.

– Ах, вот в чём дело! Ну, Томас, мне хоть и жаль тебя разочаровывать, но, старик, роль свахи тебе не подходит.

– Покойный ваш отец, царство ему небесное, – начал было Томас, но юный король его перебил:

– Мой дорогой отец женился на моей матери по большой любви, которую они оба сохранили на всю жизнь. Ты же, Томас, хочешь женить меня, не заботясь о том, буду ли я счастлив, если женюсь без любви на девушке, которая тоже не будет меня любить.

Ты думаешь я не догадался, зачем ты устроил этот бал? Но не виноват же я, что ни одну из всех красивых девушек, которых ты пригласил, я бы не хотел назвать своей женой и тем более королевой. Оставь меня в покое. У меня сейчас другие заботы, я должен научиться править своей страной не хуже, чем мой отец. А королева появится в нашем государстве только тогда, когда я встречу ту, которую вижу в своих мечтах. А пока я хочу осмотреть наш дворец. Знаю, что некоторые его покои требуют ремонта. Об этом не раз говорил отец, но его болезнь, смерть... Прошу тебя, Томас, пожалуйста, больше не старайся...

– Я всё понял, мой король, – печально сказал Томас и, поклонившись королю, хотел уйти, но тот его задержал и попросил старого слугу пойти вместе с ним, осмотреть все залы и комнаты дворца и записать, какой ремонт надо сделать в том или ином помещении.

Осмотр начали с верхнего этажа. После осмотра очередной комнаты или зала Томас записывал, в каком ремонте они нуждаются.

Так, работая несколько часов, они спустились на первый этаж. Осмотрели почти все его помещения, записали, что надо отремонтировать, и уже собирались уходить, как вдруг молодой король неожиданно остановился.

– Постой, Томас! – воскликнул он. – Мы же с тобой пропустили комнатку моей старой нянюшки.

Томас вздрогнул.

– Эту комнатку не стоит осматривать. Я недавно там был. Она не требует ремонта, пойдёмте, мой король. Вас ждут более важные дела. Пойдёмте же...

– Не спеши, Томас. Мне хочется заглянуть в эту комнатку. Я так часто бывал в ней у своей нянюшки. Она любила меня и рассказывала мне чудесные сказки. Я тоже очень любил эту старушку и горевал, когда она умерла.

– Но, мой, король, может быть, вы заглянете туда завтра? Там, наверно, много пыли и грязи. Я приведу её в порядок...

– Томас! – воскликнул король. – Мне кажется, ты ни за что не хочешь, чтобы я вошёл в эту комнату? В чём дело?

Томас стал уверять короля, что у него и мысли такой не было. Не дослушав его, король открыл дверь и вошёл в комнату, в которой так часто бывал в детстве.

Томас последовал за ним, упрекая себя в том, что не успел убрать портрет, о котором ему говорил покойный король, – но если живые красивые девушки оставили короля равнодушным, то вряд ли он влюбится в портрет, – утешал он себя.

Когда Томас вошёл в комнату, он увидел, что король стоит и смотрит на портрет юной красавицы, забыв обо всём на свете. Томас несколько раз окликал его, но он даже не обернулся.

– Мой король! – крикнул Томас и опрокинул тяжёлое кресло, которое с грохотом шлепнулось на пол.

Король даже не обернулся.

Томас открыл окно. Тут же в него влетела ворона, громко каркнула и улетела. Король вздрогнул и обернулся.

– Что тебе, Томас? Ты что-то хотел мне сказать? Почему ты так побледнел?

– Ничего, – ответил Томас, – просто я не люблю, когда каркают вороны. Иногда это предвещает несчастье.

– Пустяки! – вздохнул король. – Перед смертью моего отца вороны не каркали. Скажи мне лучше, кто эта прелестная девушка? – И он указал на портрет.

– Не знаю, – нехотя ответил Томас. – Думаю, художник просто нарисовал девушку такой, какой он её себе представлял. Это не портрет с натуры, а просто картина для украшения дворца.

– Нет, твёрдо уверен, что это портрет, – девушка эта существует, и я её найду. Это она, понимаешь Томас, это она! Вы всегда были так благоразумны, мой король, – печально произнёс Томас, – я надеюсь, что у вас есть более важные государственные дела, чем поиски несуществующей девушки.

– Замолчи, Томас. Ты меня обманываешь. Ты знаешь, кто она и как её найти. Говори же. О государственных делах не беспокойся. Я соберу советников моего отца и поручу им заменить меня на время, пока я буду искать эту девушку, и никто меня не остановит.

– Ваш отец, мой король поручил мне охранять вас от безумных поступков.

– Вот и хорошо! – воскликнул король. – Ты и будешь меня охранять. Мы вместе отправимся искать эту девушку. И если ты перестанешь лгать, что не знаешь, кто она и где её найти, то мы скоро достигнем цели. Итак, кто она и как её найти? Только правду, я приказываю тебе. Мы найдём её, и наше государство обретёт королеву. Ведь отец именно это и хотел. Говори, это мой приказ.

– Приказ есть приказ, – горестно вздохнул Томас, – эта девушка – королева золотого замка, путь к которому долог и опасен.

– Я полюбил её так сильно, что мне не жаль отдать свою жизнь за один её взгляд. Что ты знаешь о ней?

– О ней я ничего не знаю, – сознался Томас, – а вот о её замке кое-что слышал. Говорят, что все вещи и мебель королевны сделаны из чистого золота, поэтому, если уж путешествие не избежать, я

посоветовал бы вам, мой король, прежде чем пуститься в путь к её замку, приготовить для королевны подарки-вещицы из золота, она к этому привыкла.

– Ты прав! – воскликнул король. – Не могу же я явиться в её дворец без драгоценных подарков! Собери-ка, Томас, всех золотых дел мастеров и вели им от моего имени изготовить самые дорогие и красивые вещицы, и два обручальных кольца на тот счастливый случай, если, ну ты понимаешь!..

– Понимаю, мой король, не хочу вас огорчать, но не смею не сказать вам, что путь к королевне, в которую вы изволили влюбиться, очень долог и надо плыть на корабле. А море всегда опасно...

– Уж не трусишь ли ты, храбрый Томас, мне рассказывали, что в молодости мой дорогой отец вместе с тобой проделали не менее опасное путешествие.

– Это правда, мой король, но прошу вас вспомнить, что ваш дорогой отец вернулся без невесты, и едва не погиб вместе со мною. Вы, мой король, унаследовали от своего отца несчастье влюбляться в портреты красавиц. Вспомните также, что, благополучно вернувшись в своё государство, ваш отец познакомился с прелестной девушкой, женился на ней и счастливо жил с вашей дорогой матерью. Не стану от вас скрывать, что королевна, в которую вы влюбились, отвергла всех женихов (а их было не мало), чем заслужила гнев своего отца короля, который никак не может выдать её замуж. Боюсь, что и вас постигнет отказ королевны.

– Это меня не остановит, Томас, я что-нибудь придумаю. Ты стар, поэтому не можешь понять, что такое первая любовь с первого взгляда. Ступай к ювелирам. Золото для подарков моей будущей невесты возьми из сокровищницы.

– Слушаю и повинуюсь, мой король, – печально сказал Томас и пошёл выполнять приказ короля.

Нетерпеливо ждал король, когда ювелиры выполнят его заказы. Наконец дождался, что все золотые диковинки были закончены и очень ему понравились. Он велел снарядить самый лучший корабль и стал собираться в дорогу.

А пока молодой король даёт распоряжения своим советникам, чтобы они усердно трудились во время его отсутствия, на благо государства, пока он собирается в долгий путь на самом большом и

надёжном корабле, хорошо было бы заглянуть в страну, которой правит король, живущий в золотом замке, познакомиться с ним и с его красавицей дочерью Марией, в портрет, которой влюбился король, Олаф.

Художник не приукрасил девушку. Природа наградила её редкой красотой. Но не только прекрасные черты её лица привлекали к ней людей. Королевна Мария, хотя и отличалась сильным и решительным характером, была бесконечно добра и отзывчива. Слуги обожали её. К ней часто приходили бедные люди, и она всегда помогала им.

Король – её отец, хотя очень любил свою дочь, часто спорил с ней и отношения их портились всё больше и больше.

А происходило это потому, что король уговаривал дочь выйти замуж. Он настаивал на том, что она в своём возрасте должна создать свою семью, стать замужней дамой и родить ему внуков. Мария же отвергала предложения женихов и выходить замуж не собиралась. Может быть, и уступила бы отцу, но у неё была серьёзная причина противоречить ему, и она продолжала отказывать женихам.

Когда ей было четырнадцать лет, внезапно тяжело заболела королева. Мария обожала свою мать, от которой она унаследовала и красоту, и доброе сердце.

Огорчённый болезнью любимой жены, король созвал лучших врачей и целителей, чтобы они вылечили королеву. Но, увы, все их усилия не помогли королеве справиться с тяжёлым недугом. Она просто таяла на глазах.

И вот наступил тот страшный день, который стал для королевы последним. Король и Мария, священник, пришедший исповедовать умирающую королеву, и двое врачей стояли у её постели.

Глядя на мертвенно-бледное лицо матери, Мария в отчаянии кусала губы, чтобы не разрыдаться.

Король стоял на коленях перед постелью жены, целовал её холодную руку и тихо плакал. Королева открыла глаза, посмотрела на окружавших её людей и, обращаясь к королю, тихо сказала:

– Я умираю, любимый, не плачь. Мы прожили с тобой счастливую жизнь, и я благодарю тебя за это. Выслушай же и поклянись, что исполнишь мою последнюю просьбу.

– Клянусь, – рыдая ответил король, – клянусь своей любовью к тебе, – я исполню всё, о чём ты просишь. Я бы отдал жизнь, чтобы

спасти тебя...

– Не прерывай меня, – едва дыша прошептала королева, – мне трудно говорить. Я прошу тебя, чтобы ты после моей смерти не женился до тех пор, пока наша дочь Мария не вырастет и не выйдет замуж. Я не хочу, чтобы она жила под одной крышей с мачехой. Ты помнишь, как я была счастлива, когда ты женился и увёз меня из дворца моей отца, избавив от издевательств и унижений, которым подвергала меня мачеха. Я не хочу такой доли для своей любимой дочки. Поклянись же в присутствии нашей дочери, святого отца и моих врачей.

– Клянусь! – воскликнул король. – Клянусь, что после тебя не женюсь ни на ком. Тебя мне никто не заменит.

– Спасибо, – прошептала королева, закрыла глаза и больше их не открывала.

– Мама, мама! – в отчаянии закричала Мария, но мать ей не ответила. Она была мертва.

Шли годы. Мария выросла, из подростка превратилась в прекрасную девушку.

А король погоревал, погоревал о своей потере, потом постепенно успокоился. Время лечит душевные раны. Боль превратилась в тихую грусть, а со временем и грусть исчезла. И он стал подумывать о том, что неплохо было бы жениться. Мария вполне достигла возраста, когда её можно было выдать замуж. Он заказал художнику портрет дочери. Портрет получился отличный. Тайком от дочери король велел художнику сделать с портрета несколько копий, которые он разослал королям в другие страны. Вскоре король получил несколько писем от королей дружественных стран с предложением выдать дочь за их наследников престола. И вот один за другим во дворце короля стали появляться наследные принцы. Каждый из них, увидев Марию, восторгался её красотой, делал ей предложение, но получал ласковый, но категорический отказ.

Король, который уже воспылал любовью к одной из молодых придворных дам, был возмущён поведением дочери, и когда она отказала очередному претенденту на её руку и сердце, вошёл в её девичий покой.

– Почему ты отказываешь всем женихам? – грозно спросил он. – Ты что, собираешься остаться старой девой или хочешь пойти в

монастырь?

– Не то и не другое, – спокойно ответила Мария, – позволь мне напомнить тебе тот скорбный день, когда мы с тобой рыдали у постели твоей жены, моей матери.

– Но я же не нарушил клятвы! – воскликнул несколько смущённый король.

– Ты собираешься её нарушить, и я это знаю. Помни, я не одного дня не останусь в этом дворце, если ты женишься. Вспомни свою клятву. Она же просила тебя, чтобы ты не женился, пока я не выйду замуж.

– Но я этого не отрицаю, – сказал король, – я не женюсь, пока ты не выйдешь замуж.

– Вот поэтому я отказываю женихам, – сказала Мария, – ты забыл, что поклялся матери, что не женишься и никто не займёт святое место моей матери в этом доме.

– Как ты жестока, Мария, при всей твоей доброте, – горько сказал король, – ты обрекаешь меня на одиночество.

– Если ты его боишься, я никогда не выйду замуж, а ты можешь встречаться с любой женщиной, которая тебе понравится. Но королевы, пока я жива в нашем государстве, не будет. В этом я молча поклялась маме и эту клятву сдержу...

Когда корабль отплыл от родных берегов, Томас спросил короля:

– Почему вы так уверены, мой король, что королевна согласится стать вашей супругой? Случайно я узнал, что она отказала нескольким женихам и вообще не намерена выходить замуж, чтобы не расставаться со своим овдовевшим отцом.

Король задумался.

– Спасибо, что ты рассказал мне об этом, Томас, ты подал мне хорошую мысль.

– Какую, если не секрет, мой король?

– Узнаешь в своё время.

Они плыли много дней и ночей, и нетерпение короля всё возрастало. Наконец корабль пристал к гавани королевства, где жила девушка, портрет который очаровал молодого короля.

– Изволите сойти на берег, мой король? – спросил Томас.

– Нет, – усмехнулся король, – на берег сойдёшь ты.

– Я? – удивился Томас. – Почему я?

– Потому что ты пойдёшь к королевне и понесёшь ей коробку с золотыми вещицами. Подари ей от моего имени и скажи, что на корабле находятся куда более ценные и прекрасные вещи, чем те, которые ты ей отдал. Это, мол, только образцы. Пригласи её посетить корабль и посмотреть все эти диковинки, изготовленные из чистого золота. Ну а если ей что-нибудь понравится, она может это купить.

– Понимаю, – вздохнул Томас.

– Тогда бери подарки и ступай, – приказал король.

Томас сложил в коробку несколько золотых вещиц и отправился в город. Подошёл к королевскому дворцу и сел на ступеньки у входа.

Через несколько минут к нему подошла девушка.

– Что вы здесь делаете, сударь? – сурово спросила она. – Здесь не место рассиживаться. Это королевский дворец, а не постоялый двор.

– Простите, старика, – сказал, вставая Томас, – я этого не знал. Я приезжий купец, привёз образцы своего товара, да не донёс их до лавок. Устал и присел отдохнуть.

– А что у вас за товар? – поинтересовалась девушка.

– Извольте посмотреть, сударыня.

И Томас вынул из коробки несколько красивых золотых вещиц.

– Какая прелесть! – восхитилась девушка. – Это надо показать нашей королевне, я её служанка. Идите за мной. Не бойтесь, со мной вас пропустит стража. Я уверена, что королевна купит у вас эти вещицы.

– Какое счастье, что вы меня встретили, милая девушка, – ответил Томас и пошёл вместе со служанкой во дворец.

Королевна Мария внимательно осмотрела все золотые вещицы, и они ей очень понравились.

– Купец, – обратилась она к Томасу, – я куплю у тебя все эти вещицы.

– Но они принадлежат не мне, ваше высочество, – ответил Томас, – всё это принадлежит хозяину корабля, который сегодня прибыл в ваш порт. У меня только некоторые и не самые лучшие образцы товара моего хозяина. Если вы захотите поглядеть на них, я уверен, что они понравятся вам больше, чем эти. Не угодно ли вам последовать за мной и убедиться в том, что я говорю вам истинную правду.

– Хорошо, – ответила королевна, – я поеду с вами в своей коляске в сопровождении своих верных слуг и посмотрю ваши драгоценности. Если они понравятся мне больше, чем эти, я их куплю.

– Тогда в путь, – сказал Томас.

Через несколько минут королевна Мария со своей служанкой и двумя слугами поехали в порт. Когда королевна поднялась на палубу корабля, молодой король замер, увидя, что она прекрасней, чем её изображение на портрете. Он низко поклонился королевне, и, став на одно колено, поцеловал её протянутую руку. Мария удивилась. Уж слишком обходителен был этот молодой красивый купец. Видно, почуял в ней богатую покупательницу.

– Я прибыла на ваш корабль, чтобы посмотреть, а может быть, и купить ваши изделия из золота, – сдержанно сказала королевна, несколько смущённая восторженным взглядом купца.

– Извольте следовать за мной, ваше высочество, – ответил король Олаф, – мы спустимся в трюм по этой лестнице. Там находится мой товар.

Король подозвал Томаса, что-то шепнул ему на ухо и, улыбаясь Марии, спустился вместе с нею в трюм. Там он раскрыл все коробки, наполненные изящными вещицами.

Все сокровища очень понравились Марии. При всём своём богатстве, она никогда не видела ничего подобного.

– Как это все изумительно! – воскликнула она. – Но... но у меня, пожалуй, не хватит золотых монет, чтобы оплатить и десятую часть этих сокровищ.

Неожиданно корабль сильно качнуло.

– Что это? – испуганно спросила королевна.

– О, не беспокойтесь, ваше высочество, – ласково ответил король, – это просто волна.

Королевна успокоилась и продолжала любоваться золотыми кубками, браслетами, кольцами, вазами и шкатулками, не подозревая, что корабль уже снялся с якоря и, покинув порт, шёл в открытое море.

Наконец она оторвалась от созерцания сокровищ и стала с помощью короля подниматься по лестнице на палубу. К своему ужасу она увидела, что стоит на палубе корабля, который несётся куда-то далеко от её родного города. Горю и гневу её не было границ.

– Вы обманули меня! Заманили на корабль, чтобы получить выкуп за моё освобождение! – кричала она. – Где мои слуги, негодяй?!

– Ваши слуги сошли на берег в ожидании вас, – тихо ответил Томас.

– Вы обманули и их! – возмутилась королевна. – Наверно, вы послали их к моему отцу, чтобы он выкупил меня?

– О, нет-нет, вы ошибаетесь, ваше величество, – огорчённо сказал король.

– Да, я очень ошиблась! – чуть не плача, сказала напуганная и возмущённая Мария. – Я думала, что вы купец, а оказалось, что вы просто разбойник!

– Я не купец, и уж тем более не разбойник, – спокойно ответил король. – Я...

– Замолчите! Я всё поняла! Вы продадите меня в какой-нибудь гарем, в рабство! Вы, вы... подлый вор!

– Успокойтесь, умоляю вас, – задыхаясь от волнения, почти прошептал король, – уверяю вас, я не купец, не разбойник, не вор, я...

– Да, кто же вы на самом деле?! – отчаянно закричала королевна.

– Я король большого и богатого королевства. Похитил я вас потому, что безумно влюбился в ваш портрет, который по просьбе моего покойного отца прислал ваш отец. Наши отцы хотели нас поженить. Теперь, когда моего отца не стало, я унаследовал его корону.

– Неужели вы думаете, что я настолько глупа, что поверю в эту красивую сказку? – насмешливо спросила королевна.

– Томас! Принеси мою корону и документ, подтверждающий, что я унаследовал королевскую власть.

К изумлению Марии, Томас быстро исполнил приказание «купца». Принёс золотую корону и сам надел её на голову короля. Документ, удостоверяющий, что королевич Олаф после смерти отца стал королём по праву, был вручён королевне.

Увидя всё это, Мария растерялась, потом немного успокоилась и сказала:

– Если вы действительно король, почему вам понадобилось поступать, как пирату? Почему вы назвались купцом и заманили меня на корабль? Почему заставили меня пережить всю эту трагикомедию? Нет никакого оправдания вашему поступку.

– Ошибаетесь, ваше величество. Оправдание есть. Мне известно, скольким наследным принцам вы отказали. Мне известно, что вы вообще собирались отказаться от замужества, чтобы не оставить одиноким своего отца. Мне даже известно, что всё это вы решили потому, что ваш отец собирался жениться. Поэтому я и решил похитить вас, чтобы избежать участи ваших отвергнутых женихов. Я полюбил вас с первого взгляда на ваш портрет. Увидев вас, я понял, что жизнь без вас бессмысленна... Что же вы молчите? Решайте мою судьбу. Если вы прикажете, я поверну корабль и отвезу вас в ваше королевство. Но знайте, этим вы меня убьёте.

После некоторого молчания королевна спросила:

– Почему вы не хотите понять, что я не могу оставить своего отца? Он будет так одинок без меня.

– Он будет одинок, потому что вы безжалостно суровы. Ваш отец вдов уже много лет. Естественно, что ему хочется счастья. Он дал клятву вашей матушке не жениться, пока вы не выйдете замуж, покинете его замок и не будете вынуждены жить под одной крышей с мачехой. Ведь это так?

– Так, – подтвердила королевна.

– Но ваша матушка была добрее вас. Она не просила короля не жениться после того, когда вы выйдете замуж.

Добрая и умная, она понимала, как тяжело человеку не иметь близкого друга, жены. А вы этого не понимали и не хотели, чтобы ваш отец был согрет любовью близкого человека.

– Но он дал клятву не жениться! – воскликнула королевна.

– А ваша мать у него этой клятвы и не просила. Почему же вы добиваетесь сделать несчастным своего отца, меня и себя?

Сбитая с толку Мария молчала, потом сказала:

– Я была не права. Пусть мой отец женится.

– Наконец-то! – с облегчением воскликнул король.

– А не скажите ли вы, откуда вам всё это известно? – спросила Мария.

– Один из врачей, который лечил вашу матушку-королеву и стоял у её постели в последний час её жизни, впоследствии побывал в нашей столице и лечил моего отца. Он и рассказал мне всё. Дорогая, любимая, вы ведь простите мне мой дерзкий поступок?

– Нет, – сказала королевна, – не прощу. Отвезите меня к моему отцу. Вы...

– Ради всего святого! – воскликнул король, – замолчите. Вас отвезут в ваше королевство вместе со всеми этими золотыми побрякушками.

С этими словами он выхватил из ножен острый клинок:

– Если я не стану вашим мужем, мне незачем жить.

Он взметнул клинок, намереваясь вонзить его себе в грудь.

– Остановитесь! – отчаянно крикнула королевна, схватив его за руку. – Не смейте этого делать!

Король опустил клинок и посмотрел на неё глазами, полными слёз.

– Неужели вы так любите меня, что из-за моего отказа...

– Да. Я так люблю вас. Но я не могу вас неволить. Я выполню ваш приказ. Отвезу вас к вашему отцу. Но помните, в тот момент, когда вы ступите на свою землю, меня уже не будет в живых. Итак, отдать приказ вернуться кораблю в ваш порт?

– Нет, – ответила Мария. – Я останусь с вами. Никто меня так не любил, как вы. Сказать по правде, я часто мечтала, чтобы меня похитил благородный рыцарь. Я была не права. Как же не ответить на такую любовь?

– Любимая! – восторженно воскликнул король, целуя ей руки. – Вы никогда не пожалеете об этом решении. Как я счастлив! Вы будете счастливы со мной, как были счастливы мои родители, которые любили друг друга всю их совместную жизнь. Я всё объясню вашему отцу...

– Не думаю, что отец огорчится, узнав, что я выхожу замуж за короля большого государства, – перебила его Мария. – Он даст своё отцовское благословение. Я попрошу у него прощения, что уехала со своим женихом тайком. Скажу, что хотела преподнести ему сюрприз. Пусть он знает, что я по-прежнему люблю его. Скажу, что я ничего не имею против...

– Я тоже попрошу его простить меня, – подхватил король, – я перебил вас, любимая...

– Я скажу ему, – повторила Мария, – что ничего не имею против его женитьбы!

– Это прекрасно! – восхитился король. – Мы все будем счастливы!

Томас вышел на палубу, но, увидев, что король обнял Марию и они оба смеются от радости, скрылся. Вечерело. Король отвёл Марию в богато убранную каюту, пожелал ей спокойной ночи и хороших снов и удалился. Он долго ворочался на свой постели, не мог заснуть. Потом усталость от всего пережитого взяла своё и он спокойно уснул.

Томас, счастливый оттого, что его любимый король женится на красавице королевне, уснуть не мог. Ночь была жаркой. Ему стало душно в своей каюте. Он оделся, взял свою флейту и вышел на палубу подышать свежим морским воздухом. Чтобы не разбудить никого своей игрой, он играл очень тихо свои любимые песни и мелодии. И вдруг он услышал тихое карканье вороны.

– Не может быть, – подумал Томас, – откуда в открытом море могут появиться вороны?

Он перестал играть. Карканье снова донеслось до него. Он взглянул вверх и к своему удивлению увидел трёх ворон, сидящих на снастях корабля.

Ещё больше удивился и испугался Томас, когда услышал, что одна ворона, нет, не каркнула, а сказала человеческим голосом.

– Наш король везёт свою будущую королеву.

Томас замер и решил, что это ему просто почудилось, но тут же услышал карканье другой вороны.

– Ну и что из этого? – сказала она. – Он на ней не женится.

– Почему ты так думаешь? – спросила третья ворона.

– Да потому, – ответила вторая ворона, – что я это знаю. Вот увидишь, только они сойдут с корабля, как к королю подбежит лошадь. Король захочет похвастаться перед невестой, показать, какой он лихой наездник, вскочит на лошадь, а она поднимется в воздухе и исчезнет вместе с королём.

– Какое несчастье! – воскликнула первая ворона. – Неужели нет никакого спасения.

– Есть, – ответила третья ворона, – только надежды на него почти нет. Если на эту лошадь раньше короля вскочит кто-нибудь другой, выхватит пистолет и убьёт лошадь, – то король будет спасён. Но ведь об этом никто не знает.

– А что случится с человеком, – спросила первая ворона, – который опередит короля?

– Если он расскажет об этом королю, то окаменеет от пят до колен.

– Это ещё что! – сказала третья ворона. – Я знаю больше, чем ты. Даже если лошадь и будет убита, то молодой король всё равно не женится на своей невесте.

– Почему? – закричали две вороны.

– А потому, что свадебная рубашка короля, которую он наденет, на самом деле шита не серебром и золотом, как ему покажется, а сделана из смолы и серы и он в ней сгорит. Это уж постарались его враги. У какого короля нет врагов-завистников!

– Это ужасно! – воскликнула первая ворона. – Неужели нет средства спасти короля.

– Средство есть, – ответила третья ворона, – если кто-нибудь выхватит из его рук рубашку и кинет её в горящий камин, то король будет спасён. Только кто знает об этом и скажет королю, тот окаменеет до самого сердца.

Вороны немного помолчали, а затем вторая ворона сказала:

– Но самое страшное, что грозит королю, знаю только я.

– Так расскажи нам, – попросили обе вороны.

– Даже если сгорит рубашка, свадьбе всё равно не бывать. Хотя нет. Они обвенчаются. Будет пышная свадьба. Много знатных гостей, поздравления, веселья, танцы, но...

– Что это ещё за «но»?! – закричала третья ворона. – Ведь свадьба уже состоялась.

– Это так, – ответила ворона, – но когда король и королева начнут танцевать, королева вдруг побледнеет и упадёт.

– Она умрёт? – закричали вороны.

– Да, умрёт, – ответила третья ворона.

– Подожди, подожди! – закричала первая ворона. – Не может быть, чтобы не было спасения для юной королевы! Мне жаль её и нашего короля. Что это за свадьба, если она закончится так ужасно!

– Спасение, конечно, есть, – ответила третья ворона, – если кто-нибудь высосет три капли крови из правой руки королевы – она оживёт.

– А он, спаситель? Что будет с ним? – спросила первая ворона.

– А он окаменеет от пят до головы. – Вороны каркнули и улетели.

Томас долго не мог понять, слышал ли он всё это или невзначай задремал, и ему приснился страшный сон. Но он запомнил всё, о чём слышал от ворон, и решил никому об этом не рассказывать.

– Что ты так загрустил, мой верный Томас? – спросил его утром король, заметив, что старик стал молчалив и задумчив. – Разве ты не радуешься моему счастью. Ведь ты так мечтал о том, чтобы я женился. Вот и желание отца исполнилось, и в нашем государстве появится прекрасная королева. Мне кажется, что ты чем-то озабочен.

– Нет, нет, мой король, – поспешил успокоить его Томас.

Королевна Мария, выйдя на палубу, позвала короля, и он бросился к ней.

«Как они счастливы, как они прекрасны оба, – подумал Томас. – Ни за что не дам им погибнуть. Может быть, вороны просто болтали, что придёт в их глупые птичьи головы... А может быть, они знают то, что человеку недоступно знать».

Только подплыл корабль к берегу, только король, королева и Томас ступили на землю, к причалу подбежала молодая резвая лошадь.

– Сейчас ты увидишь, моя дорогая, – сказал король, – как я умею скакать на лошади!

И он подошёл к лошади, но не успел вдеть ногу в стремя, как подбежавший за ним Томас оттолкнул его и сам вскочил на лошадь, выхватил пистолет и выстрелил лошади в ухо. Лошадь упала.

– Ты сошёл с ума! – сердито закричал король. – Что с тобой, Томас?

Томас не отвечал. Томас не отвечал никому, ни королю, ни потрясённой его диким поступком невесте. Он упорно молчал.

– Убить такую прекрасную лошадь!

– Так грубо оттолкнуть самого короля! – возмущались встречавшие у причала короля его советники.

– Я арестую его, ваше величество, – сказал важный вельможа, возглавляющий полицию.

– Нет, – ответил король, – не трогайте Томаса. Это самый верный мой человек. Мы не знаем, зачем он так поступил, но я верю, что, кроме добра, он мне ничего не желает.

Окружавшие короля и его невесту люди удивлённо метались и вдруг все онемели, не веря своим глазам. Убитая Томасом лошадь

поднялась в воздух и вскоре растаяла и исчезла.

Когда все понемногу успокоились, они сели в кареты и приехали во дворец.

В огромном зале горел камин, который зажгла в ожидании короля его домоправительница. На большом круглом столе, стоящем посреди зала, лежало золотое блюдо, а на нём красовалась свадебная рубашка короля. Она была соткана из золотых и серебряных нитей и вся сияла.

– Какая прекрасная рубашка! – воскликнула королевна Мария. – Ты наденешь её в день свадьбы? – спросила она короля.

– Да, моя дорогая. Сейчас я её принесу. Полюбуйся, какая тонкая работа.

Король подошёл к столу и протянул руку, чтобы взять рубашку, но Томас бросился к нему, оттолкнул его от стола, схватил рукой в перчатке рубашку и бросил её в камин. Огонь вспыхнул и рубашка сгорела. Королевна испуганно вскрикнула:

– Нет, он всё-таки сошёл с ума!

– Сжечь свадебную рубашку короля!

– Он опасен! Он угрожает жизни короля!

Такие возгласы раздались в зале.

– Я все же арестую его, – сказал вельможа, управляющей полицией.

– Лучше я отправлю его в сумасшедший дом, – решил королевский врач.

– Нет, – ответил король, – не трогайте его, – мы не знаем, почему он так поступает, может быть, он знает что-то неведомое нам. Вы же видите, как горит эта рубашка, с неё течёт горящая смола. Может быть, нам только казалось, что она соткана из золотых и серебряных нитей. Здесь что-то не так. Разве вы забыли, как исчезла в воздухе убитая Томасом лошадь?

– Томас сошёл с ума, боюсь, как бы он не свёл с ума самого короля, – прошептал врач на ухо вельможе.

– Забудем всё это, – предложил король, – приглашаю всех присутствующих на свою свадьбу. Прошу после венчания в церкви всем явиться в этот зал.

Давно так не веселились в королевском дворце, как веселились на свадьбе короля. Все любовались этой молодой, красивой, счастливой парой, желали им счастья, здоровья и долгой жизни. Королева весело

кружилась в объятиях своего мужа в вальсе. Но вдруг она внезапно побледнела и бездыханной упала на пол. Король так растерялся, что не успел её поднять. К королеве подбежал Томас, поднял её на руки и унес в спальню.

Изумлённый его поступком король помчался за ним. Каково же было его удивление и гнев, когда он увидел, что Томас перочинным ножом слегка порезал правую руку королевы выше локтя и, высосав несколько капель крови, выплюнул их на пол. Королева же встала с постели и удивлённо оглянулась вокруг, от её бледности не осталось и следа. Король был так возмущён и разгневан поступком Томаса, что не стал защищать его от вельможи, ведающего полицией. Почти в беспамятстве тот прокричал:

– Отведите его в темницу и предайте суду!

Томаса схватили и увели. На другой день суд присудил его за оскорбление королевы и короля к смертной казни через повешение.

Стоя на помосте, в тот момент, когда палач хотел накинуть Томасу петлю на шею, он отвел его руку и сказал:

– По закону осуждённый на смерть имеет право сказать последнее слово.

– Закон есть закон, – ответил король, – разрешаю тебе, говори.

– Несправедливо ты осудил меня, государь, – с горечью произнёс Томас, – я всегда был верен тебе, так же как был верен твоему отцу. Слушай же, почему я поступал так, что меня могли посчитать сумасшедшим. – И он рассказал о том, что услышал от трёх ворон.

– Я два раза спас короля и один раз его жену, нашу королеву.

– Томас, дорогой мой, верный мой Томас, как я мог поддаться чувству мести! Как я мог разувериться в твоей верности! – сокрушался король. – Сведите его с помоста, я хочу его обнять.

Слуги кинулись к помосту, чтобы свести с него Томаса, но он упал мёртвым и к ужасу людей окаменел. Король зарыдал.

– Никогда, никогда я не прощу себе, что приказал казнить верного Томаса, который спас жизнь мне и королеве.

Это горе короля омрачило его жизнь. Он велел поставить окаменевшего Томаса в тронном зале, где праздновалась его свадьба и каждый раз, когда ему случалось приходить в этот зал, он бросал горестный взгляд на каменную статую и горько вздыхал. Королева, жалея его, умоляла перенести каменного Томаса куда-нибудь

подальше, чтобы он не попадался на глаза королю, но на все её просьбы она получала отказ.

Прошло шесть лет.

В королевской семье рос наследник. Красивый, весёлый пятилетний мальчик. Родители души в нём не чаяли. Однажды, играя, он забежал в тронный зал и увидел окаменевшего Томаса.

– Это кто? – спросил он у вошедшего в зал короля.

– Это... это памятник верному моему слуге, – печально ответил король.

– А почему он стоит здесь, а не на кладбище у его могилы, – спросил мальчик.

Король не ответил. Он подошёл поближе к статуе и прошептал:

– Простишь ли ты меня, мой верный Томас. Я готов сделать всё, что ты не пожелаешь, только бы вернуть тебе жизнь.

И к своему изумлению он услышал шёпот, каменные уста Томаса шевелились.

– Если ты и вправду хочешь оживить меня, мой король, то положи обе руки на голову своего сына и скажи: «Я обращаю своего наследника сына в камень и этим возвращаю жизнь Томасу».

Король в ужасе отшатнулся от статуи. Превратить своего сына в статую!

В зал вошла королева:

– Что с тобой? – испуганно спросила она, поражённая бледностью короля.

Он рассказал ей о том, что услышал от каменного Томаса.

– Это тебе померещилось, – успокаивала его королева, – пора, наконец, забыть эту грустную историю, которая так отравляет нашу жизнь.

– Нашу жизнь, – тихо повторил король, – а была бы у нас с тобой эта жизнь, если бы, жертвуя собой, Томас не рисковал своей жизнью? И имеем ли мы право не исполнить его просьбу?

Королева задумалась:

– Ты прав, мой друг, ты прав дорогой. – Цена за его спасение безмерно дорога, но мы с тобой обязаны нашими жизнями ему.

Король подозвал сына. Королева не смогла сдержать слёз. Король положил руки на кудрявую головку мальчика и дрожащим голосом произнёс:

– Я обращаю своего наследника сына в камень и этим возвращаю жизнь верному Томасу.

Король почувствовал, что его руки лежат не на шелковистых кудрях ребёнка, а на холодном камне. Мальчик превратился в статую. Королева вскрикнула и потеряла сознание. А статуя Томаса ожила.

– Спасибо, мой король, – сказал Томас, – не горюйте, всё будет хорошо.

Томас подошёл к маленькой каменной статуе, положил руки на её голову и сказал:

– Проснитесь, ваше высочество.

И статуя тут же исчезла. Живой и весёлый мальчик стоял возле отца, а Томас хлопотал возле королевы, он смочил ей виски холодной водой, она открыла глаза и увидела, что сын её жив и здоров, протерла глаза и удивлённо спросила:

– Что это со мной было? Мне показалось, что...

– Это тебе только показалось, дорогая, – поспешно перебил её король, – я так счастлив! Наш верный Томас жив и опять с нами. Вот теперь мы будем по-настоящему счастливы.

– Я ещё послужу вашему сыну, – сказал Томас и обнял наследника престола.

Волшебная лампа
(по мотивам сказки «Аладдин и волшебная лампа»)

Ай, ай, ай, как бедно живёт вдова портного Гассана! Всё, что можно было продать, уже продано. В доме у Фатьмы и её сына Аладдина остались только две лежанки, стол и две табуретки.

Фатьма стирает чужое грязное белье, моет полы в чужих домах, ухаживает за больными. И за всё это она получает так мало денег, что часто приходится и ей, и её сыну Аладдину ложиться спать голодными.

Правда, была у Фатьмы одна драгоценная вещь – золотой браслет, подаренный ей мужем, когда она родила ему сына. Долго крепилась Фатьма, но всё же наступил роковой день, когда она продала браслет за восемь золотых монет.

– Сынок, – вздыхая, сказала Фатьма, – все твои рубашки износились, да и вырос ты из них. Да и башмаки твои никуда не годятся. Я дам тебе четыре золотые монеты, сходи на рынок. За две монеты купи себе прочную обувь, за одну монету – новую рубашку, а последнюю монету истрать на мясо, овощи, молоко и лепёшки. Наступает день твоего рождения. Тебе исполняется тринадцать лет. Отпразднуем его, сынок.

Аладдин поблагодарил мать, взял монеты, корзинку и пошёл на рынок. Он купит новую рубашку и хорошие башмаки! Мальчишки перестанут называть его оборванцем. Он уже был недалеко от рынка, как услышал отчаянный щенячий визг, оглянувшись вокруг, он увидел трёх мальчишек, которые запихивали в мешок крупного щенка. Щенок визжал и сопротивлялся, как мог.

– Что вы делаете! – возмущённо закричал Аладдин, подбегая к озорникам. – Зачем вы мучаете щенка?

– Мы его не мучаем, – ответил один из них, – мы должны его утопить.

– Зачем? – возмутился Аладдин. – Чем он провинился?

– Он-то ничем не провинился, но его хозяин обещал нам дать по монете, если мы его утопим.

– Отдайте его мне, – попросил Аладдин, – я дам вам три монеты.

Озорники переглянулись.

– Четыре, – потребовал самый высокий из них. Четыре или щенок полетит в речку.

Аладдину очень не хотелось отдавать монеты, но щенок так жалобно повизгивал, что он не выдержал и отдал мальчишкам четыре монеты и взял щенка. Тот доверчиво прижался к его груди и лизнул ему руку.

– Прощай, дурачок! – крикнули, убегая, мальчишки.

Фатьма очень удивилась столь скорому возвращению сына.

Увидев, что он вернулся с пустой корзинкой, держа в руках щенка, бедная женщина закричала:

– О, горе мне! Зачем ты принёс щенка? Чем мы будем его кормить? Где ты его подобрал?

– Я его не подобрал, – смущённо ответил Аладдин. – Я его купил.

– Что? Купил? – отчаянно крикнула Фатьма. – Ты сошёл с ума! – А почему ты не купил рубашку, башмаки и продукты? Я же дала тебе четыре монеты! Где они?

– Я... я... отдал их за щенка, – испуганно пролепетал Аладдин.

Бедная Фатьма упала на колени и горько зарыдала.

– За что? За что Аллах наказал меня! – кричала она, ломая руки.

– Прости меня, мама, – плакал Аладдин, – я бы не купил щенка, но ведь мальчишки хотели его утопить. Мне было так жаль его...

– А тебе не было жаль золотого браслета, единственного подарка твоего отца?

– Ещё раз прошу, прости меня, – чуть не плача взмолился Аладдин, – твой браслет только вещь, а ведь щенок-то живой.

Фатьма умолкла и, тяжело вздыхая, посмотрела на сына, к груди которого испуганно прижимался дрожащий щенок.

«Какое доброе сердце у моего мальчика,» – подумала Фатьма: – Ладно, что сделано, то сделано, – сказала она сыну, – но пусть этот поступок послужит тебе уроком. Вот, возьми последние три монеты, сходи на рынок и купи мяса, риса, лепёшек. Что останется, принесёшь мне. Лучше бы сама пошла, но мне надо выстирать кучу грязного белья. Вот тебе три монеты.

Аладдин поцеловал мать, взял корзинку и снова отправился на рынок. Когда он дошёл до того места, где накануне встретил мальчишек, то снова увидел их, на этот раз эти маленькие негодяи тащили в речку, отчаянно мяукающего котёнка.

– Что вы делаете! – закричал Аладдин, отпустите котёнка!

– А, это опять ты! Как же мы его отпустим, если нам обещали пять монет, чтобы мы его утопили! Но если тебе его жаль, гони пять монет и котёнок твой.

– Но у меня нет пяти монет, – огорчённо сказал Аладдин, – у меня всего три.

Мальчишки посовещались.

– Ладно, – сказал один из них, – давай свои три монеты.

Аладдин отдал свои монеты, взял котёнка, который доверчиво прижался к нему.

– А ну-ка, верните деньги парню! – вдруг раздался сердитый мужской голос и тяжёлая рука легла на лечо Аладдина.

Мальчишки разбежались во все стороны. Аладдин испуганно обернулся. Позади него стоял высокий пожилой мужчина в белом дорогом бурнусе. Голову незнакомца украшала чалма из белоснежного шёлка.

– Не огорчайся, Аладдин, – ласково сказал незнакомец, – эти негодяи выманили у тебя утром четыре монеты за щенка, они хотели его утопить, – я не успел помочь тебе, но ты не огорчайся, зато сейчас я тебе помогу. Возьми десять золотых монет, отдашь их маме. А сейчас мы сходим с тобой на рынок, купим всё, о чем просила тебя Фатьма, а потом...

– Добрый господин, – робко перебил его Аладдин, – спасибо вам большое, но скажите, пожалуйста, откуда вы знаете, что меня зовут Аладдин, а мою мать – Фатьма?

– Знаю потому, что ты, Аладдин – мой племянник, а мама твоя Фатьма – вдова моего покойного брата Гассана.

– Папа никогда не рассказывал о вас.

– Да. И это неудивительно. Я покинул родину и отчий дом, когда твой отец был совсем маленьким. С тех пор мы с ним не встречались. Я много путешествовал по свету и недавно случайно узнал, что мой брат Гассан умер. Я решил приехать в ваш город, повидать Фатьму и

тебя, помочь вам, чем смогу. А узнал я тебя потому, что ты очень похож на своего отца.

– Ну, а теперь, когда я всё тебе объяснил, пойдём на рынок.

– Ах, дядя! – воскликнул Аладдин, как хорошо, что вы хотите нам помочь. Мама очень много работает, я ещё мало могу ей помочь. Она хочет, чтобы я стал портным, как мой отец, но я...

– А ты этого не хочешь, – улыбнулся дядя. Мы постараемся найти для тебя лучшее и более доходное занятие.

Разговаривая, дядя и племянник подошли к рынку. Дядя куда-то спешил, поэтому они быстро купили всё, что просила Фатьма, и с полной корзиной, которую понёс дядя, подошли к дому Фатьмы.

Дядя поставил корзину у порога и сказал:

– Ты прости меня, Аладдин, но сейчас я не могу зайти к вам. Я ведь приехал сюда не только затем, чтобы повидать вас. У меня тут есть важные торговые дела. Но завтра мы с тобой встретимся, к десяти утра подойди к лавке Ахмеда, который торгует обувью, и жди меня. Я приду, и мы купим в этой лавке хорошую обувь для тебя, затем купим тебе хорошую одежду, захвати с собой корзину для фруктов, сладостей, щербета, а затем уж пойдём к тебе домой. Золотые монеты отдай матери. С этими словами дядя удалился, а Аладдин, держа в одной руке котёнка, а в другой корзину, толкнул ногой дверь и вошёл в дом.

Увидя сына с котёнком в руках, Фатьма горестно закричала:

– Мало тебе собаки, ты ещё и кошку приволок! Хочешь моей смерти? Кто тебе дал эту кошку?

– Никто не давал, матушка. Я заплатил за неё три монеты. Мальчишки собирались её утопить!

– Аллах наказал нас! – прошептала Фатьма, – мой сын сошёл с ума!

– Да нет же! Успокойся, матушка, вот, возьми – и Аладдин подал матери десять золотых монет.

– Какой позор! – в ужасе воскликнула Фатьма. – Мой сын стал вором!

– Стыдно тебе, матушка, так плохо думать о своём сыне, – упрекнул её обиженный Аладдин, перестань ломать руки и выслушай меня.

И он рассказал матери о том, как встретился со своим дядей. который дал ему десять золотых монет и обещал помочь им.

– Откуда у тебя взялся дядя? – недоверчиво сказала Фатьма.

– Он сказал, что мой отец – его младший брат.

– Брат Гассана? Но я знаю, что у твоего отца не было брата. Тут что-то не так... Почему же этот твой неизвестно откуда взявшийся дядя не пришёл с тобой в наш дом?

– Он не смог. У него сегодня важные торговые дела, но завтра утром мы встретимся с ним на рынке, он обещал купить мне новые сапожки. И я приведу его к нам.

– Все это удивительно, – задумчиво сказала Фатьма.

– Матушка, дядя поможет мне найти хорошую работу, и я стану помогать тебе, вот увидишь, как весело мы с тобой заживём! Мне даже захотелось спеть тебе песенку, чтобы ты развеселилась.

– Ну что ж, пой, мой мальчик, если тебе захотелось повеселить свою несчастную мать, и Аладдин запел песню, которая сама собой сочинялась у него:

Говорят, что Аладдин бездельник,
Но теперь безделию конец,
В нашем доме много будет денег.
Жаль, не дожил бедный мой отец.
Мне бобов не надо и задаром,
Я халвы с орехами хочу,
Я куплю атласа на шальвары,
На халат тебе куплю парчу.
Шаль цветную, платья, душегрейки,
Скоро сможет сын тебе дарить.
Перестанем мы считать копейки,
Корку хлеба черствую делить.

– Ой, не рано ли ты размечтался, сынок? – покачала головой Фатьма.

– Не набрасывай тени на мою радость, – попросил её Аладдин. А сейчас вытащи из корзинки всё, что купил нам дядя, и свари обед.

Очень кушать хочется. Не обижай мою собачку и мою кошечку. Я хочу, чтобы они тоже были счастливы.

Впервые после смерти Гассана Фатьма и Аладдин так вкусно и сытно пообедали.

На следующее утро Аладдин отправился на базар и стал у лавки Ахмеда ожидать дядю.

Хотя было ещё раннее утро, но жизнь на восточном базаре била ключом. Чем только не торговали в своих лавках купцы! Как громко расхваливали они свои товары: «Пёстрые, яркие халаты, мягкие домашние туфли с загнутыми носками, пёстрые ткани, посуда», – всего не перечтёшь. Разносчики носили на головах лотки, наполненные лепёшками, фруктами, халвой и рахат-лукумом. Маленькие ослики, нагруженные товаром, время от времени пронзительно кричали. Важно шествовали верблюды, от крика продавцов можно было оглохнуть.

– Дыни! Дыни! Сахарные самые вкусные дыни!

– А вот щербет! Самый сладкий, самый вкусный.

А продавец винограда расхваливал свой товар в стихах.

Он пел:

Славен чудный наш Багдад,
Вкусен сочный виноград,
Всем купить побольше надо
Винограда, винограда!

Аладдин вертел головой во все стороны, ища глазами своего дядю.

– Халаты! Халаты! Шёлковые, полосатые, в цветах, дёшево и красиво, – кричал продавец.

Аладдин так засмотрелся на халаты, что не заметил, как к нему подошёл дядя.

– Не хочешь ли халвы, Аладдин? – ласково спросил он у мальчика.

– О, дядюшка! – обрадовался Аладдин. – Доброе утро, дядя, я хочу...

– Зови меня дядя Мограб, я спросил тебя, не хочешь ли ты халвы или лучше угостить тебя рахат-лукумом?

– Я не знаю, дядя Мограб, – растерянно ответил Аладдин, – я люблю и рахат-лукум, и халву... Но я так давно не ел халву... Лучше купите халву...

– Конечно лучше халву! – закричал продавец халвы. – Купите мальчику халвы, она вкусней рахат-лукума.

Продавец рахат-лукума возмутился и громко закричал:

Видали такого приятеля?
Перебивает у меня покупателя.
От Багдада до Эрзрума
Не найти вкусней рахат-лукума.

– Не ссорьтесь, – приказал Мограб, я куплю и халву и рахат-лукум.

– Спасибо, дядя Мограб, – обрадовался Аладдин.

– Ешь, – сказал Мограб, – когда всё съешь, зайдём в лавку и купим тебе сапожки.

В это время на базаре появился дурачок Рахмет. Он въехал на осле, сидя лицом к хвосту.

– Далеко ли ты собрался ехать, Рахмет? – спросил его, смеясь, Аладдин.

– Я не отвечаю на непочтительное обращение, – важно ответил дурачок. – Ты забыл сказать «почтеннейший и уважаемый поэт Рахмет».

Аладдин и продавцы рассмеялись, а Мограб даже не улыбнулся.

– О, достопочтенный Рахмет, – насмешливо сказал продавец халатов, – куда ты направляешь свои стопы?

– Во дворец Калифа, – ответил Рахмет. – Его дочь – прекрасная Будур, влюблена в меня без памяти. Еду просить её в жёны.

Продавцы и покупатели рынка дружно расхохотались.

Не обращая на них внимания, Рахмет продолжал:

– Я сочинил для неё прекрасную песню.

– Спой, спой, Рахмет! – закричали и продавцы и покупатели.

– Ну, если вы так просите... – важно произнёс Рахмет.

– Пойдём, Аладдин, – строго сказал Мограб, – нас ждёт купец, который обещал мне устроить тебя.

– О, дядя Мограб, давайте послушаем Рахмета, он так забавно поёт.

Мограб скрипнул зубами и согласился. Рахмет запел:

На прекрасную принцессу
Взор печальный устремив,
Горько, горько воздыхает,
Старый, мудрый наш Калиф,

Триста юношей знатнейших,
Не прогнать же их взашей?
Но никто из них принцессе
Не пришёлся по душе.

Этот хром, этот крив,
Этот просто некрасив.
Этот глуп, этот прост,
У того длиннющий нос.

Ох, разборчива принцесса!
Ох, капризам нет конца!
Дочь скорее выдать замуж —
Вот обязанность отца.

Поражен её упрямством,
Впал в печаль её отец,
Но как светлый луч надежды,
Я приеду во дворец.

И признается принцесса,
Что в Багдаде лучше нет,
Красивее и ценнее
И стройнее, чем Рахмет.

– Ну и расхвастался, дуралей, – смеялись люди. Постыдился бы своего осла!

– Аладдин, – нетерпеливо сказал Мограб, – очнись. Охота тебе слушать этого дурака? Пошли в лавку.

Аладдин с Мограбом вошли в лавку купца, и Мограб выбрал для племянника самые красивые и дорогие сапожки. Затем Мограб повёл его в лавку, где торговали одеждой, купил ему красивый костюм, а старое тряпьё, в которое был одет Аладдин, велел бросить.

– Пойдём побыстрее, Аладдин, – сказал Мограб, мой знакомый купец нас заждался, я надеюсь, что он поможет тебе найти хорошую работу, обучит тебя своему делу и ты, повзрослев, будешь иметь свою лавку. Пошли!

– Ах, дядя Мограб, – восторженно сказал Аладдин, – с вами хоть на край света. – И Мограб повёл Аладдина, взяв его за руку. Они ушли с базара, миновали городскую площадь, миновали улицы Багдада и к удивлению Аладдина не остановились ни у одного дома.

«Где же живёт этот купец?» – подумал Аладдин, но спросить Мограба не решился. Шли они очень долго. Уже стало смеркаться, а они всё шли. Аладдин очень устал, идти так долго да ещё в новых сапожках... Спросить дядю, куда они идут, он не решался, тем более что Мограб в течение всего времени, пока они шли, не вымолвил ни слова.

Когда солнце опустилось за реку, Аладдин робко спросил:

– Куда же мы идём?

– Скоро будем у цели, – сурово ответил Мограб. – Видишь скалу?

– Разве мы идём в гости к скале? – удивился Аладдин.

– Слушай меня, мальчик, – торжественно начал Мограб, – то, что тебе придётся увидеть, может поразить и испугать, но если ты будешь слушаться меня во всём, с тобой ничего плохого не случится.

– Ах, дядя! Моё сердце сжалось от страха... и смотрите вы на меня не так ласково, как раньше.

– Молчи и повинуйся мне во всём, – сурово ответил Мограб и посыпал землю зелёным порошком. Земля вспыхнула и загорелась зелёным огнём. Мограб на непонятном Аладдину языке произнёс какое-то заклятие.

Аладдину стало страшно, а Мограб стал говорить на уже понятном для мальчика языке:

Чудесное таинственное зелье,
Как стало на сердце легко и хорошо.
Гори, гори, волшебный порошок,
Скорей открой дорогу в подземелье.
Могучие волшебники и джинны
Сокрыли клад, бесценный дивный клад.
И спит он до прихода Аладдина.
Хранят ревнивые чудовища
Неисчислимые сокровища,
Но все события предвижу я.
Читать умея чернокнижие,
Лишь мне сокровища завещаны,
Самой судьбою мне обещаны.
Гори, гори, волшебный пламень!
Велю! Гори раздуйся камень!

Страшный грохот чуть не оглушил перепуганного Аладдина.

– Матушка! – закричал он. – Мне страшно!

– Перестань скулить, щенок! – прикрикнул на него Мограб. – Замолчи, если хочешь остаться в живых. Видишь эту расселину?

– Вижу, – пролепетал Аладдин.

– Я спущу тебя по канату вниз, в подземелье. Когда твои ноги достанут дна, иди смело по длинному коридору, он приведёт тебя в большую залу. В ней тебя встретят львы и тигры. Они будут рычать, а ты не пугайся их, не беги и главное – не оглядывайся. Тогда они не тронутся с места, потом ты спокойно войдёшь во второй зал, там зашипят на тебя кобры, но и их ты не бойся, главное запомни – не оглядывайся, иди дальше – в третьем зале самое трудное испытание – там тебя будет звать голос Фатьмы, твоей матери, что бы она тебе ни говорила, не слушай её, не оглядывайся. Знай, это голосом твоей матери говорит злая колдунья. Если ты обернёшься, она обратит тебя в камень, не останавливайся, иди дальше. В четвёртом зале ты увидишь такие сокровища, которые могут тебя ослепить своим блеском: золото, драгоценные камни. Бери всё, что захочешь, набивай карманы золотыми монетами. Ты можешь стать самым богатым человеком в

Багдаде. Я же попрошу тебя – разыщи среди сокровищ старую медную лампу. Она должна лежать в золотой вазе. Иди.

– Ой, дядя! Я боюсь!

– Остерегись ослушаться меня, мальчик!

– Иду, – покорился Аладдин.

– Матушка, – прошептал он, – вспоминай своего бедного сына. Как он наказан за свою доверчивость.

– Хватит ныть, – топнул ногой Мограб. Взял в руки канат и велел Аладдину спускаться вниз. Аладдин начал спускаться.

– Помни мои советы и обязательно принеси мне лампу, – крикнул Мограб.

Когда Аладдин достиг дна, он выпустил канат и пошёл по открывшемуся ему тёмному коридору, пройдя его, он очутился в едва освещённом большом зале. И к ужасу своему увидел львов и тигров, которые зарычали на него. Помня наказ Мограба, он медленно пошёл вперёд и ни разу не оглянулся на зверей. В следующем втором зале на него зашипели кобры, но Аладдин не оглянулся на них и пошёл дальше. В третьем зале он никого не встретил и продолжал идти дальше, как вдруг услышал родной голос матери.

– Аладдин, сыночек мой, любимое дитя, – ласково зазвучал голос Фатьмы. – Это я, твоя любящая мать, я пришла, чтобы спасти тебя от гибели. Оглянись, мой сынок, посмотри на меня.

Аладдин остановился и уже хотел обернуться, чтобы убедиться, что это действительно мать зовёт его, но вовремя вспомнив наказ Мограба, закричал:

– Прочь, колдунья! Моя матушка дома ждёт меня!

Голос умолк, и Аладдин пошёл дальше и вошёл в четвёртое помещение. Здесь было светло, хотя откуда взялся этот свет, Аладдин не мог понять.

Мограб его не обманул. Аладдин увидел несметные сокровища. Золотые вазы, наполненные драгоценными камнями, золотые сосуды, сундуки, полные золотых монет.

Аладдин забыл о своих страхах и восхищённо разглядывал сокровища. Сам не понимая, как это ему удалось, он заговорил стихами:

Ах, за жизнь короткую ни разу
Не пришлось увидеть Аладдину,
Ни подобных россыпей, алмазов,
Ни таких топазов и рубинов,

Красота подобная приснится,
Разве что счастливому, пожалуй.
Здесь поют невидимые птицы,
Жемчуга рассыпаны повсюду,

И везде валяются монеты,
Кубки, вазы, золотые блюда,
Аладдин, да на яву ль всё это?

– Я сочинил стихи! – удивился Аладдин. – Наверно, поэтами становятся люди, когда они увидят что-то прекрасное! Но надо торопиться... Я возьму только монеты. Набью ими карманы, стяну пояс и насыплю их под рубаху. Ну все. Больше не влезает. Надо возвращаться! Ой, да что это я!

Мограб велел принести ему какую-то старую лампу. «Зачем она ему, когда на базаре можно купить новую? Но раз он приказал, надо найти. А... вот она... в золотой вазе. Какая старая... Но если он велел...»

Аладдин взял лампу и понёс её через все помещения к месту, куда Мограб должен был вытащить его канатом на землю. К его счастью, ни львов, ни тигров, ни змей он не встретил. Придя на место, Аладдин не увидел спущенного каната.

– Эй, дядя Мограб! – закричал Аладдин. – Я пришёл. Зачем ты убрал канат?

– Ты не забыл лампу? – спросил его сверху Мограб.

– Она у меня в руках.

– Я спущу канат с корзинкой, положи в неё лампу. Сначала я подниму лампу, а потом тебя.

Аладдин почувствовал, что Мограб затевает что-то недоброе.

– Спустите канат и поднимите меня вместе с лампой.

– Делай, как я тебе приказал!

– О, нет, вы слишком хитры, дядя. Да и я ведь не совсем дурак. Лампу я вам отдам только тогда, когда вы меня отсюда вытащите!

– Я тебе приказываю, щенок! Я спускаю канат, и ты кладёшь лампу в привязанную корзину.

– Я привяжу раньше себя. Вы слишком несправедливы к сыну своего брата.

– Так не дашь поднять раньше лампу?

– Увы, нет. Я её отдам, только когда вы вытащите меня отсюда.

– Так будь же ты проклят! – загремел Мограб. – Подыхай, проклятый мальчишка.

Тотчас же земля сошла и закрыла отверстие, через которое Аладдин спускался по канату.

– Горе мне, – зарыдал Аладдин, – это не дядя, это проклятый колдун. Земля сошлась надо мной. Больше не увидеть мне солнечного света. О, моя мать! Я не увижу больше твоего родного лица. Прости своего глупого сына! – И Аладдин в отчаянье стал ломать руки, в которых держал лампу.

– Зачем мне эта старая лампа! – воскликнул Аладдин. Крепко сжимая в руках, он слегка потёр её, затем хотел бросить, но вдруг всё вокруг него загремело и перед ним возник огромный джинн.

– Ты явился погубить меня? – замирая от страха, спросил Аладдин.

К его изумлению джинн низко ему поклонился и громко произнёс:

О, мой повелитель,
О, мой господин,
Любое желанье
Исполнит твой джинн.

– Кто ты? – спросил Аладдин. – Скажи, что тебе от меня надо?

– Это ты скажи, Аладдин, что тебе надо.

И не дождавшись ответа от изумлённого Аладдина, джинн произнёс:

Желание сердца скажи своего,
В мгновение ока исполню его.

– О, добрый джинн, – обрадовался Аладдин, – не можешь ли ты перенести меня в дом моей матушки.

– Слушаю и повинуюсь, – рявкнул джинн. – Крепче держи лампу, господин!

Не успел Аладдин ответить джинну, как очутился у дверей своего дома. Он пулей влетел в дом.

– Аладдин! – радостно вскрикнула Фатьма. – Как тебя долго не было. А где твой дядя Мограб?

– Ой, матушка, ты была права, когда говорила, что у моего отца не было брата. Сядь, слушай, что я тебе расскажу. Только не волнуйся, – он под вздохи, слёзы и восклицания матери рассказал ей обо всём, что с ним произошло.

– Но всё его зло, – закончил свой рассказ Аладдин, – обратилось в нашу пользу.

И он стал выгребать из карманов золотые монеты. Фатьма ахала от изумления, а Аладдин размечтался:

– Теперь тебе не придётся работать, матушка. Мы купим хороший дом, мебель, ковры, я тебя одену, как принцессу.

– Остановись! – сказала Фатьма. – Не забывай, что если мы так круто изменим свою жизнь к лучшему, то обязательно вызовем удивление, подозрение и зависть, которые отравят нам жизнь. Тебя заподозрят в том, что ты обокрал кого-то, а меня, что я тебя покрываю. Надо быть умнее, мы останемся в нашем доме, прикупим постепенно самое необходимое и скромно, но сытно и счастливо заживём с тобой.

– Ты права, матушка, – согласился с нею Аладдин. – И всем будем рассказывать, что богатый дядя Мограб нам помог, никто не удивится, тем более что на базаре многие видели, как он покупал мне одежду и обувь.

– Вот и хорошо, – сказала Фатьма. – Кроме меня, пусть никто ничего не знает.

Почти четыре года прожили Фатьма с Аладдином, понемногу тратя на свою скромную жизнь золотые монеты. Собака и кошка из щенка и котёнка превратились в большую собаку и крупного рыжего

кота. Это были преданные и любящие своих хозяев животные. Но время шло, деньги тратились, а когда они есть, то, как ни старайся, не всегда удержишься от соблазна купить что-то такое, чего очень хочется.

И вот случилось то, что и должно было случиться. Настали дни, когда золотые монеты перестали звенеть в карманах Аладдина и исчезли из кошелька Фатьмы.

– Надо что-то продать, – сказал Аладдин. – Я поищу что-нибудь в сундуке. – Он открыл крышку, стал рыться в вещах и нашёл старую медную лампу, о которой давно забыл. Он вынул её и вспомнил джинна. – Дорогая лампа, ты спасла меня, а я, неблагодарный, забыл о тебе.

– Матушка! – закричал Аладдин. – Дай-ка мне тряпку, я оботру эту лампу. – И, взяв у матери тряпку, Аладдин принялся усердно обтирать лампу. И тут же огромный джинн возник перед ним и громовым голосом произнёс:

О, мой повелитель!
Не хочешь ли ты,
Я замок воздвигну,
Построю мосты.
Я выстроить башню,
Могу золотую!
Не хочешь?
Так город разрушить
Могу я.

– Не надо разрушать город! – испуганно закричал Аладдин. – Ты перепугал меня и мою мать.

– Прости. Но я раб медной лампы, ты её владелец. Я твой раб. Прикажи, я выполню любое твоё желание.

– О, радость! Я всё вспомнил. Это ты, дорогой джинн, спас меня! Теперь только я понял, почему этот злобный Мограб так добивался заполучить эту лампу, но почему ты, дорогой джинн, почти четыре года не появлялся?

– Потому, мой повелитель, что ты в эти годы ни разу не взял меня в руки.

– Ох, – простонала Фатьма. – Я умираю от страха.

– Успокойся, матушка. Всё хорошо. Послушай, джинн, принеси нам, пожалуйста, хороший ужин.

– Слушаю и повинуюсь, – сказал джинн и исчез.

Через минуту он появился, неся на золотом блюде дорогие закуски, дичь, фрукты и сладости.

– Ну, матушка, теперь нам нечего бояться, что наши монеты исчезли. Да и не нужны они нам теперь. Джинн принесёт нам всё, что только мы пожелаем.

– Пойду-ка я поброжу по улицам, погуляю, – сказал Аладдин, радость не даёт мне сидеть дома.

– Пойди, пойди, сынок, только поздно не возвращайся.

Аладдин поцеловал мать и уже собрался уходить, но остановился и засмеялся.

– Мне вдруг захотелось спеть песню.

– И мне захотелось, – сказала Фатьма и начала петь:

Счастье пришло неожиданно,
В дом залетело, как птица,
Скажите, где это видано?
Чтоб горькая пела вдовица.

О, мой мальчик,
У меня ты один,
Счастливчик-красавчик,
Мой сынок Аладдин.
Время будет, я сыну посватую
Черноглазую с косами черными,
Нам не нужно невесту богатую,
Пусть мне будет невесткой покорною.

О, мой мальчик,
У меня ты один,
Счастливчик-красавчик

Мой сынок Аладдин.

– Ах, матушка! – Давно я не слышал твоего пения! – И, поцеловав мать, Аладдин вышел из дома.

– Пойду прилягу, – сказала Фатьма, – надо отдохнуть и успокоить сердце.

Но лежать ей пришлось недолго. Неожиданно быстро вернулся Аладдин.

Собака бросилась ему навстречу, но он не приласкал её, как обычно, а, закрыв глаза, опустился в кресло.

Фатьма взглянула на него и испугалась. Она ещё никогда не видела своего сына таким бледным.

– Что с тобой случилось? – тревожно спросила Фатьма.

– Не знаю, что случилось, – ответил рассеянно Аладдин. – Я сам не понимаю, что со мной.

– Расскажи мне сынок, не томи.

– Матушка, я видел принцессу Будур. Её несли в паланкине. Черные слуги прогоняли всех с улицы. Но я спрятался за будку и ждал. Когда паланкин принцессы поравнялся с будкой, я выглянул и увидел, как принцесса откинула полог и выглянула. Я видел её так близко. Шёлковые ресницы её взметнулись, как бабочки, и она посмотрела прямо мне в сердце, и она улыбнулась мне... Паланкин пронесли, а я всё стоял как зачарованный. Матушка, я погиб. Я умру, если не женюсь на ней...

– Что ты! – перепугалась Фатьма. – Уж не забыл ли ты, что она дочь калифа? Может быть, ты уже не помнишь, кем был твой отец? И кто такая твоя мать? Опомнись, мой мальчик.

– Я ничего не забыл, – упрямо сказал Аладдин. – Если ты любишь и не хочешь меня потерять, сделай то, о чём я тебя попрошу. Подойди ко мне поближе.

Аладдин обнял мать и что-то прошептал ей на ухо. Фатьма в ужасе отшатнулась от сына.

– Ты лишился разума, мой сын! – в отчаянии воскликнула Фатьма. – Я никогда не осмелюсь сделать то, о чём ты меня просишь.

Мы совсем забыли рассказать о том, чем занимается в своём богатом дворце калиф. А занят он своим обычным делом. Вместе со

своим визирем и придворными советниками сидит в дворцовом зале и решает дела государственной важности. Устав сидеть на троне, он изредка встаёт и прохаживается по залу, иногда выглядывает в окно и его удивляет то, что уже несколько дней подряд он видит у ворот своего дворца женщину, которая заглядывает в окна дворца, держа в руках блюдо, покрытое шёлковым платком.

– Послушай, Саид, – обращается калиф к визирю, – не знаешь ли ты, кто эта женщина, которая каждый день приходит к воротам дворца? Какая у неё надобность?

– Не велишь ли ты, мудрейший калиф, привести её к твоим стопам? – спрашивает визирь.

– Пожалуй, приведи. Я не прочь узнать, что надо этой женщине. Должны же мы выслушивать наших подданных.

– О, всемилостивейший! Как всегда ты прав. Я пошлю слугу за ней, и она предстанет перед твоим светлым ликом, – и визирь вышел из зала.

Через несколько минут женщина, держащая в руках блюдо, предстала перед калифом и низко ему поклонилась.

– Расскажи, почтенная женщина, что привело тебя во дворец? Какая нужда?

– О, всемилостивейший и мудрый калиф, – дрожащим голосом сказала Фатьма. – Может быть, ты велишь меня казнить, когда услышишь из моих уст дерзкие слова, но я мать и мне легче умереть, чем не попытаться спасти своего сына.

– Так говори, – слегка нахмурившись, произнёс калиф.

– Сын мой, единственный мой сын Аладдин умирает.

– Не скорби так. Я пошлю к нему искуснейших врачей. Чем болен твой сын?

– Любовью, великий калиф.

– И что же надо мне сделать, чтоб твой сын выздоровел? – с улыбкой спросил калиф.

– Дать твоё согласие, мудрейший из мудрейших, – дрожащим от испуга голосом сказала Фатьма.

– Вот как! – удивился калиф. – И в кого же так смертельно влюблён твой сын?

– В твою дочь, великий калиф, – опустив голову, тихо сказала Фатьма.

– Да как же он посмел, несчастный! – вскипел калиф.

– Любовь настигла и ослепила его, – чуть не плача пробормотала бедная Фатьма.

Визирь усмехнулся и сказал:

– А не знает ли твой сын, женщина, что, сватаясь к дочери калифа, влюбленный преподносит ей дары.

Фатьма сняла с золотого блюда шёлковый платок, и зал озарился блеском драгоценных камней, лежащих на блюде.

Бриллианты, рубины, изумруды, жемчуг, алмазы, – шептал поражённый этим богатством визирь.

Калиф молча разглядывал эти сокровища. Даже в его сокровищнице не было ничего подобного.

– Во всём Багдаде не найдётся таких сокровищ, – сказал визирь. – Уж не вор ли твой сын Аладдин?

– Мой сын – честный человек, – твёрдо сказала Фатьма, – не все богатые – воры, хотя большинство богатых – воры.

– Ты на кого намекаешь? Гляди у меня! – зло прошипел визирь.

– Проверь её слова, мудрейший калиф, я советую тебе сказать этой женщине: пусть она передаст своему сыну, что ты велел ему сегодня же прислать тебе сорок белых слонов, покрытых лучшими текинскими коврами, пусть их ведут чёрные нубийцы, и каждый из них пусть несёт золотое блюдо или золотой сосуд. Если он выполнит твоё пожелание, ты позволишь её сыну свататься к твоей дочери принцессе Будур.

– Ты слышала, почтенная женщина, о чём говорил визирь? – спросил Фатьму калиф.

– Да, я недостойная целовать следы твоих ног, великий калиф, слышала, – ответила Фатьма.

– Иди же к своему сыну, – кивнул ей головой калиф, – а я сяду к окну и буду ожидать появления сорока белых слонов.

И он подмигнул визирю, который насмешливо рассмеялся.

– Будь здоров и счастлив, великий калиф, – сказала, низко поклонившись, Фатьма и вышла из зала, оставив на столике золотое блюдо с драгоценными камнями.

– Ну, визирь! – воскликнул калиф. – Видал ли ты что-нибудь подобное?

– Не нравится мне этот Аладдин, по-моему, он злой колдун.

– Тебе не один жених для моей Будур не нравится, – усмехнулся калиф, – уж не мечтаешь ли ты, что она пленится твоим сыном, колченогим, пучеглазым Махмудом?

Визирь скрипнул зубами. Он не подозревал, что калиф давно догадался о его мечте женить своего Махмуда на принцессе Будур.

– Взгляни в окно, – приказал калиф, – не видно ли ещё слонов?

– Боюсь, что тебе придётся слишком долго их ждать, о, мудрейший. Неужели ты веришь, что дождёшься появления этих сорока слонов?

– Дай себе труд выглянуть в окно, и ты поверишь в них сам, – спокойно ответил калиф.

Визирь подбежал к окну и невольно вскрикнул:

– Кто бы мог подумать! Слоны!

– Может быть ты сосчитаешь их? – насмешливо спросил калиф, – ну что же ты молчишь? Тебя, кажется, огорчило их появление? Тогда я сам посчитаю их, двадцать уже прошло, а они всё идут и идут, и каждого сопровождает чёрный нубиец с золотым блюдом в руках.

Визирь почернел от досады и заскрипел зубами, а калиф видя, как раздосадован его визирь, решил подлить масла в огонь.

– Этот Аладдин вполне подходящий жених для моей дочери. Вели слугам, визирь, найти его и привести ко мне, я хочу на него взглянуть. Может быть, он крив и горбат. Я никогда не стану неволить свою дорогую девочку ни за какие сокровища.

– О, великий калиф! – воскликнул визирь. – Я уверен, что он и крив и горбат и к тому же злой волшебник.

– Я тебе приказал разыскать Аладдина, – сурово сказал калиф.

– Слушаю и повинуюсь, – покорно ответил визирь и хлопнул в ладоши.

В зал вбежал слуга и почтительно поклонился калифу.

– Али, ступай в город, разыщи некоего Аладдина и приведи его сюда, – сказал визирь.

– Слушаю и повинуюсь, – ответил слуга. – Я знаю, где живёт Аладдин, когда-то его отец Гассан сшил мне халат.

– Ах вот что! – воскликнул визирь. – Его отец портной!

– Но он уже давно умер, а Аладдин живёт со своей матерью Фатьмой.

– Беги к нему и быстро приведи его ко мне, – приказал калиф.

– Слушаю и повинуюсь, – ответил Али и, низко поклонившись калифу, убежал.

– Удивляюсь я тебе, великий калиф, – пожал плечами визирь, неужели ты не понимаешь, что имеешь дело или с ловким мошенником, или со злым джинном, умоляю тебя, не связывай судьбу своей прекрасной дочери...

– Хватит, – перебил его калиф, – замолчи.

– Слушаю и повинуюсь, – прошептал визирь, – но разреши мне дать тебе верный совет.

– Говори, – разрешил калиф.

– Если он явится перед твоими всевидящими очами, потребуй от него, по крайней мере, чтобы он в течение одной ночи, к завтрашнему утру выстроил на той поляне, что расположена вблизи твоего дворца, прекрасный дворец для принцессы Будур, да будет благословенно её имя.

– Я подумаю, – сказал калиф.

В зал вошёл Али и, низко кланяясь, попросил разрешение говорить.

– Говори, – бросил калиф.

– Я знаю, что он тебе скажет, – усмехнулся визирь, – никакого Аладдина он не нашёл.

Али удивлённо посмотрел на визиря и пожал плечами.

– Вы ошибаетесь, великий визирь, я нашёл его, он стоит за этой дверью и просит вашего разрешения предстать перед великим калифом.

– Приведи его, – приказал калиф.

Али удалился, и в зал вошёл богато одетый Аладдин. За последние годы он из мальчишки превратился в стройного красивого юношу. При виде его визирь помрачнел, а калиф приветливо улыбнулся.

– Подойди ко мне, Аладдин, – подозвал его калиф.

Аладдин подошёл и низко ему поклонился.

– Скажи мне, Аладдин, правда ли, что ты любишь мою дочь, принцессу Будур?

– Такая же правда, великий калиф, как то, что рыба любит воду, а птица воздух. Без Будур я погибну, как рыба без воды и птица без

воздуха. Я видел её случайно один раз, но полюбил её всем сердцем и навсегда.

Калиф улыбнулся:

– Ты мне нравишься, Аладдин, но я отдам тебе дочь при двух условиях. Первое, если Будур захочет стать твоей женой и если ты, в течение этой ночи построишь для неё прекрасный дворец, достойный её красоты. Дворец должен быть построен к восходу солнца на большой поляне возле моего дворца.

– Я постараюсь исполнить ваше желание, великий калиф, – сказал Аладдин.

– Иди, Аладдин, – кивнул головой калиф.

Аладдин низко поклонился и ушёл.

– Ах, мошенник, как он уверен в себе! – с досадой воскликнул визирь. – Неужели ты веришь этому колдуну?

– Ах, как бы тебе хотелось, чтобы он не выполнил моих условий, – усмехнулся калиф. – Неужели тебя не порадовало, что Аладдин высок и строен, что лицо у него красиво, а поведение благородно? Он меня очаровал. Думаю, что на Будур он произведёт такое же прекрасное впечатление. Но что с тобой? – с деланной заботливостью спросил калиф. – Ты ужасно побледнел. Уж не заболел ли ты, визирь?

– О, нет, мой повелитель, – поспешно ответил визирь, – просто я боюсь, чтобы горькое разочарование не отразилось на твоём драгоценном здоровье.

– Этого не произойдёт, – усмехнулся калиф. – На сердце у меня так весело, как бывает очень редко. Захотелось даже запеть. Стихи сложились сами собой, и калиф негромко запел:

Аладдин мне подарил алмазы,
Жемчуга, цены которым нет,
Жениха Будур нашёл я сразу
Я не принял глупый твой совет.

– Позволь мне, повелитель, ответить тебе тоже стихами, – спросил визирь.

Калиф утвердительно кивнул головой, и визирь гнусавым голосом пропел:

Радуйся, а плакать будешь после,
Мой мудрейший, дорогой калиф —
Так сказал своей хозяйке ослик,
Все горшки ногою перебив.

Калиф засмеялся и ответил визирю тоже в стихах:

Да уймись ты, старикашка вздорный,
Я тебя заставлю замолчать,
Поглупел от зависти ты чёрной
Аладдин! Вот будущий мой зять!

Но визирь не замолчал. Последнее слово осталось за ним.

Не видать своих мне больше денег,
С сыном не видаться и с женой.
Аладдин волшебник и мошенник —
В том клянусь своею бородой.

– Ну, хватит! – рассердился калиф. – Ступай, распорядись, чтобы накормили и устроили на ночлег слонов, проследи, чтобы нубийцы были обеспечены питанием и ночлегом. Собери у них золотые блюда и вели снести их в сокровищницу. Я позову тебя, когда завтрашним утром взойдёт солнце.

– Слушаю и повинуюсь, – пробормотал визирь и, поклонившись калифу, ушёл.

А бедная Фатьма не находила себе места от волнения. Не шутка ведь – её Аладдина вызвал сам калиф. Кто знает, чем это кончится эта безумная затея Аладдина? Конечно, джинн доставил ко дворцу калифа сорок белых слонов, нубийцев и золотые блюда, но кто знает, что ещё потребует калиф от её сына?

Собака залаяла и бросилась к двери. Верный пёс почувствовал, что хозяин возвратился.

– Матушка! – закричал с порога Аладдин. – Я счастлив. Калиф был милосерден ко мне.

– А я так беспокоилась, – вздохнула Фатьма, – что же он сказал тебе, сынок?

– Калиф поставил два условия.

– А ты сможешь их выполнить?

– Одно смогу, а второе... не от меня зависит.

– Так расскажи мне, что это за условия?

– Да не волнуйся ты так, всё будет хорошо. Первое условие – это согласие принцессы Будур выйти за меня замуж. Если ей не понравлюсь...

– Ты не понравишься! Такой красавец! Не может быть!

– Ты забываешь, матушка, что Будур отвергла триста женихов. Наверно, среди них были юноши красивее и уж, конечно, более знатные, чем сын портного.

– Да посмотри на себя в зеркало, сынок! Победа будет за тобой. Материнское сердце не обманывает, расскажи о втором условии калифа.

– Ну, матушка, это пустяки, по сравнению с первым. Я должен за эту ночь построить дворец для принцессы на полянке, что расположена возле дворца калифа.

– Что? Построить дворец за одну ночь? Калиф или сошёл с ума, или издевается над тобой, а ты... ты тоже сошёл с ума, если согласился принять это условие... О, горе мне!

И бедная женщина горько заплакала.

– Матушка, не плачь, – пытался успокоить её Аладдин, вытри слёзы и достань из сундука мою медную лампу.

Не переставая плакать, Фатьма исполнила просьбу сына.

Аладдин потёр лампу рукой. Раздался грохот. Испуганные собака и кот спрятались под диван. Перед Аладдином появился джинн.

– Слушаю тебя, мой повелитель, – прогремел джинн. – Что я должен для тебя сделать? Построить дворец или разрушить город?

– Построить прекрасный дворец для моей невесты принцессы Будур. Расположи его на полянке, которая лежит рядом с дворцом

калифа. Построить его надо этой ночью, чтобы с утренней зарёй он уже был на месте. Сможешь?

– Я смогу сделать всё, что ты мне прикажешь, мой повелитель.

– Тогда разбей вокруг дворца сад с цветущими розами, достань дорогую мебель и посуду и позаботься нанять слуг.

– Будет сделано. Есть у тебя ещё какие-нибудь желания?

– Нет, дорогой мой спаситель, есть только глубокая благодарность за всё, что ты для меня делаешь. Ты первый повелитель, владелец волшебной лампы, который поблагодарил меня за всё, что я для них сделал. Я это никогда не забуду. – С этими словами джинн исчез.

– Мой бедный мальчик, – покачала головой Фатьма, – и ты веришь, что твой джинн сумеет за одну ночь построить дворец, обставить его дорогой мебелью, уложить на полы дорогие ковры, нанять верных слуг... О, горе мне, горе...

– Ой, матушка, так ли ты заговоришь, когда из этого бедного дома переберёшься жить во дворец?

– Что? Я поселюсь во дворце? Даже и не мечтай об этом. Переселишься сам, возьмёшь своего кота и свою собаку.

– Матушка!

– Замолчи!

Зная по опыту, что переспорить свою мать ему никогда не удавалось, Аладдин вздохнул и замолчал.

Кот прыгнул к нему на колени и ласково замурлыкал. Собака подошла к нему и лизнула его руку. Казалось, его четвероногие друзья пытались его утешить и Аладдин понял это.

Когда наступило утро, калиф приказал позвать визиря. Тот, зевая, явился и низко поклонился калифу.

– Что это вы так рано проснулись, мой повелитель, – спросил визирь, – и куда это вы так пристально смотрите? Простите за любопытство, мудрейший.

– Подойди к окну, – спокойно ответил калиф, – и увидишь то, на что я сейчас любуюсь.

Визирь подошёл к окну, посмотрел и ахнул.

– Возьми подзорную трубу, – сказал, усмехаясь, калиф и подал её визирю, – посмотри и поверь своим глазам.

Визирь дрожащими руками поднёс трубу к глазам и ясно увидел на полянке дворец, куда более богатый и красивый, чем дворец

калифа. Вокруг дворца появились деревья, кусты красных, белых, жёлтых и голубых роз. По саду важно расхаживали павлины, распустив веером свои радужные хвосты.

– Невероятно! – прошептал визирь.

– Но факт! – усмехнулся калиф.

– Позови Али и прикажи ему привести Аладдина.

– Я, конечно, выполню ваш приказ, мой повелитель, но...

– Что ты хочешь сказать этим «но»?

– Я хотел сказать, всё это не понятно, подозрительно, какое-то колдовство, и боюсь, добром это не кончится.

– Чего только не делает с человеком зависть! – покачал головой калиф. – Иди и передай мой приказ Али.

– Слушаю и повинуюсь, – едва сдерживая себя, ответил визирь и вышел.

Долго ждать Аладдина калифу не пришлось.

– О, великий и мудрейший калиф, – сказал, низко кланяясь калифу, вошедший Аладдин, – я выполнил твоё условие.

Калиф милостиво улыбнулся:

– Я ещё не осмотрел дворца для принцессы Будур, – сказал он, – но даже издали видно, что он достоин быть жилищем для моей дочери. Осталось второе и самое главное условие, и ты его помнишь.

– О, да! – воскликнул Аладдин. – Одно только слово самой прекрасной девушки в мире, и я или самый счастливый, или самый несчастный человек.

– Сейчас мы это узнаем, – усмехнулся калиф и велел визирю сообщить принцессе Будур, что её ждёт отец.

– Она сейчас будет здесь – сообщил калиф Аладдину, – но я хочу подвергнуть и её некоторому испытанию. Спрячься-ка ты, Аладдин, за эту ширму и выходи только по-моему приказанию.

– Слушаю и повинуюсь, – ответил Аладдин и юркнул за ширму. Через несколько минут в зал вошла принцесса Будур.

– Вы звали меня, дорогой отец? – спросила принцесса Будур.

– Да, дочь моя. Будет у нас серьёзный разговор о твоём будущем. Ты уже достигла возраста, который велит тебе по закону природы стать женой и матерью. Сыновей у меня нет. Я мечтаю, что, выйдя замуж, ты подаришь мне внука, который может стать моим наследником...

– Но, отец мой, я...

– Не перебивай никогда старших, тем более своего отца, – строго остановил её калиф.

– Я сделал всё возможное, чтобы найти тебе жениха, достойного твоей красоты и знатности. Но ты была неумолима к каждому из них. Почему ты так поступала, дочь моя?

– О, отец, дорогой мой отец! – воскликнула Будур. – Поймите меня.

– Вы тоже были молоды и знаете, что такое любовь. Поймите же, что ни один из всех женихов, которых вы мне предлагали, не зажёг в моём сердце огня любви.

– Это грустно, но я тебя понимаю. Однако у меня нет надежды, что во всём мире найдётся кто-нибудь, способный зажечь огонь в твоём слишком уж разборчивом сердце. Но я всё же делаю последнюю, учти, последнюю попытку выдать тебя замуж. Ты видела белых слонов, чёрных нубийцев, золотые блюда, драгоценные камни, которые прислал тебе человек, желающий стать твоим мужем.

– Видела, – спокойно ответила дочь калифа. – Но моего сердца они не тронули.

– Возьми подзорную трубу и посмотри в окно, – сказал калиф и подал дочери трубу.

Будур исполнила его приказание.

– Что ты видишь там, дочь моя?

– О, отец! – воскликнула восхищенная Будур. – Я вижу волшебной красоты дворец и прекрасный сад, окружающий этот дворец. Откуда это чудо?

– Это чудо сотворил для тебя человек, который мечтает стать твоим мужем. Он случайно видел тебя один раз и смертельно влюбился.

– И ты хочешь, о, мой отец, выдать меня замуж за него только потому, что он обогатил тебя сокровищами, белыми слонами и дворцом? – спросила Будур.

– Нет, моя девочка, твоё счастье мне дороже всего на свете. Я сказал ему, что если ты не питаешь к нему любви, я не стану выдавать тебя замуж за него. Разве я могу сделать несчастной свою любимую дочь?

– Спасибо, мой самый мудрый, самый добрый, самый лучший отец в мире, – сказала Будур и поцеловала ему руку.

– А теперь, – поцеловав её в лоб, – я познакомлю тебя с ним, – сказал калиф.

– Аладдин! – крикнул он. – Выходи.

Аладдин покинул ширму и предстал перед принцессой Будур.

– Это он! – восхищённо воскликнула Будур. – Это он!

– Как, – удивился калиф, – ты его знаешь?

– О, нет, но однажды, когда слуги несли меня в паланкине, я откинула чадру и выглянула на улицу. Я увидела прекрасного юношу, который смотрел на меня с таким восхищением и любовью, что зажёг в моём сердце ответный огонь.

– И он был так же богато одет, как сейчас? – спросил очень довольный ответом калиф.

– Ах, я видела только его красивое лицо, только его глаза, глаза внезапно и безумно полюбившего человека.

– Аладдин, – обратился к юноше калиф, – принцесса Будур – твоя невеста. Подойди к ней. О вашей свадьбе я позабочусь сам.

Свадьба была богатая и весёлая.

Аладдин и Будур поселились в новом дворце. Жили они счастливо и весело. Часто устраивали праздники, приглашали лучших певцов, музыкантов и танцоров, которые развлекали их гостей, знатных людей Багдада. Калиф всегда присутствовал на этих сборищах и так радовался счастью своей любимой дочери Будур, что визирь даже осмелился ему заметить:

– Не кажется ли тебе, о мудрейший калиф, что столь частое посещение дворца твоей дочери Будур несколько отражается на твоих занятиях делами государственной важности, извини, если я осмелился...

– Я прощу тебе твоё неуважение к моей персоне, – усмехнулся калиф, – но твоей зависти и недоброжелательства по отношению к моей дочери и её супругу простить не могу. Объясни мне, визирь, почему ты не радуешься вместе со мной нашему счастью?

– О, могущественный и мудрый мой повелитель! – воскликнул визирь. – Я бы от всей души радовался твоему отцовскому счастью, если бы верил, что оно не обернётся неожиданной бедой. Чует моё любящее сердце, что...

– Замолчи! – крикнул разгневанный калиф. – Иначе мне придётся расстаться с тобой.

– Молчу, молчу, – пролепетал, низко кланяясь, визирь.

Хотя Будур и Аладдин жили весело и счастливо, иногда Аладдину становилось грустно оттого, что его любимая мать отказалась перейти из своего бедного жилища в их сказочно чудесный дворец. Когда Аладдин уходил из её дома во дворец, он попросил Фатьму сшить мешочек, чтобы спрятать туда свою волшебную, медную лампу. Фатьма исполнила его просьбу. Аладдин засунул лампу в мешочек, перевязал его крепким шнурком, унёс во дворец и спрятал в шкафчик.

– Что это у тебя в этом мешочке? – однажды спросила его Будур, зачем-то заглянувшая в шкафчик.

– Да так, ерунда, – ответил Аладдин.

– Какая ерунда? Покажи! – попросила Будур.

– Ну зачем тебе смотреть, просто случайно захватил из дома...

– И что же ты случайно захватил? – настаивала любопытная Будур.

– Ну хорошо, – сдался Аладдин, – это просто старая медная лампа. Я взял её на память о своём умершем отце.

– Лампа, – протянула разочарованная Будур и тут же весело рассмеялась, вспомнив, что сегодня вечером у них будет много гостей, начнутся танцы, песни, игры. Потом она вдруг нахмурилась и спросила Аладдина, почему его мать не хочет переселится к ним во дворец.

– Она очень привыкла к своему дому. Там она была счастлива с моим отцом, там родился и вырос я... Она простая женщина и будет себя чувствовать неловко в таком богатом дворце, как наш, – объяснил ей Аладдин.

Будур надула губки.

– Может быть, ей не нравится её невестка?

– Что ты, любимая! Она боготворит тебя. Она молится за тебя, она благодарна, что ты полюбила её сына.

– Ну, хорошо, – сказала Будур, – я хотела ещё вот о чём спросить тебя. Только ты не обижайся.

– Спроси, моя любимая, спроси.

– Зачем ты взял во дворец эту дворняжку и этого простого рыжего кота? Если ты любишь собак, то у моего отца есть самые

породистые и он с удовольствием подарит тебе хорошего щенка. Я попрошу его...

– Будур, сердце моё, – перебил её Аладдин, – когда я тебе расскажу, как эти животные попали ко мне, ты сама захочешь оставить их у нас. И он рассказал ей, как спас щенка и котёнка, и как они помня это, любят его и преданы ему.

Будур растрогалась.

– Аладдин, – сказала она, – у тебя золотое сердце. Я тоже буду любить твоих четвероногих друзей.

После этого разговора прошло несколько дней. В гости к молодожёнам пришли молодые люди и стали с азартом рассказывать о своих охотничьих успехах. Они стали уговаривать Аладдина принять участие в охоте. Аладдин отнекивался, ему не хотелось расставаться с Будур даже на несколько часов.

Неожиданно Будур поддержала охотников.

– Поезжай, Аладдин, поохоться, – ласково сказала она, – какой молодой мужчина откажется от такого развлечения! Обо мне не беспокойся, я найду себе занятие.

Аладдин поблагодарил жену и на другое утро отправился с друзьями в лес на охоту за дикими кабанами.

Будур долго расхаживала по дворцу, не зная чем заняться, затем вышла на балкон и увидела, что мимо дворца медленно шёл какой-то старик и что-то выкрикивал. Когда он проходил мимо балкона, на котором она сидела, до неё долетели его слова, он выкрикивал: «Меняю золотую лампу на медную». Будур встала и прислушалась.

Старик поднял голову, улыбнулся и сказал:

– Красавица, не хочешь ли ты получить золотую лампу?

– У меня много ламп, – ответила Будур.

– Но такой у тебя нет, – возразил старик и вынул из сумки великолепную золотую лампу, украшенную драгоценными камнями.

– Какая красота! – воскликнула Будур. – Я куплю у тебя эту лампу.

– Что ты, небесная фея, я не возьму у тебя денег, с меня достаточно и той награды, что я увидел такую волшебную красоту.

– Но и я не возьму её даром, – возразила Будур.

– Если не хочешь брать её даром, найди какую-нибудь старую, медную лампу и брось её мне с балкона, и золотая лампа твоя.

– Подожди, старик, я тебе её сейчас принесу! – крикнула Будур.

Она побежала в комнату Аладдина, взяла из шкафчика лампу и только направилась к балкону, как кот бросился ей под ноги.

– Брось! – крикнула Будур, ногой отшвырнула кота и побежала дальше, но не успела она добежать до балкона, как собака с громким лаем кинулась на неё и едва не сбила с ног.

– Пошла вон! – крикнула Будур, ударила собаку и выскочила на балкон.

– Бросай! – крикнул старик.

Будур бросила лампу. Старик ловко её поймал и протянул ей золотую лампу.

«Вот обрадуется Аладдин, – подумала она, – когда вернётся и увидит, какой подарок я ему приготовила».

А старик, даже не снимая мешочка, потёр лампу, и перед ним возник огромный джинн.

– Слушаю тебя, мой повелитель, – прогремел джинн.

– Приказываю, – сказал старик, – отнеси меня и дворец со всеми, кто в нём находится, из Багдада в пустыню.

– Слушаю и повинуюсь, – ответил джинн.

Будур вдруг почувствовала, что пол под ней покачнулся, а когда она выглянула в окно, то увидела, что дворец окружён пустыней. От страха она потеряла сознание и упала на ковёр...

– Визирь! – крикнул калиф. – Не желаешь ли ты отправиться со мной в гости к Будур и Аладдину?

– С удовольствием, премудрый калиф, – ответил визирь и подошёл к окну. Выглянул и невольно вскрикнул.

– Я не смею сказать тебе о том, что я увидел в окно.

– Бредишь ты, что ли? – недовольно пробормотал калиф и тоже подошёл к окну.

– Что это? – испуганно воскликнул он. – Где дворец, где моя дочь Будур? Давай побежим, посмотрим, что это такое. – И калиф вместе с визирем выбежали из дворца. Они прибежали на место, где стоял дворец Будур. Калиф чуть не упал от изумления и страха.

– Что это такое? – беспомощно лепетал он.

– Это то, о чём я предупреждал тебя, о мудрейший, – торжественно отвечал визирь, – не говорил ли тебе твой верный слуга,

что Аладдин колдун? Но ты посчитал, что я завидую его счастью и богатству.

– Молчи, – прошептал калиф, хватаясь за сердце.

– Как скажешь, повелитель, – с деланной смиренностью ответил визирь, – ликуя в душе, что его предсказание сбылось.

В это время Аладдин, не убив ни одного зверя, возвращался домой.

Его изумлению и ужасу не было предала, когда он увидел, что на месте исчезнувшего дворца стояли убитый горем калиф со своим визирем.

– Аладдин! – закричал, увидевший его калиф, – где дворец? Где моя дочь? Кто ты, негодяй? Злой волшебник или...

– Я не знаю, о мудрейший калиф, куда исчезли дворец и моя любовь Будур, – рыдая ответил Аладдин. Клянусь, что моей вины здесь нет. Я разыщу Будур или умру с горя.

– Ты умрёшь раньше, – зловеще прервал его калиф, – даю тебе одну ночь и один день сроку. Если завтра к вечеру дворец не будет стоять на своём месте, если в нём не будет находиться здоровая и весёлая моя дочь Будур, палач отсечёт тебе голову. Пойдём, визирь. Мне противно смотреть на этого негодяя.

С этими словами калиф вместе со своим визирем удалились, а бедный Аладдин упал на землю и разрыдался. Потом он встал и тихо поплёлся к дому своей матери. Фатьма испугалась, увидев как бледен её сын.

– Дитя моё! – закричала бедная женщина, – какое горе тебя постигло?

– Ах, матушка, – кинулся к ней на грудь Аладдин и заплакал как ребёнок. Фатьма молча гладила его по голове и ни о чём не расспрашивала, ожидая, что когда он успокоится, расскажет ей всё сам. Прошло время, и он всё рассказал. Фатьме хотелось напомнить ему, как отговаривала она его отказаться от опасного увлечения Будур, как просила не пользоваться дарами волшебной лампы, но понимая, что это ещё больше ранит его, молчала. Затем, чтобы всё же что-то сказать, промолвила:

– А где же твои друзья, кот и собака? Ты им спас жизнь, а они бросили тебя в такую трудную минуту.

Фатьма ошибалась. Ни собака, ни кот не бросили своего хозяина, а перенесённые вместе с дворцом в пустыню, соображали, как бы им помочь Аладдину.

Ночью, когда злой колдун заснул, положив на ночной столик медную лампу, засунутую Аладдином в мешочек, кот на мягких лапках пробрался в его спальню, и сбросил лампу со стола. Она упала на мягкий ковёр, который приглушил звук падения. Собака взяла лампу в пасть и выпрыгнула через открытое окно на землю, кот прыгнул за ней.

– Не знаю, послушает ли джинн собаку? – сказал в раздумье пёс, – но попробуем, сделаем так, как всегда делал наш дорогой Аладдин.

И он принялся усердно тереть лапой лампу. Перед перепуганными животными появился огромный джинн.

– Собака? – удивился джинн. – Но если ты повелитель лампы, я обязан выполнить твою волю. Чего ты хочешь?

– Во-первых, выбрось из дворца злого колдуна, – сказала собака.

– Слушаю и повинуюсь, – ответил джинн.

И в эту же минуту колдун вылетел в окно, упав в озеро, и утонул.

– Во-вторых, – продолжала собака, – когда мы с котом вернёмся во дворец, перенеси его с нами и принцессой Будур на старое место, а также не забудь перенести и сад.

– Слушаю и повинуюсь, – ответил джинн.

Собака и кот вернулись во дворец, и в то же мгновение он очутился на старом месте. Будур выглянула в окно, увидела дворец отца и вскрикнула от радости:

– А где же мой Аладдин?

Прилегла на диван и от усталости, от пережитого страха, от радости, что кошмар кончился, уснула.

Аладдин не спал всю ночь. Утром он поцеловал мать и тихо вышел из дому.

«Пойду к калифу, докажу, что я не дорожу жизнью, если потерял свою любовь», – думал Аладдин.

Калиф, которому доложили, что явился Аладдин, велел послать за палачом.

– Зачем я не послушался визиря, – сетовал калиф, польстился на сокровища и потерял самое дорогое моё сокровище, свою Будур.

– Не будет ли каких-нибудь приказов, о, мудрейший калиф? – спросил, низко кланяясь, визирь.

– Ты был прав, – сурово сказал калиф, – и я сдержу своё слово. Скоро Аладдин лишится головы.

Калиф встал и медленно подошёл к окну, чтобы взглянуть на то место, где так недавно стоял дворец его дочери. Взглянул и обомлел.

– Визирь! – закричал он. – Иди сюда, смотри в окно, что ты видишь?

Визирь был так изумлён, что не мог выговорить ни одного слова. В окне дворца показалась Будур. Она улыбалась и махала отцу платком.

– Будур! Девочка моя! – закричал калиф, и на его глазах появились слёзы радости.

Вошёл слуга и доложил, что палач прибыл.

– Отошли его обратно, – приказал калиф, – и позови Аладдина.

Бледный, готовый принять казнь, вошёл Аладдин.

– Подойди сюда, – приказал калиф, – взгляни в окно.

Аладдин посмотрел в окно, замер и увидал Будур в окне дворца. Не помня себя от радости, он закричал:

– Будур! Любовь моя! Я бегу к тебе!

И выбежал из зала.

Визирь стоял как каменный, а калиф смотрел в окно и смеялся. Он видел, как обнимал Будур её муж Аладдин. И как они оба были счастливы. Когда они отошли от окна и Будур рассказала Аладдину обо всём, что случилось после того, как она обменяла старую медную лампу на золотую, вошла собака, неся в зубах медную лампу Аладдина.

Аладдин понял всё. Обнял пса и прижал его к сердцу.

– Это он спас дворец, тебя и меня, – сказал он Будур.

– Дай мне слово, что ты никогда, никому не расскажешь о том, что я тебе поведаю.

И он рассказал ей всё, о чём вы узнали из этого правдивого рассказа. Будур поклялась, что не выдаст тайны. В комнату вошёл кот и прыгнул Аладдину на колени.

– Я уверен, – сказал Аладдин, – что ты помогал собаке.

Кот замурлыкал и лизнул ему руку.

Счастливо и долго жили Аладдин и Будур. Фатьма оставила свой дом и перебралась к ним во дворец, чтобы любоваться их счастьем и нянчить их детей.

Чур, не перебивать!
или
Как Иван и Настя нашли своё счастье

Мама заглянула в детскую. Она была такая нарядная и красивая, что Маша и Ваня просто ахнули?

– Мы с папой уходим в театр, пожалуйста, дети, не шалите, слушайтесь бабушку и вовремя ложитесь спать. Обещаете?

– Обещаем! – закричали дети, а мама их поцеловала и ушла.

– Как от мамы вкусно пахнет! – вздохнула Маша.

– Это духи, – сказала бабушка, – а вы знаете, который час? Вам надо поужинать и в кроватку.

– А ты нам расскажешь сказку? – спросила Маша.

– Расскажу, – пообещала бабушка.

Когда дети поели, умылись, почистили зубы, бабушка помогла им раздеться и уложила их в кроватки.

– Только ты не уходи, бабушка, – сказал Ваня. – Ты ведь обещала нам рассказать сказку.

– Раз обещала, значит, расскажу. Только, чур, не перебивать!

– Не будем, не будем, – натягивая на себя одеяло, сказала Маша.

А Ваня спросил:

– А будут в сказке злые волшебники, джинны?

– А добрые феи, спящая красавица, семь гномов? – подхватила Маша.

– Нет, – вздохнула бабушка, – никого из них в сказке не будет.

– А кто же тогда будет? – разочарованно протянул Ваня. – Уж не Змей ли Горыныч?

– Змей Горыныч будет обязательно. Как же можно без Змея?

– А Баба Яга?

– И Баба Яга, и мудрый ворон, и лисичка с зайцем, да всех и не перечесть.

– Да что же это за сказка такая!.. – воскликнул Ваня.

– Это, Ванечка, – ласково сказала бабушка, – русская сказка. Рассказывали её на все лады. Я её слышала в деревне от своей

бабушки, когда была маленькая, как ты, Машенька. Потом сама рассказывала её своим братьям и сёстрам, потом вашей маме, когда она была маленькой, а теперь вот расскажу вам, своим внукам. Ну кое-что я в ней сама придумала, но мне кажется, что хуже она от этого не стала.

– А как называется эта сказка? – спросил Ваня.

– А называется она так: «Чур, не перебивать! или Как Иван и Настя нашли своё счастье».

Бабушка села поудобнее в мягкое кресло и начала рассказывать:

– Большой праздник был как-то раз в деревне. Крестьяне убрали невиданный урожай.

Старшие отпраздновали день урожая и разошлись по домам, а молодые парни и девушки только разгуляться успели. Гармонист играл, девушки водили хороводы да плясали. А тут из соседнего села припожаловали к ним весёлые затейники – скоморохи с рожками и дудками. Теперь-то никто на дудках и рожках не играет, а в те незапамятные времена на них играли, да ещё как весело играли! Ходили эти затейники из деревни в деревню, веселили народ своими шутками, прибаутками, плясками и песнями...

– А ты помнишь, бабушка, хоть одну прибаутку? – спросила Маша.

– Помню, а как же! А перебивать будешь, сказку сказывать не стану.

– Всё, всё, – заторопилась Маша, – больше не буду.

И бабушка продолжала...

– Вот как они начинали своё представление! Слушайте!

– А вот и мы, люди добрые! А вот и мы! Потешники, затейники, песни петь охотники, на дудках и рожках работники! Где сказку расскажем, где загадку загадаем, где шутку пошутим! А и любят же нас – весёлых людей! Бабоньки пирогами потчуют, мужички винцом угощают, старички похваливают, старушки в гости зазывают, а от парней и девушек отбоя нет! А тут недавно мы оплошали. На деревне похороны, а мы, не разобравшись, грянули плясовую! Ох, и попотчевали же нас добрые люди! Бабоньки – скалками, а мужики – палками! Старухи – тумаками, а старики – кулаками! Пареньки – калёными орешками, а девушки – щипками да насмешками!..

Парни и девушки обрадовались затейникам. Тут и началось настоящее веселье. Пела и плясала вся деревенская улица. Даже старик Степан не выдержал, вышел из избы и стал просить затейников спеть что ни на есть развесёлую песню, чтобы вспомнить свою молодость. И тогда на середину улицы выскочил самый молодой затейник и стал петь и плясать.

Жил в деревне мужичок,
Жил да поживал,
Был ни низок, ни высок,
Ни велик, ни мал.

Сложа руки не сидел,
За любое дело,
Хоть умел, хоть не умел,
Принимался смело!

А умел он щи хлебать
Деревянной ложкой,
На лежанке тёплой спать
Да ворчать на кошку!

Эй, пой, пляши
Ото всей души,
Ноги топнули —
Лапти лопнули!
Хорошо бы сапоги,
Только больно дороги!

Сапоги, вы, сапоги,
Да сапоженьки!
Непривычны только к ним
Мои ноженьки!

– Ой, бабушка! И как ты всё это пом-нишь! – воскликнула Маша и от восторга даже села на кровати.

– А ну-ка ляг! – сердито сказала бабушка. – И не перебивай!

Маша покорно легла.

– То-то же! – сказала бабушка. – Ну вот, слушайте дальше.

– Весело поёте, – сказал старик Степан. – А что это ни Настеньки, ни Ивана не видать?

– А мы их ждём, – ответили девушки. – Они ищут среди колосьев пшеницы такой колос, чтоб был о ста зёрнах. Такой колос найдёшь – счастливым будешь. А мы пока тут веселимся.

– Отчего ж не повеселиться, – сказал старик Степан. – Урожай-то ныне невиданный. На моём долгом веку второй такой случается.

А вот и Настенька с Иваном. Ну и парочка! Молодые, красивые, сильные! У Настеньки на голове венок из васильков, у Иванушки в руках серп и колосья пшеницы. Весёлые, счастливые. Иван говорит, что нашёл заветный колос о ста зёрнах. Будущей весной посеет эти зёрна в первую борозду – и опять земля подарит такой же богатый урожай.

Наплясавшись, затейники пошли в другую деревню, и никто, кроме Настеньки, не заметил, как вдруг возле Ивана появился маленький старичок. Был на нём длинный зелёный балахон, а в густой седой бороде запутались травинки.

– Гляньте-ка! – закричала Настенька. – Какой чудной гость к нам! Старичок с ноготок! Кто такой будешь, дедушка? К кому припожаловал?

А старичок посмотрел на неё и сказал:

– К тебе, моя красавица, да и к Иванушке, добру молодцу.

Настенька и Иван очень удивились, удивились и переглянулись девушки и парни. Окружили они старичка. А он и говорит:

– Добрые весточки – что быстрые ласточки. Всё мне о вас ведомо. Слушайте же меня, детки мои. Много годов я храню в заветном лесу народное сокровище – скатерть-самобранку. Пошли из-за неё в стародавние времена ссоры и драки промеж крестьян. Каждый к себе тянет, а она не для одного, а для всех. А как пролилась из-за неё кровь, ушла самобранка под мою защиту. В дубовом дупле хранил я её. А пора уже и людям её отдать. Людям справедливым и совестливым. Девице умнице-разумнице, да такой, что в дому за работу примется – всё кругом блеском блестит, пироги испечены, печь вытоплена. В поле пойдёт, бросит зерно в землю – густо пшеница взойдёт. Сердце чтоб у

неё было золотое, доброе – всегда готова ближнему помочь, последний кусок хлеба отдать голодному. Такую, чтоб ни разу её уста никому не солгали.

– Это у нас Настенька такая! – закричали подружки. – Это Настенька!

Старичок махнул на них рукой, и они замолчали.

Вот и велено мне, старичку-лесовичку, отдать скатерть эту заветную в её добрые руки, чтоб этой скатертью владела она вместе с добрым молодцом – под стать ей, умнице, красавице. Должен быть он сердцем добрый, разумом светлый, до работы охочий.

– Это наш Иванушка! – загалдели парни.

– Вот и я, старый, так разумею, – сказал старичок-лесовичок. – Берите, детушки, скатерть-самобранку. Берегите её пуще глаза. Расстилайте на большие праздники, потчуйте честной народ. А может, не возьмёте?.. Владеть ею не просто. Сердце для этого надо иметь храброе.

Старичок оглянулся и заговорил тише:

– Про скатерть-самобранку прослышал лютый враг Змей Горыныч Семиглавый. Со всех концов света собирает он в своё логово сокровища. Всем владеет. А вот скатерти-самобранки у него нет! Гложет его алчность, когтит его зависть. Сна лишился. Вынь да положь ему скатерть-самобранку. Покуда она была в дупле спрятана и заколдована, приступа к ней у Горыныча не было, а теперь – разверни он только книги свои чёрные да узнай, неровен час, что попала она в руки слабые, человечьи... быть беде! Прилетит, огнём всё спалит и скатертью овладеет!

– А я биться с ним буду, – сказал Иван и нахмурил грозно брови.

– Не заробеешь, Иванушка? Страшен Горыныч, безжалостен. Семь глав у него, из ноздрей огонь пышет. Когти острые на звериных лапах. Будешь ли, жизни своей не жалея, биться с ним?

– Буду, дедушка, – сказал Иван. – Не отдам ему скатерть-самобранку.

– Верю тебе. Не ошиблись мои старые очи. Вещун-сердце не обмануло. На скатерть, владей!

Старичок взмахнул скатертью. Она взлетела и покрыла старика. Когда Иван подхватил скатерть в руки, старичка под нею не оказалось: он исчез так же незаметно, как и появился.

– Где же старичок с ноготок? – сказала Настенька. – Кабы не дар его драгоценный, глазам бы своим не поверила.

Настенька расстелила скатерть на траве, учтиво поклонилась ей и попросила самобранку попотчевать ради праздника белыми пирогами, жареными лебедями, винами заморскими, пряниками печатными весь народ. И чудо свершилось. На скатерти, откуда ни возьмись, появились блюда с яствами, жбаны и кувшины с вином. Но только расселись парни и девушки вокруг скатерти на траву, как раздался удар грома.

– Мамоньки! – закричали девушки. – Никак гроза! Гром среди ясного неба! Небывальщина!

Второй удар грома грянул сильнее первого. Все перепугались. Уж тут не до еды, не до питья. Небо потемнело, набежали тучи, скрыли солнце.

– Ой, подруженьки, побежимте отсюда! Гром гремит, а молнии не видно! Неладное что-то, девушки! – кричали Настенькины подружки, убегая, а Настенька прижалась к Иванушке. Страшно ей стало. Дух захватило.

Раздался третий, самый страшный удар грома, и сверкнула молния. При её свете мелькнули семь голов Змея Горыныч.

– Ой, бабушка, мне страшно! – закричала Машенька. – Дай мне свою руку.

– Да ну тебя! – рассердился Ваня. – Одно слово – девчонка! На самом интересном перебила...

– Успокойся, внученька, – ласково сказала бабушка и взяла маленькую ручку девочки. – Если страшно, я рассказывать не стану.

– Нет-нет, бабушка, говори! – закричали внуки.

И бабушка продолжала:

– Разбежались и парни. Со стоном упал Иван на сыру землю, как могла, отбивалась от когтей Змея Горыныча Настенька. Затем наступила темнота, и откуда-то издали раздался затихающий крик Настеньки:

– Иванушка-а-а!..

Всю ночь пролежал Иван, оглушённый ударом молнии, а как стало светать, окружили его парни и девушки, стали будить его, тормошить. Подошёл и старик Степан. Наконец Иван медленно

открыл глаза, обвёл всех взором, припомнил всё, что случилось, и воскликнул:

– Что же это со мной? Затменье нашло? Молнией ударило?

– Не затменье на тебя нашло, – сказал мудрый старик Степан, – а Змей Горыныч прилетал. Он тебя, вишь, и приголубил... Хорошо, что жив-то ты остался.

Иван оглянулся вокруг и отчаянно закричал:

– Скатерть самобраная! Не уберег я её! Горе мне!

– Да уж только ли скатерть не уберёг-то ты? – спросил его старик Степан. – А где ж твоя невеста Настенька?

Застонал тут Иван, грянулся наземь.

Но беда никогда не приходит одна. Зарево занялось над деревней. Из всех изб выбежали люди с криками да плачем: «Беда! Беда!..»

На поле, как свечи, горели сметанные накануне стога пшеницы. Горел, погибал богатый урожай. Голодная зима ждала жителей деревни.

– Это Горыныч пожёг наши хлеба, – сказал Иван, поднимаясь с земли. – Пусть теперь не ждёт от меня пощады. Нет у меня отца-батюшки. Так благослови ты меня, старый человек. Пойду с Горынычем биться.

И Иван упал на колени перед стариком Степаном.

– Опомнись, Иванушка! – ответил старик. – Где тебе с Горынычем биться? Силы его великой не знаешь, лукавства и хитрости его не ведаешь. Биться тебе с Горынычем – всё равно что воробышку с коршуном сражаться.

Но Иван с колен не поднялся.

– Перед всем миром обещался я скатерть самобраную беречь, – сказал он старику Степану. – Настеньку не уберёг – моя голова в ответе. За хлеб сожжённый отомстить надо, Настеньку выручить, скатерть вернуть...

– Жаль мне головы твоей молодой, – вздыхал дед Степан, – одумайся. Не по себе дерево рубить собрался.

– Полно, дед, – решительно сказал Иван, поднимаясь, – не текут реки вспять. Скуёт мне кузнец Данила добрый меч, с ним и пойду. Дороги только к злодею не знаю. Вы вот что, девушки, бегите, приведите бабушку Митрофаниху. Сказывают, она более двух веков живёт, много знает. Авось поможет.

Девушки побежали за старой Митрофанихой и вскоре под руки привели древнюю старуху с трясущейся головой и почти слепыми глазами. Иван низко поклонился ей и сказал:

– Бабушка Митрофаниха, сказывают, ты два века живёшь, много знаешь. Не ведаешь ли, как мне найти путь к Змею Горынычу Семиглавому?

– И... и... внучек, – прошамкала Митрофаниха, – где мне знать? Живу в лесу, молюсь колесу. А вот была девчонкой босоногой да вихрастой, годов назад эдак с полтораста...

– Не то, бабушка, говоришь, – остановил её Иван.

– А ты не перебивай, – обиделась старуха, – молод ещё, обычаев не знаешь. О чём это, бишь, я? Запамятовала... Ах, да... вспомнила! Об ту пору и возьмись умирать моя прабабка. Перед последним вздохом подала она мне клубочек и сказала:

– Береги его, внученька. Положи на полку и почаще на него взглядывай. Придёт пора – сыщется ему хозяин. Тогда сам клубок с полки спрыгнет.

Много годков лежал он на полке, а давеча – прыг! Двери настежь, девушки прибежали, сказывают, что ты меня кличешь, Иванушка. Вот и быть тебе хозяином. Бери прабабкин клубок. Авось сослужит тебе службу верную. Кинь перед собой и скажи:

Ты катись, катись, клубок,
В путь неведом и далёк.
Другом будь в моей нужде,
Не веди меня к беде.

Низко поклонился ей Иван:

– Спасибо, бабушка. Прощайте, родимые. Отомщу Горынычу за слёзы ваши горькие, отберу у злодея скатерть самобраную, освобожу Настеньку, ну а коли не вернусь, сложу буйну голову – не поминайте лихом.

Кузнец принёс Ивану острый тяжёлый меч, и Иван принял его с большой благодарностью. А бабушка Митрофаниха повесила на шею Ивану ладанку.

– Носи её, внучек, – сказала старуха, – не снимай. В ней родная землица. Помни, пока она у тебя на груди, любая беда в полбеды обернётся. Сбережёт она тебя на чужбине.

– Прощайте, люди добрые! – сказал Иван, бросил перед собой клубок и произнёс бабкино заклятие...

Ты, катись, катись, клубок,
В путь неведом и далёк,
Другом будь в моей нужде,
Не веди меня к беде.

Клубок покатился, и Иван пошёл за ним. Парни махали ему вслед руками, девушки плакали, вытирая слёзы платками.

Долго ли, коротко ли шёл Иван дни и ночи и, наконец, очутился перед дремучим лесом. Сильно устал он, истрепал лапти, сон одолевал его. Клубок, словно понимая Ивана, остановился, и парень прилёг на траву отдохнуть.

А в это время в лесу на самой опушке лохматый леший закричал совой, заухал филином, и к нему со всех сторон сбежались лесовики. Они окружили лешего и закидали его вопросами:

– Зачем скликал нас, леший? Опять девок пугать? Парней с дороги сбивать?

– Плохие вы угадчики, – сказал леший. – Повеление нам всем от хозяина. Сын крестьянский Иван вот-вот в нашем лесу объявится. С дерзким умыслом идёт. На хозяина руку поднять осмеливается. С мечом идёт. Ведено вам, лесовикам, с дороги его сбить, ладанку украсть, а если удастся, то и погубить. В трясину толкнуть, али сосну повалить на спящего... Ладанку украсть – это лисицыно дело. Она ловчее вас будет. Скажите ей, что я велел. Все слышали? Разбегайтесь!

Лесовиков как ветром сдуло. Ушёл и леший, а спустя несколько минут на опушке появился старичок, который подарил Иванушке скатерть-самобранку. Старичок вынул рожок, сыграл на нём, и к нему сбежались цветы, грибы и длинноухий заяц.

– Здравствуйте, детки! – приветливо сказал старичок.

– Здравствуй, дедушка! – дружно ответили ему зайчик, грибы и цветы. – Зачем позвал нас?

– А позвал я вас по важному делу, мои хорошие, – ответил им старичок. – В нашем лесу появился сын крестьянский, Иванушка. Помочь ему надо. От злых лесовиков охранить, не дать плутовке-лисе ладанку с родной землёй похитить. Великое дело затеял Иванушка. На Горыныча войной пошёл. Вот и приказываю вам: помогите ему.

– Поможем, дедушка, – дружно ответили цветы, грибы и заяц.

– Тогда за дело. Он вот-вот здесь объявится. Разбегайтесь!

Цветы и грибы как ветром сдуло. Скрылся среди деревьев и старичок. А через некоторое время Иванушка добрался до опушки леса, оглянулся вокруг, а клубка-то и не видать.

– Вот дела! – подумал Иванушка. – Сколько вёрст исхожено, сколько лаптей истоптано, а клубок завёл меня в дремучий лес, да сам как сквозь землю и провалился. Ай да бабушка Митрофаниха, удружила!.. А в лесу-то темнеет – того и гляди, филин заухает. Сесть разве на пень и дождаться восхода солнышка?.. Только бы не уснуть, чтоб в беду сонному не попасться...

Сел Иван на пень, но усталость взяла своё, и задремал он. И не то снится ему, не то мерещится, что сбежались из лесу грибы и завели хоровод вокруг большого мухомора. Они кружились и пели:

Красна шапка на грибе,
Словно крыша на избе.
Этот гриб с давних пор
Носит имя мухомор.

Грибы разбежались, а на смену им пришли цветы. Они тоже старались победить дремоту Иванушки. Плясали и пели, гонялись за злой травой крапивой и дразнили её такой песней:

Густа у нас в лесу трава,
Сердита тетка-крапива.
Протянешь руку за цветком,
Она подстережёт тайком,
Гляди во все глаза.
Руки она касается
И больно так кусается,

И жалит, как оса.

Ромашки и кашки, кукушкины слёзки,
Вьюнки, васильки, молодые берёзки,
Шиповник колючий, репейник липучий,
Дурман с беленой, горицвет с первоцветом
Решили цветочным семейным советом,
Как самую сорную, злую траву,
Сердитою тёткой назвать крапиву!

Иван дивился и глазам своим не верил. Лес открывал перед ним свои тайны. Чтоб не пугать пляшущих цветов и вдоволь ими налюбоваться, он потихоньку забрался под кусты, где, как ему казалось, его никто не мог увидеть. Из лесу вышла рыжая лиса с длинным пушистым хвостом и хитрой мордочкой. Она живо разогнала цветы, деловито обнюхала вокруг себя воздух.

– Отдохну немного, а потом уж разыщу этого... как его Ивана, – сказала лиса. – Я найду его, я всех умней, всех хитрей и всех красивей в лесу. Я даже сама о себе песенку сложила.

И она потихоньку запела себе под нос:

Нет, никого не вижу я,
Кто б мог сравниться с рыжею
Красавицей лисой,
Какой бы зверь лесной!
С лихой её повадкою,
С такою шерстью гладкою
И с умницей-хвостом.
Невелика я ростиком,
Но я владею хвостиком.
Пускай им все любуются,
Не просто он красуется,
Не только в нём краса.
Мои он заметёт следы.
Пойди-ка, догадайся ты,

Куда пошла лиса?

– А кто это дышит в кустах? – спросила вдруг лиса. – И пахнет человеком... Уж не Иван ли это?

Лиса подкралась к кустам, где крепко спал утомлённый Иванушка. Цветы и грибы забеспокоились и зашептались, и лиса угрожающе на них зашипела.

Гриб боровик подбежал к Ивану и крикнул ему на ухо:

– Проснись, проснись, Иванушка!

Но лиса вмиг перекусила гриб.

– Очнись, Иван! Беда! – пискнула ромашка.

Но лиса затоптала её лапами.

– Говорят тебе, Иван, не спи! – крикнула большая шишка и, упав с ветки, больно стукнула Ивана по лбу – он и проснулся.

Встал, потянулся, осмотрелся вокруг себя. Лиса тем временем убежала. В лесу уже просветлело. Начинался новый день.

– Сон мне какой чудной приснился, – сказал сам себе Иван. – А это что? – Он пригляделся и увидел перед собой избушку на курьих ножках.

– Эй! – закричал Иван. – Есть кто в избушке, отзовись!.. Молчат. Покличу по-иному. Избушка на курьих ножках! Повернись к лесу задом, ко мне передом...

Избушка как стояла, так и стоит.

Покличу тогда так:

– Стань по-старому, как мать поставила!

Избушка медленно повернулась. Из двери вышла Баба Яга.

– Фу-фу, – заворчала она, – русским духом пахнет! А!.. Так и есть! Добрый молодец в гости припожаловал... Ах, ты, бесстыжий! Чего уставился? Кто тебе дорогу указал? Сказывай, сказывай, не то съем!

Но Иван не испугался дряхлой Бабы Яги.

– Чего ты, бабушка, грозишься? Я к тебе за добром пришёл.

– Зубы не заговаривай! – кипятилась старая Баба Яга. – Настал твой последний час.

– Да полно тебе ребячиться! – махнул Иван рукой. – Уж коли Горыныча не устрашился, перед тобой ли, Яга, дрожать? – Удивилась

Баба Яга – Горыныча, говоришь, не устрашился? Не верю...

И тут Иван рассказал Бабе Яге, как обидел его семиглавый Змей Горыныч. Скатерть-самобранку похитил, Настеньку унёс, всю деревню без хлеба оставил. Сказал, что пришёл биться с ним, да вот беда – дороги найти не может. Просил её Иван указать ему путь к злодею.

Баба Яга покачала своей лохматой головой – не поверила, что Иван сможет одолеть могучего Горыныча. Но Иван гнул своё. Тогда Баба Яга, которая сама Горыныча боялась до смерти, стала уговаривать Иванушку:

– Послушай-ка старуху-ведунью, – притворно ласково заговорила она. – Не ходи биться с Горынычем. Погибнешь. А жизнь-то человеку одна дана. Закроются твои ясны глазоньки, онемеют уста, замрёт сердце твоё храброе, а лес по-прежнему стоять будет, птицы песни распевать будут. Красные девицы придут ягоды собирать, а тебе и не услышать, и не увидеть... Одумайся, не кидайся очертя голову...

Но Иван сердито оборвал её лукавые речи:

– Нет, Яга, – твёрдо сказал он. – Что решено, того менять не стану. Коль погибну, так за правое дело сражаючись, а коль жив останусь, мир от Горыныча избавлю. Укажи дорогу. Что молчишь? Добром не укажешь – силой заставлю.

– Не стращай! – сердито крикнула Баба Яга. – Не из пугливых... Сама-то я дороги не знаю. Её только мудрый ворон ведает, да не каждому скажет.

– А как же мне к ворону добраться?

– А вот этого ты и не узнаешь. Сама не ведаю.

– Не верю я тебе, – сказал Иван и вытащил саблю из ножен. – Не скажешь – голову отрублю. А обманешь – из-под земли достану, на дне моря сыщу. Говори, пока я не раздумал. Считаю до трёх.

– Раз!

– Что ты, что ты... – засуетилась Баба Яга, – годы мои старые...

– Два! – гаркнул Иван и взмахнул саблей.

– И куда ты на погибель себе торопишься? Чего на рожон-то лезешь?

– Ну, всё! – взревел грозно Иван. – Прощайся, старая, со своей чёрной жизнью...

– Стой, стой, не спеши! – испуганно заторопилась Яга. – Сам под собой сук рубишь!.. Иди, коли жизнь надоела. Вот, бери моего ужика, он доведёт тебя до мудрого ворона. Погоди-ка, дам уж я тебе ещё подарочек... Разрыв-траву.

С этими словами Баба Яга ушла в избу, а ужик подполз к Ивану и тихо прошипел ему:

– Не верь ей, Иванушка, не разрыв-траву даст она тебе, а зелье смертельное. А разрыв-трава под этим вот кустом спрятана. Бери, пока Баба Яга не вернулась. Сгодится.

Иван взял разрыв-траву и спрятал её за пазуху, а ужика горячо поблагодарил. Баба Яга вышла из избы и протянула Ивану пучок высушенной травы. Иван взял её и незаметно швырнул наземь. А Бабе Яге сказал, что положил за пазуху.

– Хорошо сделал, – обрадовалась Яга. – Пригодится она тебе. Коли схватят тебя слуги Горыныча, да запрут в подземелье на замки стопудовые, только тронь их разрыв-травой – падут они к ногам твоим. Запомни и слова заветные:

Вы, замки мои стопудовые,
На дверях моих оковы тяжёлые.
Вы словам моим покоритесь,
Шире, двери, предо мною растворитесь;
Распахнитесь, растворитесь,
меднокованные,
Я разрыв-травой вас тронул
заколдованной...

– Прощай, Яга, – сурово сказал Иван, – век твоей службы не забуду. Пошли, ужик, в добрый час!

Ужик быстро пополз по траве. Иван пошёл следом за ним. А Баба Яга злобно прошипела вслед:

– Проваливай, проваливай, лиходей! Чтоб тебе ни пути, ни дороги! Чтоб тебя леший в трясину столкнул. Никогда никого не робела, а перед ним так вся и затряслась... Ну да чего ж это мне раньше времени печалиться!.. Не вернётся, укротит его моя травушка...

Долго ли, коротко ли шёл Иван за ужиком, и очутились они оба, наконец, в лесу ещё более густом и дремучем, чем тот, из которого пришли. Уж свернулся клубочком, а Иван осмотрелся и видит, что под большим дубом сидит старый ворон. Перед ним – сорока и кукушка, а рядом на траве – лиса и заяц. Иван только собрался спросить мудрого ворона, как громко затрещала сорока.

– Уж я, батюшка, мудрый ворон, к твоей милости! Не стало больше моченьки терпеть от разбойницы-кукушки. Я, бедная, нанесла яиц, деток хотела вывести, а она, чтоб ей...

– Короче! – каркнул мудрый ворон. – Нет у меня досуга трескотню слушать. Что ты сделала, кукушка, с сорочьими яйцами?

– Ку-ку! – сказала кукушка.

– А дальше? – настаивал ворон.

– Ку-ку! – чуть тише прокуковала кукушка.

– И что же дальше? – грозно спросил ворон.

– Расклевала я их, – робко призналась кукушка. – Больно мне сорока своей болтовнёй надоела. Уж чего только она про меня не болтала по лесу. Дурную славу пустила. Пролёту нигде не было. Вот я и отомстила. Прости, мудрый ворон, досадить ей хотела.

– Не досаду ты ей причинила, – сказал мудрый ворон, – а горе горькое. Мать птенцов лишила. Велик твой грех, тяжела вина – и кара будет тяжкой. Не будешь ты, кукушка, с этой поры знать материнское счастье. И гнёзда вить разучишься. Яйца свои в чужие гнёзда класть будешь. А ты, сорока, за свой язык неугомонный тоже наказана будешь. Десять дней пикнуть не смей! Дай отдых лесным жителям. Летите обе!

Сорока и кукушка улетели. Иван подсел поближе к ворону, на поваленное дерево, а ворон спросил:

– Чего тебе, Иванушка? Ко мне ли пожаловал?

– К тебе, мудрый ворон, – ответил Иван.

– Тогда стань в свой черёд за лисой и зайцем. Ну, сказывайте, заяц да лиса, кто кого обидел?

– Рассуди нас, мудрый ворон! – воскликнула лиса.

– Меня вперед выслушай, – попросил заяц.

– Сказывай, заяц, – приказал ворон, – а ты, кума, погоди. У меня обычай – вперёд обиженных выслушать, а потом уж и обидчика.

– Помилуй, ворон-батюшка, – заюлила лиса, – какая же я обидчица? На меня, беззащитную, поклёп возвели, злую напраслину, да я...

– Замолчи! – строго прервал её мудрый ворон. – Всё-то тебя, бедную, обижают... Сказывай, зайка.

Заяц тяжело вздохнул, утер лапкой слёзы и начал свой грустный рассказ:

– Пришла, как зайчат моих увидела, пошла петь-заливаться. И такие, мол, ваши детки, и сякие. Всем хороши, только больно дикие, ничего не умеют. Пришлите, мол, ко мне. Я их всем лесным наукам обучу. Мы и поверили ей. А детки наши к ней пошли – и не вернулись. Сердцем чую – съела она их.

– Вот, видали?! – возмутилась лиса. – Вот каково в нашем лесу добро делать! Я же лиходейкой и оказалась!.. Каково?

– А куда же делись зайчата? – спросил мудрый ворон.

– Да я их видом не видывала, слыхом не слыхивала, – оправдывалась лиса. – Шли – да не дошли, видно.

– Да, заяц, – сказал мудрый ворон. – Ты виноват.

– Ага! – торжествовала лиса. – Слыхал, косой? Недаром тебя мудрым кличут, батюшка-ворон. Что, зайчишка-доносчик, выкусил?

– Помилуй, мудрый ворон, – заплакал заяц, – моя-то вина в чём?

– А в том, – пояснил ворон, – что раскормил ты своих зайчат. Больно жирные стали, – сказал ворон, – вот лисонька и соблазнилась.

– Жирные! Ха-ха-ха! – засмеялась ли-са. – Куда там жирные? Почитай, одни косточки! И есть-то почти нечего было – так голодная и осталась!

Спохватилась лиса, да уж поздно.

– Вот и выдала себя, – сурово сказал мудрый ворон. – Все на тебя жалуются, рыжая. Чтоб духу твоего теперь в нашем лесу не было. Ослушаешься – пеняй на себя. А ты, лопоухий, умней в другой раз будь. Ступайте оба!

Заяц и лиса так и прыснули в разные стороны, а Иван подошёл к ворону поближе.

– Прежде чем расспросить тебя, Иван, куда путь держишь и зачем ко мне пожаловал, загадаю я тебе три загадки. Коли разгадаешь – побеседуем, помогу, чем смогу, а коли не разгадаешь, не прогневайся, ступай откуда пришёл.

– Загадывай, – ответил Иван.

– Вот первая. Заря-заряница, красная девица, по полю гуляла, ключи потеряла. Месяц видел, а солнце скрыло.

Иван помолчал, подумал немного и ответил:

– Так это... роса, батюшка-ворон.

– Смотри-ка, – удивился ворон, – правильно говоришь. Слушай тогда вторую. Белые люди рубят, а красный человек возит.

– Сейчас... Погоди, – пробормотал Иван, – красный человек возит...

– Не отгадаешь? – спросил ворон.

– Скор ты больно... Погоди... Ага! Да ведь это зубы... Зубы да язык! – ответил Иван.

– И это верно, – сказал ворон. – Слушай-ка третью. Летит птица-говорок через широкий дворок. Сама себе говорит, без огня село горит...

– По-моему, – сказал Иван, – так это солнышко всходит, потому и без огня село горит, а как уж по-твоему, мне неведомо.

– Разгадал, – сказал ворон. – Ну теперь поближе садись – сказывай, зачем пришёл?

Иван низко поклонился ворону и сказал:

– За великой твоей милостью. Укажи дорогу к логову Горыныча. Биться с ним хочу.

Ворон удивился, принялся было отговаривать Ивана, сказал, что парню с Горынычем биться – всё равно что воробышку на ястреба напасть.

– Силы Горыныча не знаешь, – вразумлял ворон Ивана. – Оттого и отважен. Войска у него видимо-невидимо. Сорок королевств стоном от него стонут. Дань с них берёт великую, а они отбиться не могут! Силён змей и лукав, обведёт он тебя вокруг пальца, силой возьмёт, хитростью одолеет!..

– Да ведь и я не прост, – сопротивлялся Иванушка, – не котёл на плечах – голова!

– Голова-то голова, – согласился ворон, – да она у тебя одна, а у Змея Горыныча – семь голов-то! Чародей он: оборачиваться, кем захочет умеет. Раздумай, Иванушка, не по силам тебе это.

– Не раздумаю, – твёрдо сказал Иван. – Нерушимо слово моё. Сделай милость, укажи дорогу.

– Ну что ж, – вздохнул ворон, – видно, тебя не переломить. Крепко изобидел Горыныч добра молодца. Придётся помочь тебе. Вот возьми два моих перышка. Пустишь одно по ветру – да и в путь за ним! Доведёт тебя оно до ворот дворца Горыныча. Другое пустишь – как домой воротиться задумаешь. Знай – путями немереными, вёрстами несчитанными придётся тебе идти. Через леса дремучие, через горы высокие, через поля широкие, через болота топкие, нехожеными тропками. И это ещё не всё. Через сорок королевств пойдёшь – берегись, лишнего про Горыныча не говори никому. Донесут ему – и погиб. Зря удалью не хвастай. И вот последний совет. Как станешь в лесу отдыхать, начнёт тебе кот Баюн сказки сказывать. А ты не слушай. Либо уши поплотней завяжи, либо беги без оглядки. А то ведь заснёшь и никогда не проснёшься. Ну а теперь ступай!

Низко поклонился Иван мудрому ворону, поблагодарил его за помощь и советы – и отправился в свой долгий путь. Пошёл за пёрышком, что само собой полетело выше его головы. Чтоб идти было веселей, он пел песню, которую тут же сам и сложил:

Предо мною сто дорог,
Ты веди меня, перо
С чёрною бородкою,
Самою короткою!..
Влево, или вправо ли,
К змею семиглавому,
К змею семиглавому,
Злому и лукавому!..
Под его жестокой властью
Плачет там в неволе Настя,
Плачет Настя, а ведь в Насте
Всё Иванушкино счастье.

Много дней и ночей идёт Иван. Ноги уже передвигает с трудом. Забрёл в дремучий сумрачный лес. Оставляют силы могучего парня. Надо бы отдохнуть. Ещё шаг – и свалится он в густую траву. Делает Иван этот последний шаг и падает.

– Ничего, – успокаивает он сам себя, – вот немножко отдохну и дальше путь держать буду. Вот и пёрышко моё остановилось, не летит дальше. Пожалело меня, молодца.

Смотрит Иван на небо, а его за высокими вершинами деревьев почти и не видать. Только мерцает что-то в вышине. Каких-то два зелёных огонька. Иван всматривается и видит, что не огоньки это, а зелёные глаза огромного кота, который сидит на толстой ветке могучего дуба. Вспомнил Иван о том, что говорил ему мудрый ворон о коте Баюне. Встать бы надо и уйти, но ни ноги, ни руки не слушаются. А кот Баюн тихим, вкрадчивым голосом начинает свою сказку сказывать:

– В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь Салтан, и была у него дочь-красавица. Все царство обойди – краше не найдёшь. Глаза словно звёзды, уста сахарные, коса шелковая до пояса...

– А у Настеньки-то коса – ниже поя-са!.. – шепчет Иван сонным голосом.

Борется он со сном что есть силы, а сон его одолевает. Беда, да и только.

– Лицо у царевны белое, – рассказывает кот Баюн, – походка плавная – не то лебедь плывёт, не то царевна идёт. Скажет слово – сердцу радостно, засмеётся – словно жемчуг на блюдо кто просыпал...

– А всё не лучше твоя царевна моей Настеньки!.. – рассердился Иван и потёр закрывающиеся очи свои ясные.

– А что нарядов у царевны сто ден считай, не сочтешь. Со счету собьёшься – начинай сызнова... – продолжает кот убаюкивать Ивана.

Иван попытался было встать, да ноги подкашиваются, глаза закрываются, сон так и наваливается. Зарылся он в траве – и перестал сопротивляться.

Только Иван заснул – из зарослей выскочил заяц и подбежал к нему.

– Не спи, Иван, не спи! Слышишь, просыпайся! – запищал заяц на ухо спящему, лапкой потеребил его за уши, но всё было напрасно. Спал Иван – ничего не слышал. Выбежали грибы и цветы. Колокольчики звенели Ивану на ухо, заяц в отчаянии барабанил лапками по могучей груди Ивановой, но всё понапрасну. Спал Иван непробудным сном.

А кот Баюн, сидя на ветке, всё мурлыкал.

– Зря стараетесь, – мяукнул он наконец, – кого кот Баюн усыпил, тому уж никогда не проснуться.

Тут из лесу вышел слуга Горыныча в латах и шлеме, снял с Ивана ладанку, взмахнул кинжалом и всадил его по рукоять в грудь Ивана. Коротко вскрикнул Иван – и смолк. Вдруг откуда ни возьмись заяц кинулся на убийцу – тот от неожиданности ладанку выронил, а заяц подхватил её – и в кусты. Горынычев слуга поискал, поискал ладанку да не нашёл. Плюнул, да и побежал докладывать хозяину, что приказ выполнил.

Заплакали грибы и цветы, застонал зайчик. Появился старичок-лесовичок. Увидел кинжал в груди у Ивана и горестно всплеснул руками.

– Не досмотрели! Не уберегли!.. А ты, заяц, чего время теряешь? Беги к мудрому ворону, расскажи о беде. И чтоб мигом! Ждём, мол.

Заяц пустился стремглав, а чуть погодя прилетел мудрый ворон, и опустился возле Иванушки.

– Ах, Иван, Иван, – закручинился мудрый ворон, – побледнели щёки твои румяные, закрылись огневые очи твои. Остановилось сердце твоё отважное. Течёт из глубокой раны алая кровь. Сказывал тебе ворон правдивые слова. Не послушался. Но умереть такому молодцу не дадим. Сбрызнем-ка рану твою кровавую мёртвой водой!

Ворон клювом осторожно вытащил кинжал из груди Ивана и сбрызнул его рану мёртвой водой. Рана тут же затянулась.

– А теперь польем её живой водой, – добавил ворон и облил рану водой из другого пузырька.

Старичок подошёл поближе к Ивану и сказал:

– Рана пусть затянется,
На груди у молодца,
Лишь рубец останется,
Долго будет помниться.

А ворон прокаркал:

– Сгинь-ка, развейся, Злодейка-беда,
На мёртвого лейся живая вода!

Иван открыл глаза, встал и потянулся. Потом улыбнулся и низёхонько поклонился старичку-лесовичку и мудрому ворону.

– Ох, и долго же я спал! – сказал Иван. – Пора теперь и за дело приниматься. Чай, совсем заждался меня Горыныч!

Ворон и старичок-лесовичок ничего не сказали Ивану про то, что не спал он, а мёртв был, а заяц принёс ему ладанку с родной землёй.

– Возьми-ка, – сказал заяц, – уронил ты её во время сна, а я сберёг для тебя.

Иван поклонился и зайцу, а потом повернулся, помахал рукой старичку и ворону, вещее пёрышко взлетело, замаячило перед Иваном, и он пошёл за ним.

– Берегись теперь, Горыныч, – проговорил ворон, глядя вслед Иванушке. – Великая сила на тебя поднялась. Крестьянский сын войной пошёл. Не на жизнь, а на смерть биться будет.

А в царстве Горыныча – переполох. Бегают, шепчутся слуги Горыныча. А Змей – словно белены объелся. Рвёт и мечет, аж подступиться страшно. Увидел он в волшебном зеркале, что Иван жив-здоров – разбушевался. На свою полоняночку, крестьянскую девушку Настю, гневается. Он к ней и так и эдак, а она и глядеть на него не хочет. Дары перед ней разложил, богатства бесценные – а она таково гневно глянула, бровки сдвинула, молнию из очей метнула. Ножкой как топнет – так и раскатились по полу жемчуга индийские да лалы персидские. Ох, и освирепел Горыныч!.. Лютует – страсть. Непокладиста крестьянская дочь Настенька, дерзка, непокорна.

Старый слуга шепчет на ухо молодому:

– Слышь, похлестал её плёткой шелковой. До крови похлестал, злодей! Что ни свистнет плётка семихвостая – семь ручейков алой крови по белу телу хлынут. А полонянка молчит, да и только.

– Пять ден есть не велел ей давать, – вздыхает молодой слуга, – всё ждал, что сама попросит. Так и не дождался. Гордая девушка. Бежать сколько раз принималась, да разве отсюда убежишь?

Прискакал запыхавшийся гонец. Рассказал горынычевым слугам, что дела-то у хозяина плохи. Везёт он грамоту из королевства

Высоких Гор. Поднялись там люди. Сказывают, прошёл по их земле крестьянский сын Иван и смутил всех речами дерзкими. Я-де один на Горыныча двинулся, а вы что же всем миром-то медлите? Везёт гонец Горынычу нерадостную грамоту. Наместник Горыныча изловить Ивана велел, шапку золота за его голову сулил, ан не польстился никто. А как напали на Ивана воины – всех пораскидал, как малых ребят, и ушёл. Вот об этом обо всём и отписал наместник Горынычу. А там потянулись за первым гонцом другие. Из королевства Синих Рек, из королевства Зелёных Лугов, из королевства Рыбных Озёр... Да все сорок королевств и не перечтёшь. И у всех гонцов грамоты. А в грамотах тех – вести дурные: прошёл, мол, по земле Иван, крестьянский сын, и всех на Горыныча поднял. Злится, лютует Горыныч, первого гонца едва жизни не лишил. Сам себя утешает: «Со всеми расправлюсь. Сила у меня великая!»

А что же Настенька? Жива ли, голубушка? Жива. Сидит Настенька в богатой палате. На узких высоких окнах – узорчатые занавески. На столиках – блюда золотые и серебряные, а на блюдах тех – плоды заморские, сласти. Ешь – не хочу. Девушки в диковинных нарядах пляшут и поют перед нею, стараются развеселить Настеньку, да не смотрит она на них. Вот подсела к ней одна – черноглазая, с длинными косами, увитыми жемчугом, и ласково так говорит: «Что пригорюнилась, госпожа моя ненаглядная? Хочешь спою тебе о своей родине, где с утра до ночи поют пёстрые птицы, на деревьях растут хлебные плоды и никогда не бывает снега?»

– Пой, если тебе хочется, – отвечает Настенька, – а сердца моего всё равно не развеселишь.

– А вдруг? – спорит невольница, берет лютню, играет на ней и поет:

Красавица синеокая, сыграю тебе и спою.
Про родину далёкую, страну дорогую мою.
О, небо над родиной милой, о небо!
Синее твоих сапфировых глаз.
Нет, тот не поймёт, кто ни разу там не был,
Нет, тот не забудет, кто был там хоть раз.
А море, а тёплое синее море,
А ропот волны от зари до зари.

Упало ль на сердце тяжёлое горе,
Неси его к морю и в нём раствори...
Голубка моя печальная, сыграю тебе и спою,
Забудь свою родину дальнюю,
полюби голубую мою.
К нам ласково солнце, тепло там и нега,
Пьянящие запахи ярких цветов.
Нам холод не ведом, не знаем мы снега,
Тела там не студит нам дыханье ветров.
Поём и резвимся, счастливые дети,
Срываем цветы на своём мы пути.
Поверь мне, чудесней страны на всём свете,
Чем эта, под солнцем тебе не найти.
Красавица синеокая, доверься своей судьбе.
Судьба твоя не такая жестокая,
как кажется тебе.

Настенька встала:

– Не жестокая, говоришь? Да что может быть судьбы моей страшней? Ты, родину потеряв, можешь петь да плясать в рабстве, на чужбине. А по мне – смерть такой доли краше! Может, и вправду хороша твоя родина, да не любишь ты её. Кто свою землю любит, тот такой доле не покорится.

– И ты покоришься, – со вздохом сказала невольница. – Нрава моего не знаешь. Давно ль ты здесь?

– Десять вёсен, десять зим.

– Много ли раз бежала?

– И не пыталась. Разве отсюда убежишь?

– А я бежала, – сказала Настенька, – десять раз бежала. Десять раз ловили, и всё равно бежать буду, пока не убегу. Вот ты пела, что чудеснее твоей родины ничего на свете нет. Неправда это, есть. И эту землю я знаю. Вот послушай, что я тебе спою.

Выйду в поле чистое,
А на сердце весело,
Льётся голосистая

Жаворонка песенка.

По пшенице волнами
Ветерок качается.
Зёрнышками полными
Колос наливается.

Небо моё синее
С алою полоскою,
Обниму осину я,
Обниму берёзку я.

А в лесу прохладою
Сердце тешу, радую,
Говорю с речушкою,
Милою подружкою,

Песнь запела, радуясь,
Кто-то откликается,
Вышли в лес по ягоды
Девицы-красавицы.

Ах, малина алая,
Чёрная смородина!
Сердце стосковалося, —
Далека ты, родина...

Настенька замолчала, а в палату вошёл слуга Змея Горыныча. Он низко поклонился Настеньке и сказал ей, что Горыныч велел ей переодеться. Сам, дескать, скоро в гости к ней припожалует. Слуга принёс ей большой ларь и стал вынимать из него богатые одеяния для Настеньки. Но она ногой отпихнула дары Горыныча и гневно закричала:

– Прочь! Ничего не надену! – с досады она даже сорвала с головы кокошник и по-старушечьи повязала голову чёрным платком.

Горыныч явился к Настеньке в образе красивого молодца в богатом наряде. Он низко поклонился ей и поздоровался.

– Здравствуй, злодей! – с сердцем ответила девушка и отвернулась от него.

– Неужто признала?! – удивился Горыныч. – За что же ты так ненавидишь меня? Разве я тебя обижаю? Разве не дарю бесценные подарки? Взгляни-ка на меня. Неужто я не красив? Чем же я хуже нищего твоего Ивана?

– Это Иванушка-то нищий? – возмутилась Настенька. – С его руками золотыми, с его добрым сердцем и светлым разумом?! Нищий – это ты. Всё, что у тебя есть, все богатства твои – всё это награбленное, кровью и слезами омытое!

– Какое бы ни было, а всё равно богатство! А что тебя ждёт впереди с твоим Иваном? Тяжкий крестьянский труд? Состаришься раньше времени, померкнет твоя краса, поседеют густые твои косы... а у меня ты долго будешь цвести, как весенняя роза. Послушай меня...

– Не желаю тебя слушать, злодея и убийцу! – вскричала Настенька. – Не трать слов понапрасну: всегда ненавидеть буду и смерти твоей желать.

Рассердился Горыныч не на шутку. Назвал Настю дерзкой, сказал, что в гневе он страшен бывает. Пригрозил лютой смертью её умертвить, если не одумается.

– Умертви! – бесстрашно ответила Настенька. – Лучше умереть, чем рожу твою поганую видеть.

Горыныч выхватил из ножен острый меч, замахнулся было, чтобы отрубить Настеньке голову, но тут вбежал гонец, упал перед Горынычем на колени и завопил о том, что в королевстве Синих Озёр объявился крестьянский сын Иван и поднял весь народ на Горыныча. Беда близка.

– Опять?! – зарычал Горыныч. – Пятнадцатый гонец за день! Или не велел я слугам своим верным, воинам своим храбрым поймать и привести ко мне этого Ивана?!

Заплакал гонец, стал сказывать, что больно грозен Иван. Супротив него ни один воин не выстаивает. Сила у него нечеловеческая. Горыныч ногой оттолкнул гонца. Велел сжечь королевство Синих Озёр вместе со всеми стариками, детьми,

женщинами, а мужчин всех захватить и поставить на охрану его дворца.

Едва гонец на коленях выполз из палаты, как раздался великий шум, звон сабель, крики и стоны... Горыныч бросился к окну и увидел, что бьётся Иван с его воинами.

Иван, один-одинёшенек, отчаянно бился с тьмой-тьмущей горынычевых воинов. Вот-вот – и одолеют они богатыря.

«И это должна видеть Настя!» – решил Горыныч и потащил Настю к окну:

– Гляди, гордячка, на своего милого, – закричал Горыныч злобно, – пусть натешится мечом играючи. Эй, воины мои верные, – высунулся он из окна, – не убейте ненароком Ивана, живьём его схватите, руки, ноги железом скуйте!

– Иванушка! – закричала Настя. – Держись, сокол!

– Ладанку, ладанку с него сорвите! – рычал Горыныч, оттаскивая Настю от окна.

– Иванушка, – стонала Настенька, – сорвали твою ладанку с родимой землей, руки-ноги цепями сковали... Слышишь ли ты меня, Иванушка?

И до Настеньки донёсся далёкий голос Ивана:

– Слышу, Настенька, жди меня!

– Бросьте Ивана в темницу и заприте двери на замки стопудовые! А ладанку мне подать! Никому её не доверю. Под своей подушкой хранить стану. А ты погорюй, красавица. Я уйду, а ты поразмысли-ка о своей судьбе как следует. Помни, жизнь Ивана от одного твоего слова зависит.

С этими словами Горыныч ушёл, а Настенька, рыдая, упала на пол, плакала да приговаривала:

– Горе моё горькое жжёт меня огнём, льются слёзы ручьём, слёзы горючие. Как бы мне Иванушку выручить, от злой казни спасти...

И тут что-то пискнуло. Это из норки вылезла серая мышка и спросила:

– Кто это капнул в мою норку такую горькую капельку?

– Это я плачу, сударыня мышка, – всхлипывая, ответила Настя. – Слеза моя горькая в норку твою просочилась.

– Что же ты так убиваешься, девица? – стала расспрашивать мышка. – Зачем сердечко своё надрываешь?

– Бедная я полоняночка, потому и плачу.

Тут мышка подбежала поближе к Настеньке и спросила, не помочь ли ей чем.

– Где тебе, мышка-малютка, моему великому горю помочь!.. – вздохнула Настенька. – Спасибо тебе на добром слове.

Но мышка стала спорить с Настей и доказывать, что она хоть и маленькая, да её большие люди боятся.

– Да, ты права, – согласилась Настенька, – и если бы захотела, то могла бы сослужить мне службу великую. Слушай. Лежит под подушкой у Горыныча ладанка. Вот бы ты её выкрала и отнесла в темницу моему Иванушке!..

– Только и всего? – усмехнулась мышка. – Для тебя я постараюсь. Приветлива ты, с малой зверюшкой горем своим поделилась. Жди меня на рассвете.

Всю ночь без сна металась Настенька, а как стало рассветать, прибежала к ней мышка. Рассказала, как вытащила ладанку из-под подушки у Змея Горыныча, как только ей известными путями пробралась в темницу к Ивану и отдала ладанку ему.

– Зверёк ты махонький, – со слезами благодарила мышку Настенька, – а сердце у тебя великое. Чем отслужу тебе, как отблагодарю?

И мышка ей ответила, что пусть, когда Настенька вернётся на родину, заживёт своим домом с милым дружком Иванушкой, пусть никогда в доме кошек не держит!

Настенька пообещала это мышке, и та убежала в свою норку.

А когда совсем рассвело, вошёл к Настеньке Горыныч. Был на нём плащ, усеянный серебряными звёздами, и остроконечная шапка. За ним шли слуги и несли скатерть-самобранку.

– Слушай, Настасья, – сурово сказал Горыныч, – жизнь Ивана от тебя зависит. Скажешь слово неладное – и покатится голова с плеч твоего Ивана. Слушай же! Много лет мечтал я владеть скатертью самобраной. Только её не хватало в моей сокровищнице. Теперь она моя. Но не слушает самобраная моих приказов. Что тут будешь делать? Плёткой её не высечешь, в темницу не упрячешь, в железо не закуешь. Знаю, что владеть ею надо вместе с девицей умницей-разумницей. Твоих приказов она послушается. Завтра к нашей свадьбе всё будет готово. Стол накроем скатертью самобраной. И ты ей

прикажешь. Ну а если согласия не дашь, тогда... Помни, грозен я и беспощаден! Не посмотрю на красоту твою писаную. Выведу из темницы твоего Ивана, пусть полюбуется, как хватают его Настеньку за шелковы косы, как отсекают голову от шейки лебединой. Погорюет молодец да недолго. Следом и его голова слетит. Так и быть, окажу им милость – вместе заверну в скатерть самобраную да в одной могиле и схороню! В последний раз...

Но вбежавшие слуги не дали Горынычу договорить. Вскипел он:

– Как посмели вбежать?! Всех велю казнить!

– Не вели казнить! Иван сбежал... Цепи, словно нитки гнилые, порвал, замки стопудовые отомкнул!

Радостно вскрикнула Настенька.

– В погоню! – зарычал Горыныч и кинулся из палаты, а слуги – за ним.

Только их след простыл, как в окно влезает Иванушка. Настенька радостно кинулась к нему. На ходу она подхватила скатерть и заторопила Ивана:

– Бежим! Бежим скорей, Иванушка! Как же это ты выбрался, голубь мой?

Иван обнял её и сказал, что мышка принесла ему ладанку. Коснулся он родной земли, силой налились руки его богатырские, вспомнил он тут и про разрыв-траву, тронул ею цепи свои – и замки стопудовые пали к ногам...

Настенька заторопила Ивана:

– Надо бежать, как бы злодей не вернулся!..

Но Иван и не собирался бежать:

– Биться со злодеем Горынычем надо! Столько дорог исходил, чего только не натерпелся, пока не нашёл его, а теперь бежать? Нет уж. Биться с ним! Пока жив Горыныч, и зло живо будет. Опять люди сорока королевств от него наплачутся. Не позабыла ли ты, Настенька, про хлеб, сожжённый в своей родной деревне? Не забыла ли обиды свои?

Раздался гром, сверкнули молнии – в палату ворвался Змей о семи огнедышащих головах. Иван вытащил свой меч и, размахивая им, заставил Змея попятиться.

– Спалю тебя, ненавистный, испепелю, – шипел Змей, обдавая Ивана огнём из всех семи голов разом.

– Земля родная сохранит, – отвечал Иван, размахивая мечом, и, изловчившись, отрубил Горынычу одну голову!

Покатилась голова к ногам Настеньки.

– Рано радуешься, – шипел Горыныч, – ещё шесть осталось!

– Плохо считаешь, – закричал Иван и отрубил ещё голову.

– И с пятью головами управлюсь погубить тебя!..

– С пятью бы, может, и погубил, а вот с четырьмя-то, того гляди, не управишься, – перебил его Иванушка, отрубив ещё одну голову, – а воины твои рады будут твоей погибели: всем ты ненавистен.

И опять срубил голову.

– У меня три, а у тебя одна-единственная, – голосил Горыныч и, собирая последние силы, пустил из трёх голов сильную струю огня. Но Иван прикрыл рукавом глаза, взмахнул мечом и сразу две головы слетели у Горыныча наземь.

– Вот и сравнялись! – выдохнул Иван. – Прими же казнь от сына крестьянского Ивана за все твои чёрные дела, за хлеб наш сожжённый, за скатерть самобраную, за всех казнённых и замученных, за слёзы Настеньки. Кончилось твоё царство!

– Пощади!.. – захрипел Горыныч. – ...Всё тебе отдам... Оставь последнюю голову... Жить хочу!..

– Не слушай его, Иванушка!.. Руби последнюю! – приказала Настя.

Иван взмахнул мечом – и не стало больше в этом мире Змея Горыныча.

– Ну вот и сквитались, – сказал Иван. – А теперь, Настенька, бери скатерть – и в дорогу, домой... Долог наш путь.

– Как дорогу к дому отыщем? – спросила Настенька. Всё дороги мне теперь ведомы – и в лесу, и в поле. Да и в городах немало друзей нажил. Доберёмся, чай. Есть у меня к тому же поводырь: перо мудрого ворона приведёт нас домой.

И Настенька с Иваном покинули мрачный дворец Горыныча. А в родной деревне Настеньку с Иванушкой уж и не ждали. Никто не сомневался, что Горыныч их погубил. Скучно без них стало. Песни не ладились, пляски не получались, хороводы не водились. И вдруг откуда ни возьмись набежали весёлые песельники да затейники.

– Эй, девицы, что не веселы? Парни, что носы повесили? – спрашивали они у хмурых парней и невесёлых девушек.

– Какое веселье, когда наша Настенька пропала, – говорили девушки.

– Чему радоваться, когда наш Иванушка сгинул, – отвечали парни, – без них и песни не поются, и гармошки не играют, и пляски не пляшутся.

– Не надо горевать да заботиться, ваша Настенька с Иванушкой воротятся, – пропел песельник, а другой заиграл на гармошке и допел:

– Ваш Иванушка воротится со славою, победил он Змея семиглавого.

И тут под весёлую музыку гармошек и дудок вбежали в родную деревню Настенька и Иван.

В руках у Настеньки была скатерть-самобранка. Что тут было радости! Целований и обниманий!.. Насилу Иванушка и Настенька вырвались из объятий своих друзей. Выбежали из изб все жители деревни, пришёл и старик Степан, и кузнец, и даже бабушку Митрофаниху под руки привели девушки. Иванушка низко поклонился своим землякам и сказал:

– Здравствуйте, мои родные! Нет у нас с Настенькой ни матушки, ни батюшки. Сироты мы. Вы все нас вскормили-вспоили, добру и труду научили. Все вы для нас отцы и матери, бабушки и дедушки, братья и сёстры. И низкий вам поклон да любовь наша. А ещё поклон нашим полям и лесам, нашей родной земле, нашей деревне. Только на чужбине поймёшь вдруг, как все это сердцу дорого. Как со Змеем бился, чего только не перевидал – расскажу долгими зимними вечерами, а сейчас и вспоминать неохота, праздник наш светлый омрачать. Шли мы домой через пески сыпучие, через болота топкие...

– ...Через сорок королевств шли, – подхватила Настенька. – Выбегал навстречу Иванушке народ, в ноги кланялись люди. Избавил их Иван от лютого Змея. Дары дорогие выносили. Только ничего мы не приняли, зачем нам богатство? Мы и так счастливы.

– Дай-ка мне твой меч, Иванушка, – сказал кузнец, – я его перекую на серпы.

– За добрый меч спасибо, кузнец, – ответил Иван. – Только перековывать его на серпы пока не надо. Пусть висит, отдыхает. Не ровён час, другой какой враг нашей земле сыщется. Тогда мы с ним опять в бой пойдём. А сейчас попируем, друзья!

Настенька расстелила на траве скатерть самобраную, низко поклонилась ей, попросила её угостить всех сельчан. И тотчас на скатерти появились разные блюда, а на них – вкусные яства, жбаны со сладким вином, пироги да блины. Девушки стали просить Настеньку, чтобы рассказала она им, как жилось в неволе у Змея Горыныча.

– Этого не расскажешь. А вот песню, которую я в неволе сложила, давайте я вам, подруженьки, спою.

И Настенька попросила гармониста подыграть ей и запела:

Подпояшусь пояском кумачовым я,
Сарафанишко надену ситцевый.
Не нужны наряды мне парчовые,
Жемчуга не надобны персидские.

У Горыныча, подружки, было тяжко мне,
Зря плясали мне прислужницы наёмные,
От их плясок, от их пенья было скучно мне,
Опостылели палаты мне огромные.

Не хотела руки сковывать запястьями,
Надевать на тело белую тяжёлую парчу.
Не купить за все богатства сердце Настино,
Даром я его отдам кому сама хочу.

Только закончила свою песню Настенька, как среди пирующих появился старичок-лесовичок.

– Вот это пир так пир! – сказал старичок. – Мир и счастье всему честному народу! И я с вами был, и ел, и пил, по усам текло, а в рот не попало! Хотел съесть гуся, да тут и сказочка вся!..

...Кукушка на часах открыла дверцу, высунула свою головку и прокуковала столько раз, что бабушка испугалась.

– Ах, я, старая! Заболталась тут с вами! Скоро мама с папой придут, а вы всё не спите.

– Бабушка, спасибо за сказку, – сказал Ваня.

– Поцелуй нас, бабушка, – попросила Маша.

– Спите, спите, мои цыпляточки, – сказала бабушка, поцеловала своих внучат и тихонько вышла из детской.

– Вань, а Вань, – тихо проговорила Ма-ша, – а ведь нашу бабушку-то Настя зовут...

– Да, а дедушку – Иван, – тоже тихо ответил ей Ваня и задумался.

В Стране невыученных уроков

В тот день, когда всё это началось, мне не везло с самого утра. У нас было пять уроков. И на каждом меня вызывали. И по каждому предмету я получил двойку. Всего пять двоек за день? Четыре двойки, наверное, я получил за то, что отвечал не так, как хотелось бы учителям. А вот пятую двойку поставили совсем несправедливо. Даже смешно сказать, из-за чего мне влепили эту несчастную двойку. За какой-то круговорот воды в природе.

Интересно, что бы вы ответили на такой вопрос учительницы:

– Куда девается вода, которая испаряется с поверхности озёр и рек, морей, океанов и луж?

Не знаю, что бы вы ответили. А мне ясно, что если вода испаряется, то её уже нет. Ведь не зря же говорят про человека, который вдруг куда-то скрылся: «Он испарился». Это значит – «он исчез». Но Зоя Филипповна, наша учительница, почему-то стала придираться и задавать лишние вопросы:

– Куда исчезает вода? А может быть, она всё-таки не исчезает? Может, ты хорошенько подумаешь и ответишь, как следует?

По-моему, я и так ответил, как следует. Зоя Филипповна, конечно, со мной не согласилась. Я давно заметил, что учителя редко со мной соглашаются. Есть у них такой отрицательный минус.

Кому охота спешить домой, если несёшь в портфеле целую кучу двоек? Мне, например, неохота. Потому я и шёл домой через час по столовой ложке. Но как медленно ни иди, а всё равно придёшь домой. Хорошо ещё, что папа в командировке. А то сразу бы начался разговор о том, что у меня нет характера. Об этом папа вспоминал всегда, как только я приносил двойку.

– И в кого ты такой? – удивлялся папа. – Совсем нет характера. Не можешь взять себя в руки и хорошо учиться.

– Воли у него нет, – добавляла мама и тоже удивлялась: – В кого бы это?

Все мои родные, оказывается, имели твёрдый характер и сильную волю, а вот я почему-то не имею. Поэтому-то я и не решался сразу притащиться домой, имея в портфеле пять двоек.

Чтобы подольше тянуть время, я заходил по дороге во все магазины подряд. В книжном я встретил Люсю Карандашкину. Она моя соседка два раза: живёт в одном доме со мной, а в классе сидит позади меня. Нигде от неё нет покоя – ни в школе, ни дома. Люся уже успела пообедать и прибежала в магазин за тетрадями. Был здесь и Серёжа Петькин. Он пришёл узнать, не получены ли новые марки. Серёжа покупает марки и воображает себя филателистом. А по-моему, так собирать марки может каждый дурак, если у него есть деньги.

Я не хотел встречаться с ребятами, но они меня заметили и сразу же стали обсуждать мои двойки. Конечно, они доказывали, что Зоя Филипповна поступила справедливо. А вот когда я их припёр к стенке, то вышло, что они тоже не знали, куда девается испарившаяся вода. Небось влепила бы им Зоя за это по двойке, они бы сразу запели другое.

Мы спорили, кажется, немного шумно. Продавщица предложила нам выйти из магазина. Я сейчас же ушёл, а ребята остались. Продавщица сразу догадалась, кто из нас лучше воспитан. А ведь завтра они будут рассказывать, что шум в магазине поднял я. Пожалуй, ещё разболтают, что я на прощание показал им язык. А что тут, спрашивается, плохого? Анна Сергеевна, наш школьный врач, нисколько на это не обижается, она даже сама просит, чтобы ребята показывали ей язык. А она-то уж знает, что хорошо, а что плохо.

Когда меня выставили из книжного магазина, я понял, что очень проголодался. Есть хотелось всё больше, а идти домой – всё меньше. На пути остался только один магазин. Неинтересный – хозяйственный. В нём противно пахло красками, мылом и керосином. Из него тоже пришлось уйти. Продавец три раза меня спросил:

– А что тебе здесь надо, мальчик?

Мама открыла дверь молча. Но это меня не порадовало. Я знал, что она сначала накормит меня, а потом...

Скрыть двойки было невозможно. Мама давно сказала, что читает в моих глазах всё, что написано в дневнике. Какой же смысл врать?

Я ел и старался не смотреть на маму. Думал, неужели она сможет прочесть в моих глазах сразу про все пять двоек?

Кот Кузя спрыгнул с подоконника и завертелся у моих ног. Он очень меня любит и ласкается совсем не потому, что ждёт от меня что-нибудь вкусное. Кузя знает, что я пришёл из школы, а не из магазина, значит, ничего, кроме плохих отметок, принести не мог.

Я старался есть как можно медленней, но это не получалось, оттого что я сильно проголодался. Мама сидела напротив и ужасно молчала. Вот сейчас, когда я съем послед-нюю ложку компота, и начнётся...

Но раздался телефонный звонок. Ура! Звонила тётя Поля. Раньше чем через час она не отпустит маму от телефона.

– Немедленно садись за уроки, – сказала мама и взяла трубку. За уроки, когда я так устал! Я хотел хоть часок отдохнуть и поиграть во дворе с ребятами. Но мама зажала трубку рукой и сказала, что я могу прогулку по магазинам засчитать себе за отдых. Вот как она умеет читать в глазах! А вдруг она прочтёт про двойки?

Пришлось уйти в свою комнату и засесть за уроки.

– Убери на своём столе! – крикнула вдогонку мама.

Легко сказать? Я иногда просто сам удивляюсь, глядя на свой стол. Как много предметов на нём умещается! Тут рваные учебники и тетрадки в четыре листика, ручки, линейки и карандаши. Их теснят гвозди, камеры для мяча, обрывки проволоки и другие нужные вещи. Вообще я очень люблю гвозди. Они у меня есть всех размеров и разной толщины. А мама их совсем не любит. Не раз она выбрасывала их, но они снова возвращаются на мой стол, как бумеранги. Мама сердится на меня за то, что я больше люблю гвозди, чем учебники. А кто виноват? Не я, а учебники. Не надо быть такими скучными.

На этот раз я управился с уборкой быстро. Выдвинул ящик стола и сгрёб туда все свои вещи. Скоро и удобно. И пыль сразу стирается. Теперь можно было приняться за уроки. Я раскрыл дневник, и перед глазами замелькали двойки. Они были такие заметные потому, что их написали красными чернилами. По-моему, это неправильно – писать двойку красными чернилами. Ведь всё хорошее тоже отмечают красным. Например, праздники и воскресенья в календаре. Посмотришь на красную цифру – и радуешься. В школу ходить не надо. Пятёрка тоже красненькая. Значит, тройку, двойку и кол надо писать чёрными чернилами. Удивительно, как наши учителя сами не могут до этого додуматься!

Уроков, как нарочно, задали очень много. А день был солнечный, тёплый, и мальчишки за окнами гоняли мяч. Интересно, кто стоял вместо меня на воротах? Наверно, опять Сашка. Он давно метит на моё место у ворот. Это просто смешно. Все знают, какой он сапожник.

Кот Кузя устроился на подоконнике, и оттуда, как с трибуны, следил за игрой. Кузька не пропускает ни одной игры, а папа и мама не верят, что он настоящий болельщик. И зря. Он даже слушать любит, когда я рассказываю о футболе. Не перебивает. Не уходит, даже мурлычет. А кошки мурлычут только тогда, когда им приятно.

Мне задали правила по безударным гласным. Надо было их повторить. Я этого делать, конечно, не стал. Бесполезно повторять то, чего всё равно не знаешь. Потом надо было прочитать про этот самый круговорот воды в природе. Я вспомнил Зою Филипповну, двойку и решил лучше заняться арифметикой. Тут тоже ничего приятного не было. Начал решать задачу о каких-то землекопах. Не успел выписать условия, как заговорил репродуктор. Можно было немножко отвлечься и послушать... Но чей голос я услышал? Голос Зои Филипповны! Она по радио давала советы ребятам, как надо готовиться к экзаменам. Я готовиться не собирался. Пришлось радио выключить.

Задача была очень трудная и бестолковая. Я уже почти стал догадываться, как надо её решить, но... в окно влетел футбольный мяч. Вот красота! Я схватил мяч и хотел было вылезти через окно во двор, но мамин голос догнал меня на подоконнике.

– Витя! Ты делаешь уроки? – кричала она из кухни. Там у неё что-то шипело и ворчало на сковороде. Поэтому мама не могла прийти и выдать мне что полагается за побег. Она почему-то очень не любила, когда я выходил через окно, а не через дверь. Хорош бы я был, если б мама вошла!

Я слез с подоконника, швырнул ребятам мяч и ответил маме, что делаю уроки.

Снова открыл задачник. Пять землекопов выкопали траншею в сто погонных метров за четыре дня... Что бы придумать для первого вопроса? Я уже начал было соображать, но мне опять помешали. В окно заглянула Люся Карандашкина. Одна косичка была у неё перевязана красной лентой, а другая – распущена. И это не только сегодня. У неё почти каждый день так. То правая косичка распущена,

то левая. Лучше бы она больше внимания обращала на свою причёску, чем на чужие двойки, тем более что у неё и своих двоек хватает. Люся сказала, что задача о землекопах в самом деле очень трудная. Даже её бабушка не могла решить. Счастливая Люська! А у меня нет никакой бабушки.

– Давай решать вместе! – предложила Люся.

Я отказался. Ничего хорошего из этого бы не вышло. Лучше уж самому.

Стал снова рассуждать. Пять землекопов вырыли траншею в сто погонных метров. Погонных? Почему метры называются погонными? Кто их погоняет?

Я стал думать про это и сочинил скороговорку: «Погонщик в погонах погонял погонным метром». Тут мама снова закричала из кухни. Я спохватился и стал сильно трясти головой, чтобы забыть о погонщике в погонах и вернуться к землекопам. Ну что с ними, постылыми, делать?

А хорошо бы погонщика назвать Паганелем!

– Что же всё-таки делать с землекопами? Может быть, помножить их на метры?

– Не надо помножать, – возразила Лю-ся. – Всё равно ничего от этого не узнаешь.

Назло ей я всё-таки помножил землекопов. Правда, ничего хорошего про них не узнал, но зато теперь можно было переходить к другому вопросу. И я решил разделить метры на землекопов.

– Не надо делить, – опять вмешалась Люся. – Я уже делила. Ничего не получается.

Конечно, я не послушал и разделил. Получилась такая ерунда, что я стал искать ответа в задачнике. Но, как назло, там была вырвана страница с ответом про землекопов. Пришлось всю ответственность взять целиком на себя. Я всё перерешил. Вышло, что работу должны были выполнить полтора землекопа. Почему полтора? Но в конце концов какое мне дело, сколько землекопов рыли эту самую траншею? Кто теперь вообще роет землекопами? Взяли бы экскаватор и сразу покончили с траншеями. И работу скоро бы сделали, и школьникам головы не забивали. Ну как бы там ни было, а задача решена. Можно уже побежать к ребятам. И я, конечно, побежал бы, если б не вмешалась Люська.

– А когда будем учить стихи? – спросила она меня.

– Какие стихи?

– Как – какие? Забыл? А «Зима. Крестьянин торжествуя»? Я никак не могу их запомнить.

– Это потому, что они неинтересные, – сказал я. – Вот те стихи, что сочинили в нашем классе мальчишки, сразу запоминаются. Потому что интересные.

Люся новых стихов не знала. Я их прочёл ей на память:

Нам учиться целый день
Лень, лень, лень.
Надоело!

Нам бы бегать и играть,
Мяч бы по полю гонять —
Это дело!

Люсе стихи так понравились, что она их сразу запомнила.

Вдвоём мы быстро одолели «крестьянина». Я уже собирался вылезти потихоньку в окно, но Люся опять вспомнила, что мы ещё должны вставлять пропущенные буквы в слова.

У меня даже зубы заныли от досады. Кому интересно делать бесполезную работу! Буквы в словах пропускают, как нарочно, самые трудные. По-моему, это нечестно. Но делать нечего. Как не хотелось, а вставлять пришлось.

П...друга дней моих суровых,
Г...лубка дряхлая моя.

Люся уверяет, что это стихотворение Пушкин написал своей няне. Так ей сказала бабушка. Неужели Карандашкина считает меня таким простачком? Так я и поверю, что у взрослых бывают няни. Просто бабушка посмеялась над ней, и всё.

Но как же быть с этой «п...другой»? Мы посоветовались и решили уже вставить букву «а», как вдруг в комнату ввалились Катя и Женьчик. Не знаю, почему им вздумалось припереться. Я во всяком

случае их не звал. Не хватало ещё, чтобы Катька отправилась на кухню и доложила моей маме, сколько двоек я сегодня нахватал. Ко мне и Люсе эти зубрилы относились свысока, потому что учились лучше нас.

У Кати были выпученные круглые глаза и толстые косы. Этими косами она гордилась так, как будто ей выдали их за хорошую успеваемость и отличное поведение. Говорила Катя медленно, нараспев, все делала с толком и никуда не спешила. А о Женьчике просто и рассказывать нечего. Он сам по себе почти и не говорил, а только повторял Катины слова. Женьчиком его звала бабушка. Поэтому и мы все стали его так называть. Только Катя звала его Евгением. Она любила всё делать правильно.

Катя поздоровалась, посмотрела на Люсю и сказала:

– Опять у тебя коса расплелась. Это неряшливо. Причешись.

Люся боднула головой. Она не любила причёсываться. Она не любила, когда ей делали замечания. Катя вздохнула. Женьчик тоже вздохнул. Катя покачала головой. Женьчик тоже покачал.

– Раз вы здесь оба, – сказала Катя, – мы вас двоих и подтянем.

– Подтягивайте скорей, – закричала Люся, – а то нам некогда! Мы ещё не все уроки сделали.

– А какой ответ получился у вас в задаче? – спросила Катя точь-в-точь, как Зоя Филипповна.

– Полтора землекопа, – ответил я нарочно очень грубо.

– Неправильно, – спокойно сказала Катя.

– Ну и пусть неправильно. Тебе-то что! – ответил я и сделал ей страшную гримасу.

Катя вздохнула, покачала головой. Женьчик, конечно, тоже.

– Ей больше всех надо! – выпалила Люська.

Катя поправила свои косы и медленно сказала:

– Пойдём, Евгений. Они ещё и грубят!

Женьчик рассердился, покраснел и самостоятельно выругал нас. Мы очень этому удивились. Наверно, он заметил, как мы с Люськой его передразнивали. Катя сказала, что они сейчас же уйдут и от этого хуже будет только нам, так как мы останемся неподтянутыми.

– Прощайте, лодыри, – ласково сказала Катя.

– Прощайте, лодыри, – пискнул Женьчик.

– Попутный ветер в спину! – гаркнул я.

– До свидания, Пятёркины-Четвёркины! – пропела Люська Карандашкина.

Это, конечно, было не совсем вежливо. Ведь они были у меня в гостях. Конечно, я их не звал, но всё же...

Вежливо, невежливо, а всё-таки я их выставил. Да и Люська убежала вслед за ними.

Я остался один. Просто удивительно, до чего не хотелось делать уроки! Конечно, если бы у меня была сильная воля, я взял бы, назло себе, и сделал. Вот у Кати небось была сильная воля. Надо будет помириться с ней и спросить, как это она её приобрела. Папа говорит, что каждый человек может выработать волю и характер, если он борется с трудностями и презирает опасность. Ну а с чем бороться? Папа говорит – с ленью. Но разве лень – это трудность? Нет, здесь что-то не так. А вот опасность я бы с удовольствием презирал, да только где ж её возьмёшь?

Я был очень несчастным. Что такое несчастье? По-моему, когда человека силой заставляют делать то, что ему совсем не хочется, это и есть несчастье. Я даже из истории это вижу. Не хотелось крестьянам быть крепостными и работать на помещиков, а их заставляли. Они и были несчастными. Не хотелось рабочим, чтобы их притесняли на фабриках, а их заработки забирали хозяева, но их заставляли. Они тоже были несчастливы. И очень хорошо сделали, когда вместе с крестьянами устроили революцию и ликвидировали царя как класс. Теперь все стали свободными, работают на себя и потому счастливы. Я не терплю, когда людей угнетают и заставляют делать то, что им совсем не хочется.

За окном кричали мальчишки. Солнце светило, очень сильно пахло сиренью. Меня тянуло выпрыгнуть в окно и побежать к ребятам. Но на столе лежали мои учебники. Они были изорванные, залитые чернилами, грязные и скучные. И они были очень сильными. Они держали меня в душной комнате, заставляли решать задачу про каких-то допотопных землекопов, вставлять пропущенные буквы и делать многое другое, что мне было совсем неинтересно. Я вдруг так возненавидел свои учебники, что схватил их со стола и швырнул на пол.

– Надоели! – закричал я не своим голосом.

И вдруг раздался такой грохот, как будто с высокого дома на мостовую упали сорок тысяч железных бочек. Кузя метнулся с подоконника и прижался к моим ногам. Стало темно. А ведь только что за окном светило солнце. Потом комната осветилась зеленоватым светом, и я заметил каких-то странных человечков. На них были балахоны из покрытой кляксами мятой бумаги. У одного на груди чернело очень знакомое пятно с ручками, ножками и рожками. Точно такие же ножки-рожки я пририсовал кляксе, которую посадил на обложку учебника географии.

Человечки молча стояли вокруг стола и сердито на меня смотрели. Надо было что-то немедленно делать. Поэтому я вежливо спросил:

– А кто вы такие будете?

– Ты присмотрись внимательней, может быть, и узнаешь, – ответил человечек с кляксой.

– Он не привык глядеть на нас внимательно точка, – сердито сказал другой человечек и пригрозил мне пальчиком, выпачканным чернилами.

Я всё понял. Это были мои учебники. Они почему-то ожили и явились ко мне в гости. Если бы вы слышали, как они меня упрекали!

– Ни под каким градусом широты и долготы никто и нигде на земном шаре так не обращается с учебниками, как ты! – кричала География.

– Ты обливаешь нас чернилами восклицательный знак. Ты рисуешь на наших страницах всякую ерунду восклицательный знак, – надрывалась Грамматика.

– Почему вы так напали на меня? Разве Серёжа Петькин или Люся Карандашкина учатся лучше?

– Пять двоек! – крикнула хором учебники.

– Но ведь я приготовил уроки сегодня!

– Сегодня ты неправильно решил задачу!

– Не усвоил зоны!

– Не понял круговорота воды в природе!

Больше всех кипятилась Грамматика:

– Сегодня ты не повторил безударных гласных восклицательный знак. Не знать родного языка тире позор запятая несчастье запятая преступление восклицательный знак.

Терпеть не могу, когда, на меня кричат. Обижаюсь. Вот и сейчас я очень обиделся и ответил, что как-нибудь проживу и без ударных гласных и без умения решать задачи и тем более без этого самого круговорота.

Тут мои учебники сразу онемели. Они смотрели на меня с таким ужасом, как будто я на их глазах нагрубил директору школы. Потом они стали шептаться и решили, что меня нужно немедленно, вы думаете, наказать? Ничего подобного, – спасти! Чудаки? От чего, спрашивается, спасти?

География сказала, что лучше всего отправить меня в Страну невыученных уроков. Человечки с ней сразу же согласились.

– А есть ли в этой стране трудности и опасности? – спросил я.

– Сколько угодно, – ответила География.

– Все путешествие состоит из трудностей. Это ясно, как дважды два – четыре, – прибавила Арифметика.

– Каждый шаг там грозит опасностью для жизни восклицательный знак! – воскликнула Грамматика.

Об этом стоило подумать. Ведь там не будет ни папы, ни мамы, ни Зои Филипповны!

Никто не станет каждую минуту останавливать и кричать: «Не ходи! Не бегай! Не трогай! Не подглядывай! Не подсказывай! Не вертись на парте!» И ещё с десяток разных «не», которых я терпеть не могу. Может, как раз в этом путешествии мне удастся развить волю и приобрести характер. Вернусь оттуда с характером – вот папа удивится!

– А может быть, придумаем для него что-нибудь другое? – спросила География.

– Не надо мне другого! – закричал я. – Так и быть. Отправляюсь в эту вашу опасно-трудную страну.

Я было хотел спросить их, а удастся ли мне там закалить волю и приобрести характер настолько, чтобы я мог сам добровольно делать уроки, но не спросил. Раздумал.

– Ну хорошо, – сказала География, – решено.

– Ответ правильный. Перерешать не будем, – добавила Арифметика.

– Отправляйся немедленно точка, – закончили Грамматика.

– Ладно, – сказал я как можно вежливей. – Но только как это сделать? Поезда, наверно, в эту страну не ходят, самолёты не летают, пароходы не плывут.

– Мы поступим так запятая, – сказала Грамматика, – как всегда поступали в русских народных сказках точка. Возьмём клубок многоточие.

Но клубка у нас никакого не было. Моя мама не умела вязать.

– Есть ли v вас в доме что-нибудь шарообразное? – спросила Арифметика, так как я не понял, что такое «шарообразное», она объяснила: – Это всё равно, что круглое.

Круглое? Я вспомнил, что тётя Поля подарила мне в день рождения глобус. Я и предложил этот глобус. Правда, он на подставке, но ведь её и отодрать нетрудно. География почему-то обиделась, замахала ручками и закричала, что она не позволит. Что глобус – великое наглядное пособие! Ну и всякое такое прочее, что совсем не шло к делу. В это время в окно влетел футбольный мяч. Оказывается, он тоже шарообразный. Все согласились засчитать его за клубок.

Мяч будет моим проводником. Я должен идти за ним и не отставать. А если потеряю его, то не смогу вернуться домой. После того как меня поставили в такую колониальную зависимость от мяча, этот шарообразный сам собой вспрыгнул на подоконник. Я полез за ним, а Кузя – за мной.

– Назад! – крикнул я коту, но он не послушался.

– Я пойду с тобой, – заявил мой кот человеческим русским голосом.

География помахала мне на прощание рукой и крикнула:

– Если тебе придётся очень уж плохо, зови меня на помощь. Так и быть, выручу!

Мы с Кузей прыгнули с подоконника и сразу стали быстро подыматься в воздух, а мяч летел перед нами. Вниз я не смотрел. Боялся – голова закружится. Чтоб не было так уж страшно, не сводил глаз с мяча. Долго ли мы летели – не знаю. Не хочу врать. В небе светило солнце, а мы с Кузей неслись за мячом, как будто были привязаны к нему верёвочкой и он тащил нас на буксире.

Наконец мяч стал снижаться, и мы опустились на лесную дорогу. Мяч катился, перепрыгивая через пни и поваленные деревья. Он не давал нам никакой передышки. Опять не могу сказать, сколько

времени мы шли. Солнце ни разу не закатывалось. Поэтому можно подумать, что мы шли всего один день. Но кто знает, закатывается ли вообще солнце в этой неизвестной стране.

Как хорошо, что Кузя увязался за мной! Как хорошо, что он стал разговаривать как человек! Мы с ним болтали всю дорогу. Мне, правда, не очень нравилось, что он слишком много рассказывал о своих приключениях: он любил охотиться за мышами и ненавидел собак. Обожал сырое мясо и сырую рыбу. Поэтому больше всего он болтал о собаках, мышах и еде. Всё же он был малообразованным котом. Оказалось, в футболе он ровным счётом ничего не понимал, а смотрел потому, что вообще любит наблюдать за всем, что двигается. Это ему напоминает охоту на мышей. Значит, слушал он про футбол только из вежливости.

Мы шли по лесной дорожке. Вдали показался высокий холм. Мяч обогнул его и скрылся. Мы очень испугались и бросились вдогонку за ним. За холмом мы увидели большой замок с высоченными воротами и каменным забором. Я присмотрелся к забору и заметил, что он состоит из огромных переплетающихся букв.

У моего папы есть серебряный портсигар. На нём вырезаны две переплетённые буквы – Д и П. Папа объяснил, что это называется вензелем. Так вот этот забор и бы сплошным вензелем. Мне даже кажется, что он был и не каменный, а из какого-то другого материала.

На воротах замка висел замок килограммов в сорок весом. По обеим сторонам входа стояли два странных человечка. Один согнулся так, что казалось, будто он разглядывает свои колени, а другой был прям как палка.

Согнутый держал огромную ручку, а прямой – такой же карандаш. Они стояли неподвижно, словно неживые. Я подошёл поближе и потрогал согнутого пальцем. Он не пошевелился. Кузя обнюхал их обоих и заявил, что, по его мнению, они всё-таки живые, хотя человеком от них не пахнет. Мы с Кузей назвали их Крючок и Палка. Наш мяч рвался в ворота. Я подошёл к ним и хотел попробовать толкнуть замок. А вдруг он не заперт? Крючок и Палка скрестили ручку и карандаш и преградили мне дорогу.

– Ты кто? – отрывисто спросил Крючок.

А Палка, как будто его толкнули под бока, закричала во весь голос:

– Ох! Ах! Ох, ох! Ах, ах!

Вежливо ответил, что я ученик четвёртого класса. Крючок покрутил головкой. Палка разохался так, как будто я сказал что-то очень нехорошее. Потом Крючок покосился на Кузю и спросил:

– А ты, который с хвостом, тоже ученик?

Кузя сконфузился и промолчал.

– Это кот, – объяснил я Крючку, – он животное. А животные имеют право не учиться.

– Имя? Фамилия? – допрашивал Крючок.

– Перестукин Виктор, – ответил я, как на перекличке.

Если бы вы видели, что стало с Палкой!

– Ох? Ах! Увы! Тот! Самый! Ох! Ах! Увы! – без передышки выкрикивал он минут пятнадцать подряд.

Мне это здорово надоело. Мяч привел нас в Страну невыученных уроков. Почему же мы должны стоять у её ворот и отвечать на дурацкие вопросы? Я потребовал, чтобы мне немедленно дали ключ отпереть замок. Мяч шевельнулся. Я понял, что действую правильно.

Палка подал мне громадный ключ и закричал:

– Открывай! Открывай! Открывай!

Я вставил ключ и хотел его повернуть, но не тут-то было. Ключ не поворачивался. Стало ясно, что надо мной смеются.

Крючок спросил, не сумею ли я написать правильно слова: «замочек» и «ключик». Если сумею, ключ тут же отопрёт замок. Отчего же не суметь! Подумаешь, хитрость какая. Неизвестно откуда появилась классная доска и повисла перед самым моим носом прямо в воздухе.

– Пиши! – крикнул Палка и подал мне мел.

Я сразу написал: ключ... и остановился.

– Пиши! Дальше! – приказал Палка.

Хорошо ему было кричать, а если, я не знаю, что писать дальше: ЧИК или ЧЕК? Как правильно: КлюЧИК или клюЧЕК? То же самое было и с замочком. ЗамоЧИК или замоЧЕК? Было над чем подумать!

Есть же какое-то правило... А какие правила грамматики я вообще знаю? Стал припоминать. Кажется, после шипящих не пишется... Но при чём тут шипящие? Они сюда никак не подходят.

Кузя посоветовал писать наобум. Если напишешь неправильно, потом исправишь. А так разве можно угадать? Это был толковый

совет. Я уже собирался так и сделать, но Палка закричал:

– Нельзя! Неуч! Невежда! Ох! Увы! Пиши! Сразу! Правильно! – Почему-то он ничего не говорил спокойно, только всё выкрикивал.

Я сел на землю и стал вспоминать. Кузя всё время вертелся возле меня и часто задевал своим хвостом по лицу. Я прикрикнул на него. Кузя обиделся.

– Зря расселся, – сказал Кузя, – всё равно не вспомнишь.

Но я вспомнил. Назло ему вспомнил! Пожалуй, это было единственное правило, которое я знал. Вот уж не думал, что оно когда-нибудь мне так здорово пригодится!

– Если в родительном падеже в конце слова выпадает гласная, то пишется ЧЕК, а если не выпадает, пишет ЧИК.

Это нетрудно проверить: именительный – замоЧЕК; родительный – замоЧКА. Ага! Буква выпала. Значит, правильно – замоЧЕК. Теперь совсем легко проверить «ключик». Именительный – клюЧИК, родительный – клюЧИКА. Гласная остаётся на месте. Значит, надо писать «клюЧИК».

Палка захлопал в ладоши и закричал:

– Чудесно! Прелестно! Восхитительно! Ура!

Я крупными буквами смело написал на доске: ЗАМОЧЕК. КЛЮЧИК. Потом легко повернул ключ в замке, и ворота распахнулись. Мяч покатился вперёд, а мы с Кузей пошли за ним. Палка и Крючок поплелись сзади.

Мы прошли по высоким пустым комнатам и очутились в огромном зале. Здесь кто-то крупно написал красивым почерком прямо на стенах правила грамматики. Путешествие наше начиналось очень удачно. Я запросто вспомнил правило и открыл замок! Если всё время будут встречаться только такие трудности, мне и делать здесь нечего...

В глубине зала на высоком стуле сидел старик с белыми волосами и белой бородой. Если бы он держал в руках маленькую ёлочку, его можно было принять за Деда-Мороза. Белый плащ старика был вышит блестящим чёрным шёлком. Когда я хорошенько рассмотрел этот плащ, то увидел, что он весь вышит знаками препинания.

Возле старика вертелась сгорбленная старушка со злыми красными глазками. Она всё что-то шептала ему на ухо и показывала на меня рукой. Старуха нам не понравилась сразу. Кузе она напомнила

бабушку Люси Карандашкиной, которая часто била его веником за то, что он воровал у неё сосиски.

– Надеюсь, вы примерно накажете этого невежду, ваше величество Глагол Повелительного Наклонения! – сказала старушка.

Старик важно посмотрел на меня.

– Перестань! Не злись, Запятая! – приказал старик.

Оказывается, это была Запятая! Ох и кипятилась же она!

– Как же мне не злиться, ваше величество? Ведь мальчишка ещё ни разу не поставил меня на моё место!

Старик строго посмотрел на меня и поманил пальцем. Я подошёл.

Запятая ещё больше засуетилась и прошипела:

– Посмотрите на него. Сразу видно, что он безграмотный.

Неужели это было заметно по моему лицу? Или она тоже умела читать в глазах, как моя мама?

– Расскажи, как ты учишься, – приказал мне Глагол.

– Скажи, что хорошо, – прошептал Кузя, но я как-то постеснялся и ответил, что учусь, как все.

– А знаешь ли ты грамматику? – ехидно спросила Запятая.

– Скажи, что отлично знаешь, – снова подсказал Кузя.

Я толкнул его ногой и ответил, что знаю грамматику не хуже других. После того как я при помощи своих знаний открыл замок, я имел полное право так ответить. И вообще уже хватит задавать вопросы! Но злой старухе до зарезу надо было узнать, какие у меня отметки. Я, конечно, не стал слушать глупые Кузины подсказки и заявил ей, что отметки у меня разные.

– Разные? – зашипела Запятая. – А вот это мы сейчас проверим.

Интересно, как это она могла сделать, если я не взял с собой дневника?

– Давайте документы! – завопила старуха противным голосом.

В зал вбежали человечки с одинаковыми круглыми личиками. У одних были вышиты на белых платьицах чёрные кружочки, а у других – крючочки, у третьих – и крючочки и кружочки. Два человечка внесли какую-то огромную синюю папку. Когда они развернули её, я увидел, что это была моя тетрадь по русскому языку. Она почему-то стала чуть не с меня ростом.

Запятая показала первую страницу, на которой я увидел свой диктант. Теперь, когда тетрадь увеличилась, он выглядел ещё безобразней. Ужасно много поправок красным карандашом. А сколько клякс!.. Наверно, тогда у меня было очень плохое перо. Под диктантом стояла двойка, похожая на большую красную утку.

– Двойка! – злорадно объявила Запятая, как будто и без неё не было ясно, что это двойка, а не пятёрка.

Глагол приказал перевернуть страницу. Человечки перевернули. Тетрадка жалобно и тихо застонала. На второй странице я написал изложение. Кажется, оно было ещё хуже диктанта, потому что под ним стоял кол.

– Перевернуть! – приказал Глагол.

Тетрадь застонала ещё жалобней. Хорошо, что на третьей странице ничего не было написано. Правда, я на ней нарисовал рожицу с длинным носом и косыми глазами. Ошибок здесь, конечно, не было, потому что под рожицей я написал всего два слова: «Эта коля».

– Перевернуть? – спросила Запятая, хотя отлично видела, что дальше переворачивать некуда. В тетради насчитывалось всего три страницы. Остальные я вырвал для того, чтобы сделать из них голубей.

– Довольно, – приказал старик. – Как же ты, мальчик, говорил, что отметки у тебя разные?

– Разрешите мне мяукнуть? – неожиданно вылез Кузя. – Прошу прощения, но мой хозяин не виноват. Ведь в тетрадке не только двойки, но есть и единица. Значит, отметки всё-таки разные.

Запятая захихикала, а Палка в восторге закричал:

– Ах! Ох! Уморил! Потеха! Ой! Умник!

Я молчал. Непонятно, что со мной делалось. Уши и щёки горели. Я не мог смотреть старику в глаза. Так, не глядя на него, я и сказал, что не знаю, кто я. Кузя поддержал меня. По его мнению, это была нечестная игра. Глагол внимательно нас выслушал, обещал показать всех своих подданных и познакомить с ними. Он взмахнул линейкой – раздалась музыка, и на середину зала выбежали человечки с кружочками на одежде. Они стали плясать и петь:

Мы ребята точные,
Мы зовёмся точками.
Чтобы правильно писать,
Где нас ставить, надо знать.
Наше место надо знать!

Кузя спросил, знаю ли я, где их надо ставить. Я ответил, что иногда ставлю их правильно.

Глагол снова взмахнул линейкой, и точек сменили человечки, на платьицах которых были вышиты две запятые. Они взялись за ручки и спели:

Мы весёлые сестрички,
Неразлучные Кавычки.

Если я открою фразу, – спела одна,
Я её закрою сразу, – подхватила другая.

Кавычки! Знаю я их! Знаю и не люблю. Поставишь их – говорят, не надо; не поставишь – говорят, вот здесь-то и надо было поставить кавычки. Никогда не угадаешь...

После Кавычек вышли Крючок и Палка. Ну и смешная же это была парочка!

Крючок запел толстым голосом:

Меня и брата знает всякий,
Мы выразительные знаки.
Я самый значительный —
Вопросительный!

А Палка спел совсем коротко:

Я самый замечательный —
Восклицательный!

Вопросительный и восклицательный! Старые знакомые! Они были немножко лучше остальных знаков. Их реже надо было ставить, поэтому за них реже и попадало. Они были всё же приятней, чем эта злая горбунья Запятая. Но она уже стояла передо мной и пела своим скрипучим голосом:

Хоть я лишь точка с хвостиком,
Невелика я ростиком.
Но я грамматике нужна,
И я для чтения важна.

У Кузи даже шерсть стала дыбом от такого нахального пения. Он попросил у меня разрешения оторвать у Запятой хвостик и превратить её в точку. Разумеется, я не разрешил ему хулиганить. Может быть, мне самому хотелось кое-что сказать старухе, но надо, же себя как-то сдерживать. Нагрубишь, а потом они тебя отсюда и не выпустят. А уйти от них давно уже хотелось. С тех самых пор как я увидел свою тетрадь. Я подошёл к Глаголу и спросил его, нельзя ли мне уйти. Старик не успел и рта открыть, как Запятая заверещала на весь зал:

– Ни за что! Пусть сначала докажет, что знает правописание безударных гласных!

Тут же она стала придумывать всякие примеры.

На моё счастье, в зал вбежала огромная собака. Кузя, конечно, зашипел и вскочил мне на плечо. Но собака и не собиралась на него кидаться. Она весело махала хвостиком и ласкалась. Я нагнулся и погладил её по рыжей спинке.

– Ах, ты любишь собак! Очень хорошо! – ехидно сказала Запятая и хлопнула в ладоши. Тут же передо мной опять повисла в воздухе чёрная доска. На ней было написано мелом: «С...бака».

Я быстро сообразил, в чём дело. Взял мел и вписал букву «а». Получилось: «Сабака».

Запятая расхохоталась. Глагол нахмурил седые брови. Восклицательный заахал и заохал. Собака оскалилась и зарычала на меня. Я испугался её злой морды и побежал. Она погналась за мной. Кузя отчаянно шипел, вцепившись когтями в мою куртку. Я догадался, что неправильно вставил букву. Вернулся к доске, стер «а» и написал

«о». Собака тут же перестала рычать, лизнула мою руку и выбежала из зала. Теперь я никогда не забуду, что собака пишется через «о».

– Может быть, только эта собака пишется через «о», – спросил Кузя, – а все другие через «а»?

– Кот такой же невежда, как его хозяин, – хихикнула Запятая, но Кузя ей возразил, что собак он знает лучше, чем она. От них, по его мнению, можно всегда ожидать любой подлости.

Пока шёл этот разговор, в высокое окно заглянул солнечный луч. В зале сразу посветлело.

– Ах! Солнце! Чудесно! Прелестно! – радостно выкрикивал Восклицательный.

– Ваше величество, солнце, – шепнула Запятая Глаголу. – Спросите невежду...

– Хорошо, – согласился Глагол и махнул рукой. На чёрной доске исчезло слово «Собака» и появилось слово «Со...нце».

– А Какая буква пропущена? – спросил Вопросительный.

Я прочёл ещё раз: «Со...нце». По-моему, тут ничего не пропущено. Если все буквы на месте, зачем же вставлять лишние? Что было, когда я об этом сказал! Запятая хохотала как сумасшедшая. Восклицательный плакал и ломал ручки. Глагол хмурился всё больше и больше. Луч солнца скрылся. А в зале стало темно и очень холодно.

– Ах! Увы! Ох! Солнце! Умираю! – вопил Восклицательный.

– Где солнце? Где тепло? Где свет? – беспрерывно, как заведённый спрашивал Вопросительный.

– Мальчишка рассердил солнце! – гневно гремел Глагол.

– Я замерзаю, – плакал Кузя и жался ко мне.

– Отвечай, как пишется слово «солнце»! – приказал Глагол.

В самом деле, как пишется слово «солнце»? Зоя Филипповна всегда советовала нам изменять слово так, чтобы все сомнительные и скрытые буквы вылезали наружу. Быть может, попробовать? И я начал выкрикивать: «Солнце! Солнышко! Солнечный!» Ага! Вылезла буква «л». Я схватил мел и быстро вписал её. В эту же минуту солнце снова заглянуло в зал. Стало светло, тепло и очень весело. В первый раз я понял, как сильно люблю солнце.

– Да здравствует солнце через букву «л»! – весело запел я.

– Ура! Солнце! Свет! Радость! Жизнь! – кричал Вопросительный.

Я завертелся на одной ножке и тоже стал выкрикивать:

– Солнышку весёлому школьный наш привет! Нам без солнца милого просто жизни нет.

– Замолчать! – рявкнул Глагол.

Я так и замер на одной ножке. Веселье сразу пропало. Даже стало как-то неприятно и страшновато.

– Прибывший к нам ученик четвёртого класса Виктор Перестукин, – сурово говорил старик, – обнаружил редкое, безобразное невежество. Проявил презрение и нелюбовь к родному языку. За это он будет сурово наказан. Я удаляюсь для вынесения приговора. Заключите Перестукина в квадратные скобки!

Глагол ушёл. Запятая побежала за ним и всё время приговаривала на ходу:

– Никакой пощады! Только никакой пощады, ваше величество!

Человечки принесли большие железные скобки и поставили их слева и справа от меня.

– Всё это очень плохо, хозяин, – сказал Кузя и стал махать хвостом. Он всегда так делал, когда бывал чем-нибудь недоволен. – Нельзя ли улизнуть отсюда?

– Это было бы очень здорово, – ответил я, – но ты же видишь, что я арестован, заключён в скобки и нас сторожат. Кроме того, и мяч лежит неподвижно.

– Бедный! Несчастный! – застонал Восклицательный. – Ох! Ой! Увы! Увы! Увы!

– Тебе страшно, мальчик? – спросил Вопросительный.

Вот чудаки! Почему мне должно быть страшно? Почему меня нужно жалеть?

– Не надо злить сильных, – серьёзно сказал Кузя. – Одна моя знакомая кошка имела привычку злить цепного пса. Каких только гадостей она ему не говорила! И вот однажды пёс сорвался с цепи и навсегда отучил её от этой привычки.

Добрые знаки волновались всё больше и больше. Восклицательный твердил, что я не понимаю опасности, которая надо мной нависла. Вопросительный задал мне кучу вопросов и под конец поинтересовался, нет ли у меня какой-нибудь просьбы.

Чего бы это попросить? Мы с Кузей посоветовались и решили, что сейчас самое время позавтракать. Знаки объяснили мне: я получу всё, что пожелаю, если правильно напишу своё желание. Конечно, тут

же выскочила доска и повисла передо мной. Чтобы не ошибиться, мы с Кузей обсудили этот вопрос ещё раз. Кот не мог придумать ничего более вкусного, чем любительская колбаса. Я больше люблю полтавскую. Но в словах «любительская» и «полтавская» можно наделать пропасть ошибок. Поэтому я решил написать просто «колбаса». Но есть колбасу без хлеба не очень-то вкусно. И поэтому для начала я написал на доске: «Хлеп». Но никакого хлеба мы с Кузей не увидели. Нас обманули.

– Где же ваш хлеб?

– Написано неправильно! – хором ответили знаки.

– Не знать, как пишется такое важное слово! – проворчал кот.

Я взял мел и крупно вывел: «Калбаса».

– Неправильно! – закричали знаки. Я стёр и написал: «Калбоса».

– Неправильно! – завопили знаки.

Я опять стёр и написал: «Колбоса».

– Неправильно! – заорали знаки. Я разозлился и швырнул мел. Они просто издевались надо мной.

– Поели и хлеба и колбасы, – вздохнул Кузя. – Непонятно, зачем мальчики ходят в школу. Неужели тебя там не научили правильно написать хоть одно съедобное слово.

Одно съедобное слово я, пожалуй, мог бы написать правильно. Я стёр «колбасу» и написал «лук». Тотчас же явились точки и внесли на блюде очищенный лук. Кот обиделся и зафыркал. Он не ел лука. Я его тоже не любил. А есть хотелось ужасно. Мы начали жевать лук. Из глаз потекли слёзы.

Вдруг раздался гонг.

– Не плачь! – крикнул Восклицательный. – Ещё есть надежда!

– Как ты относишься к Запятой, мальчик? – спросил Вопросительный.

– По мне, она вовсе не нужна, – ответил я откровенно. – Читать можно и без неё. Ведь когда читаешь, то не обращаешь на запятые никакого внимания. А вот когда пишешь и забудешь её поставить, тебе непременно попадёт.

Восклицательный ещё больше расстроился и стал охать на все лады.

– А ты знаешь, что запятая может решить судьбу человека? – спросил Вопросительный.

– Хватит рассказывать сказки, я не маленький.

– Мы с хозяином уже давно не котята, – поддержал меня Кузя.

В залу вошли Запятая и несколько Точек, которые несли большой свёрнутый лист бумаги.

– Это приговор, – объявила Запятая.

Точки развернули лист. Я прочел:

ПРИГОВОР
по делу невежды Виктора Перестукина:

КАЗНИТЬ НЕЛЬЗЯ ПОМИЛОВАТЬ.

– Казнить нельзя! Помиловать! Ура! Помиловать! – обрадовался Восклицательный. – Казнить нельзя! Ура! Прекрасно! Великодушно! Ура! Чудесно!

– Вы думаете, казнить нельзя? – серьёзно спросил Вопросительный. Видно, он сильно сомневался.

О чём они говорят? Кого казнить? Меня? Да какое они имеют право? Нет, нет, это какая-то ошибка!

Но Запятая ехидно посмотрела на меня и сказала:

– Знаки неверно понимают приговор. Казнить тебя надо, помиловать нельзя. Вот так надо и понимать.

– За что казнить? – закричал я. – За что?

– За невежество, лень и незнание родного языка.

– Но ведь тут ясно написано: казнить нельзя.

– Это нечестно! Мы будем жаловаться, – вопил Кузя, хватая Запятую за хвостик.

– Ах! Ох! Увы! Ужасно! Не переживу! – стонал Восклицательный.

Мне стало страшно. Хорошо же расправились со мной мои учебники! Вот как начались обещанные опасности. Просто не дали человеку оглядеться как следует и, пожалуйста, сразу вынесли смертный приговор. Тут уж хочешь или не хочешь, а справляйся сам. Пожаловаться некому. Здесь никто не защитит. Ни родители, ни учителя. Милиции и суда здесь тоже, конечно, нет. Прямо как в старое время. Что царь захотел, то и делает. Вообще этого царя, его величество Глагола Повелительного Наклонения следовало бы тоже ликвидировать как класс. Распоряжается тут всей грамматикой!..

– Ты желаешь мальчику смерти, – злобно шипел кот.

– Он её заслужил, – сказала старуха, отдирая кота.

– Что же мне делать? – нечаянно вслух спросил я.

– Рассуждать! Рассуждать! Ах! Увы! Рассуждать! – выкрикивал Восклицательный. Слёзы лились из его печальных глазок.

Хорошенькое дело – рассуждать, когда... Но всё же я решил попробовать.

– Казнить нельзя помиловать... Если я поставлю запятую после слова «казнить», то будет так: «Казнить, нельзя помиловать». Значит, получится – нельзя помиловать? Нельзя!

– Увы! Ох! Несчастье! Нельзя помиловать! – зарыдал Восклицательный. – Казнить! Увы! Ох! Ах!

– Казнить? – спросил Кузя. – Нам это не подходит.

– Мальчик, разве ты не видишь, что осталась всего одна минута? – сквозь слёзы спрашивал Вопросительный.

Одна последняя минута... А что будет потом? Я зажмурил глаза и стал быстро-быстро рассуждать:

– А если поставить запятую после слов «казнить нельзя»? Тогда получится: «Казнить нельзя, помиловать». Вот это мне и надо! Решено. Ставлю.

Я подошёл к столу и нарисовал большую запятую в приговоре после слова «нельзя». В ту же самую минуту часы пробили двенадцать раз.

– Ура! Победа! Ах! Хорошо! Чудесно! – радостно прыгал Восклицательный, а вместе с ним и Кузя.

Запятая сразу подобрела:

– Помни, что когда ты даёшь своей голове работу, всегда добиваешься цели. Не сердись на меня. Лучше подружись со мной. Когда ты научишься ставить меня на моё место, я не причиню тебе никаких неприятностей.

Я твёрдо обещал ей, что научусь.

Наш мяч зашевелился, и мы с Кузей заторопились.

– До свидания, Витя! – кричали вслед знаки препинания. Мы ещё с тобой встретимся на страницах книг, на листах твоих тетрадей!

– Не путай меня с братом! – кричал Восклицательный. – Я всегда восклицаю!

– Ты не забудешь, что я всегда спрашиваю? – спрашивал Вопросительный.

Мяч выкатился за ворота. Мы побежали за ним. Я оглянулся и увидел, что все машут мне руками. Даже важный Глагол выглянул из окна замка. Я помахал им всем сразу обеими руками и бросился догонять Кузю.

Долго ещё слышались выкрики Восклицательного. Потом всё смолкло, и замок скрылся за холмом.

Мы с Кузей шли за мячом и обсуждали всё, что с нами произошло. Я был очень рад, что не вызвал Географию, спас себя сам.

– Да, это вышло удачно, – согласился Кузя. – Мне припоминается похожая история. Один мой знакомый кот служил в мясном магазине. Он никогда не ждал, пока продавец расщедрится и бросит ему довесок. Он сам угощался лучшим мясом. Этот кот всегда говорил: «Никто так о тебе не позаботится, как ты сам».

Что за противная привычка была у Кузи десять раз на дню рассказывать всякие некрасивые истории про каких-то драных кошек и котов. Чтобы облагородить Кузю, я стал рассказывать ему о дружбе между людьми и животными. Вот, например, он сам, Кузя, вёл себя, как верный друг, когда я попал в беду. Теперь уж я могу на него положиться. Кузя замурлыкал на ходу. Видно, ему нравится, когда его хвалят. Но тут же он вспомнил какую-то рыжую кошку Фроську, которая говорила: «Ради дружбы отдам последнюю мышь». Мне стало ясно, что облагородить его не удастся. Кузя – животное неподдающееся. Даже сама Зоя Филипповна ничего не смогла бы с ним поделать. Я решил рассказать ему ещё одну полезную историю, которую слышал от папы.

Как люди одомашнили некоторых животных. Я ему рассказал, как кошки и собаки стали друзьями человека. Как человек выбрал их среди других животных. Как вы думаете, что мне ответил этот нахальный кот? Собаку, по его мнению, человек выбрал сам и тем самым совершил ужасную ошибку. Ну а кошку... с кошкой всё обстояло не так. Потому что не человек выбрал кошку, а кошка выбрала человека.

Меня так рассердили Кузины рассуждения, что я надолго замолчал. Продолжай я с ним разговаривать, так он, чего доброго, дошёл бы до того, что объявил царём природы не человека, а кошку.

Нет, Кузиным воспитанием надо было заняться серьёзно. Почему я раньше не задумывался об этом? Почему я раньше вообще ни о чём не задумывался? Запятая сказала, что если я дам своей голове работу, то всегда выйдет толк. И правда. Я подумал тогда у ворот, вспомнил правило, которое почти забыл, и оно мне здорово пригодилось. Помогло мне это и тогда, когда я с карандашом в руках решал, куда ставить занятую. Я бы, наверно, никогда не отставал в классе, если бы думал о том, что делаю. Конечно, для этого надо слушать на уроке, что говорит учительница, а не играть в крестики-нолики. Что я, глупее Женьчика, что ли? Если я закалю волю и возьму себя в руки, ещё не известно, у кого будут лучшие отметки к концу года.

А интересно было бы посмотреть, как справилась бы на моём месте Катя? Хорошо, что она не видела меня в замке у Глагола. Вот разговоров было бы... Нет, всё же я доволен, что побывал в этой стране. Во-первых, я теперь всегда буду правильно писать слова «собака» и «солнце». Во-вторых, я понял, что правила грамматики учить всё же надо. Они могут пригодиться при случае. А в-третьих, оказалось, что знаки препинания в самом деле нужны. Вот если бы мне дали прочесть целую страницу без знаков препинания. Смог бы я её прочесть и понять, что там написано? Я бы читал, читал, не переводя дыхания, пока не задохнулся. Что тут хорошего? Кроме того, я мало что понял бы от такого чтения.

Так я думал про себя. Кузе всё это рассказывать было бы не к чему. Я так раздумался, что не сразу заметил, когда кот начал жаловаться на жару. В самом деле, становилось всё жарче и жарче. Потом я увидел, что трава под ногами сильно пожелтела. Листья свернулись в трубочку. Земля стала твёрдая, словно асфальт, а местами даже потрескалась.

Очень захотелось пить, но нигде не было ни одного ручейка. Кузя изнывал от жажды. Я сам много бы дал за стакан газированной с сиропом. Но об этом можно было только мечтать.

Мы шли мимо русла высохшей речки. На его дне, как на сковородке, валялись сухие рыбки.

– Куда девалась вода? – жалобно спрашивал Кузя. – Неужели тут нет ни графинов, ни чайников, ни вёдер, ни кранов? Нет всех этих полезных и хороших вещей, из которых добывается вода?

Я молчал. Мой язык как будто высох и не ворочался.

А наш мяч всё катился. Он остановился только на полянке, выжженной солнцем. Посредине неё торчало голое скрюченное дерево. А вокруг поляны скрипел сухими, чёрными ветками голый лес.

Я сел на холмик, засыпанный пожелтевшими листьями. Кузя прыгнул ко мне на колени. Ох, как нам хотелось пить! Я даже не знал, что можно так хотеть воды. Всё время я как будто видел холодную струю. Она так красиво льётся из крана и весело поёт. Вспоминался мне и наш хрустальный кувшин и даже капельки на его хрустальных бочках.

Я закрыл глаза и, как во сне, увидел тётю Любашу: на углу нашей улицы она продавала газированную воду. Тётя Любаша держала стакан холодной воды с вишнёвым сиропом. Ах, этот стаканчик бы!.. Пусть даже без сиропа. Да что там стаканчик! Сейчас я мог бы выпить целое ведро.

Вдруг холмик подо мной зашевелился. Потом стал расти и сильно раскачиваться.

– Держись, Кузя! – закричал я и скатился вниз.

– Здесь даже горки и то сумасшедшие, – ворчал Кузя.

– Я не горка, я верблюд, – услышали мы чей-то жалобный голос.

Наша «горка» встала на ноги, отряхнула с себя листья, и мы в самом деле увидели верблюда. Кузя тут ж выгнул спину и спросил:

– А не собираетесь ли вы съесть мальчика и его верного кота?

Верблюд сильно обиделся.

– Неужели вы не знаете, кот, что верблюды едят траву, сено и колючки? – насмешливо спросил он Кузю. – Единственная неприятность, которую я могу вам сделать, – это плюнуть на вас. Но я не собираюсь плеваться. Мне не до этого. Даже я, верблюд, умираю от жажды.

– Пожалуйста, не умирайте, – попросил я бедного верблюда, но он только жалобно застонал.

– Никто дольше верблюда не может переносить жажду. Но наступает время, когда и верблюд протягивает ноги. В лесу погибло уже много зверей. Ещё есть живые, но и они умрут, если их немедленно не спасти.

Из лесу доносились тихие стоны. Мне было так жалко несчастных зверушек, что я немножко забыл о воде.

– А могу я чем-нибудь помочь им? – спросил я верблюда.

– Ты можешь их спасти, – ответил верблюд.

– Тогда побежим в лес, – сказал я.

Верблюд засмеялся от радости, а Кузя совсем не обрадовался.

– Думай, что говоришь, – недовольно шипел кот. – Как это ты можешь их спасти? Какое тебе дело до них?

– Ты эгоист, Кузя, – сказал я ему спокойно. – Обязательно пойду их спасать. Вот верблюд расскажет мне, что надо сделать, я их и спасу. А ты, Кузя...

Только было собрался сказать Кузе, что я думаю о его выходке, как... рядом со мной что-то сильно затрещало. Скрюченное дерево распрямило сухие ветки и превратилось в сморщенную, худую старуху в рваном платье. В её спутанных волосах застряли сухие листья.

Верблюд шарахнулся в сторону. Старуха стала разглядывать нас с Кузей. Мне было совсем не страшно, даже когда она загудела басом:

Кто здесь кричит, нарушая покой?
Скверный мальчишка, кто ты такой?

– Не говори, что ты Перестукин, – испуганно зашептал Кузя. – Скажи, что ты Серокошкин.

– Сам ты Серокошкин. А моя фамилия Перестукин, и мне нечего её стыдиться.

Как только старуха услышала это, она сразу переменилась: согнулась пополам, состроила сладкую улыбку и от этого стала ещё противней. И вдруг... она стала расхваливать меня на все лады! Она хвалила, я удивлялся, а верблюд стонал. Она говорила, что именно я, Виктор Перестукин, помог ей превратить зелёный лес в сухие брёвна. Все борются с засухой, один только я, Виктор Перестукин, оказался её лучшим другом и помощником. Оказывается, что я, Виктор Перестукин, сказал на уроке волшебные слова...

– Так я и знал! – отчаянно завопил Ку-зя. – Наверно, ты, хозяин, брякнул что-нибудь неподходящее.

– Твой хозяин, – застонал верблюд, – брякнул на уроке, что вода, которая испаряется с поверхности рек и озёр, морей и океанов,

исчезает.

– Круговорот воды в природе, – вспомнил я. – Зоя Филипповна! Пятая двойка!..

Старуха выпрямилась, подбоченилась и забасила:

Он правильно сказал, что навсегда
Исчезнет ненавистная вода
И всё живое сгинет без следа.

Это чучело почему-то говорило только стихами. От слов пить хотелось ещё больше. Из лесу снова послышались стоны. Верблюд подошёл ко мне и зашептал на ухо:

– Ты можешь спасти несчастных... Вспомни круговорот воды, вспомни!

Легко сказать – вспомни. Зоя Филипповна битый час держала меня у доски, и то я ничего не мог вспомнить.

– Ты должен вспомнить! – злился Кузя. – По твоей вине мы страдаем. Ведь это ты сказал на уроке дурацкие слова.

– Какая ерунда! – закричал я сердито. – Что могут сделать слова?

Старуха заскрипела своими сухими сучьями и опять стала говорить стихами:

Вот что сделали слова:
В сено высохла трава,
Больше дождь не будет капать,
Звери вытянули лапы.
Пересохли водопады
И засохли все цветы.
Это то, что мне и надо —
Царство мёртвой красоты.

Нет, это было невыносимо! Кажется, я в самом деле что-то натворил. Придётся всё-таки вспомнить круговорот. И я начал бормотать:

– Вода, испаряясь с поверхности рек, озер, морей...

Старуха испугалась, что я вспомню, и пустилась плясать, да так, что сухие ветки и листья летели во все стороны. Она волчком вертелась передо мной и выкрикивала:

Я ненавижу воду,
Дождей я не терплю.
Засохшую природу
Я до смерти люблю.

Голова у меня кружилась, пить хотелось всё больше и больше, но я не сдавался и вспоминал изо всех сил.

– Вода испаряется, превращается в пар, превращается в пар и...

Старуха подбежала ко мне, замахала руками перед самым моим носом и стала шипеть:

В это самое мгновенье
На тебя найдёт забвенье,
Всё, что знал и что учил,
Ты забыл, забыл, забыл...

О чём я спорил со старухой? Почему злился на неё? Ничего не помню.

– Вспоминай, вспоминай! – отчаянно кричал Кузя, прыгая на задних лапах. – Ты говорил, вспоминал...

– О чём говорил?

– О том, что пар превращается...

– Ах, да, пар!.. – Я вдруг всё вспомнил. – Пар охлаждается, превращается в воду и падает на землю дождём. Идёт дождь!

Внезапно набежали тучки и сразу же на землю упали крупные капли. Потом они стали падать всё чаще и чаще – земля потемнела. Зазеленели листья деревьев и трава. По руслу реки весело побежала вода. С вершины скалы с шумом хлынул водопад. Из лесу послышались радостные голоса зверей и птиц.

Я, Кузя и верблюд, промокшие насквозь, плясали вокруг перепуганной Засухи и кричали ей прямо в её корявые уши.

Дождик, дождик, шибче лей-ка!
Гибни Засуха-злодейка!
Будет дождик долго лить,
Будут звери много пить.

Старуха вдруг изогнулась, растопырила руки и снова превратилась в сухое скрюченное дерево. Все деревья шумели свежими зелёными листьями, только дерево – Засуха – стояло голое и сухое. Ни одна дождинка на него не падала.

Из лесу выбежали звери. Они вволю напились воды. Зайцы прыгали и кувыркались. Лисы махали рыжими хвостами. Белки скакали по веткам. Ежи катились как мячики. А птицы стрекотали так оглушительно, что я не мог понять ни одного слова из всей их болтовни. Моего кота охватил телячий восторг. Можно было подумать, что он нализался валерьянки.

– Пейте! Лакайте! – кричал Кузя. – Это мой хозяин сделал дождь! Это я помог хозяину достать столько воды! Пейте! Лакайте! Пейте сколько влезет! Мы с хозяином угощаем всех!

Не знаю, сколько времени мы бы вот так веселились, если бы из лесу не раздался страшный рев. Птицы исчезли. Звери мгновенно разбежались, словно их тут и не было. Только верблюд остался, но и он задрожал от страха.

– Спасайтесь! – закричал верблюд. – Это белый медведь. Он заблудился. Бродит тут и ругает какого-то Виктора Перестукина. Спасайтесь!

Мы с Кузей быстро зарылись в кучу листьев. Бедняга верблюд не успел удрать.

На полянку ввалился огромный белый медведь. Он стонал и обмахивался веткой. Он жаловался на жару, рычал и ругался. Наконец он заметил верблюда. Мы не дыша лежали под мокрыми листьями, все видели и все слышали.

– Это что такое? – ревел медведь, указывая лапой на верблюда.

– Это, простите, я, верблюд. Травоядное животное.

– Я так и думал. Горбатая корова. Зачем ты родился таким уродом?

– Простите. Больше не буду.

– Прощу, если ты скажешь, где находится север.

– С большой радостью скажу, если вы мне объясните, что такое север. Круглое это или длинное? Красное или зелёное? Чем пахнет и какое на вкус?

Медведь, вместо того чтобы поблагодарить вежливого верблюда, с рёвом на него набросился. Тот припустил изо всех своих длинных ног в лес. В минуту оба исчезли из глаз.

Мы выползли из кучи листьев. Мяч медленно тронулся, и мы побрели за ним. Мне очень жаль было, что из-за этого грубияна медведя мы потеряли такого хорошего парня, как верблюд. Но Кузя о верблюде не жалел. Он всё ещё продолжал хвастаться, что мы с ним «сделали воду». Я не слушал его болтовни. Я опять думал. Так вот что значит круговорот воды в природе! Оказывается, вода на самом деле не исчезает. Она просто превращается в пар, а потом охлаждается и опять падает на землю в виде дождя. А если бы она совсем исчезала, то понемножку бы солнце все высушило и мы, люди, и животные, и растения высохли. Как те рыбки, которых я видел на дне высохшей речки. Вот так, так! Выводит, что Зоя Филипповна поставила мне двойку за дело. Самое смешное, что и на уроке она говорила мне то же самое, и не раз. Почему же я не понял и не запомнил? Потому, наверно, что слушал и не слышал, смотрел и не видел...

Солнце не было видно, а все же становилось жарко. Снова захотелось пить. Но хотя лес по сторонам нашей дорожки и зеленел, речки мы нигде не видели.

Мы всё шли да шли. Кузя успел рассказать мне с десяток историй про собак, котов и мышей. Оказывается, он близко знаком с Люськиной кошкой Топси. Мне всегда казалось, что Топси вялая и неигривая. К тому же она очень уж плаксиво и противно мяукала. Не замолчит, пока ей чего-нибудь не сунешь. А я не люблю попрошаек. Кузя мне рассказал, что Топси к тому же ещё и воровка. Кузя клялся, что это она на прошлой неделе стащила у нас большой кусок свинины. Моя мама подумала на него и отхлестала его мокрым кухонным полотенцем. Кузе это было не так больно, как обидно. А Топси так обожралась свинины, что даже заболела. Люсина бабушка носила её к ветеринару. Вот я вернусь, открою Люське глаза на её милую кошечку.

За разговорами мы и не заметили, как подошли к какому-то чудноЄму городу. Дома в нём были круглые, как цирк Шапито, или квадратные или даже треугольные. Людей на улицах видно не было.

Наш мяч вкатился на улицу странного города и замер. Мы подошли к большому кубу и остановились перед ним. Два кругленьких человечка в белых халатах и шапочках продавали газированную воду. На шапочке у одного продавца был нарисован плюс, а у другого – минус.

– Скажите, – робко спросил Кузя, – а вода у вас настоящая?

– Положительно настоящая, – ответил Плюс. – Не желаете ли выпить?

Кузя облизнулся. Нам очень хотелось пить, но вот беда, у меня не было ни копейки, а у Кузи и подавно.

– У меня нет денег, – признался я продавцам.

– А у нас вода продаётся не за деньги, а за правильные ответы.

Минус хитро прищурился и спросил:

– Семью девять?

– Семью девять... семью девять, – забормотал я, – кажется, тридцать семь.

– Мне так не кажется, – сказал Плюс.

– Ответ отрицательный, – добавил Минус.

– Дайте мне бесплатно, – попросил Ку-зя. – Я кот. И не обязан знать таблицу умножения.

Оба продавца вынули какие-то бумаги, читали их, листали, просматривали и потом хором объявили Кузе, что у них нет распоряжения бесплатно поить неграмотных котов. Пришлось Кузе только облизнуться.

К киоску подкатил велосипедист.

– Скорее воды! – закричал он, не слезая с велосипеда. – Я очень тороплюсь.

– Семью семь? – спросил Минус и протянул ему стакан с искристой розовой водой.

– Сорок девять, – ответил гонщик, на ходу выпил воду и умчался.

Я спросил продавцов, кто он такой. Плюс рассказал, что это знаменитый гонщик, который занимается тем, что проверяет домашние работы по арифметике.

Ужасно хотелось пить. Особенно когда перед глазами стояли сосуды с прохладной розовой водой. Я не выдержал и попросил задать ещё вопрос.

– Восемью девять? – спросил Минус и налил воды в стакан. Она так и шипела, так и покрывалась пузырьками!

– Семьдесят шесть! – выпалил я, надеясь, что попаду.

– Мимо, – сказал Минус и выплеснул воду. Было страшно неприятно смотреть, как чудесная вода впитывалась в землю.

Кузя стал тереться о ноги продавцов и униженно просить, чтобы они задали его хозяину лёгкий, самый лёгонький вопрос. Я прикрикнул на Кузю. Он замолчал, а продавцы насмешливо переглянулись.

– Дважды два? – улыбаясь спросил Плюс.

– Четыре, – ответил я сердито. Мне было почему-то очень стыдно. Я выпил полстакана, а остальное отдал Кузе. Ах, как хороша была вода! Даже тётя Любаша никогда такую не продавала. Но воды было так мало, что я даже не разобрал, с каким она сиропом.

Гонщик снова показался на дороге. Он быстро крутил педали и пел:

Распевая, едет, едет,
Едет гонщик молодой.
На своём велосипеде
Он объехал шар земной.
Он летит быстрее ветра,
Не устанет никогда,
Сотни тысяч километров
Отмахает без труда.

Велосипедист проехал мимо и кивнул головой. Мне показалось, что он зря храбрится и уверяет в своей неутомимости. Я только хотел сказать об этом Кузе, как заметил, что кот сильно чем-то испуган. Шерсть у него стала дыбом, хвост распушился, спина изогнулась. Неужели здесь есть собаки?

– Спрячь, спрячь меня скорей! – взмолился Кузя. – Я боюсь... Я вижу...

Я осмотрелся, но ничего на дороге не заметил. Но Кузя дрожал и твердил, что видит ноги.

– Чьи ноги? – удивился я.

– В том-то и дело, что ничьи, – ответил кот. – Очень я боюсь, когда ноги ходят сами, без хозяина.

И правда, на дорогу вышли... Ноги. Это были большие мужские ноги в старых башмаках и грязных рабочих брюках с оттопыренными карманами. На поясе брюки стягивал ремень, а выше ничего не было.

Ноги подошли ко мне и остановились. Мне стало как-то не по себе.

– А где же все остальное? – решился спросить я. – То, что выше пояса?

Ноги молча потоптались и замерли.

– Простите, вы что, живые ноги? – снова спросил я.

Ноги качнулись вперед и назад. Наверно, они хотели сказать «да». Кузя урчал и фыркал. Ноги пугали его.

– Это опасные Ноги, – шипел он потихоньку. – Они убежали от своего хозяина. Порядочные Ноги так никогда не делают. Это нехорошие Ноги. Это беспризор...

Кот не успел договорить. Правая Нога дала ему здоровенного пинка. Кузя с визгом отлетел в сторону.

– Вот видишь, видишь! – вопил он, отряхиваясь от пыли. – Это злые Ноги, отойди от них подальше!

Кузя хотел обойти Ноги сзади, но они изловчились и лягнули его. От обиды и боли кот кричал до хрипоты. Чтобы он успокоился, я взял его на руки и стал чесать ему подбородок и лобик. Он очень это любит.

Из треугольного дома вышел мужчина в спецовке. На нем были точно такие же брюки и башмаки, как и у Ног. Мужчина подошёл поближе к Ногам и сказал:

– Не ходи ты далеко от меня, товарищ, заблудишься.

Мне захотелось узнать, кто отхватил этому товарищу половину туловища.

– Не трамвай ли его перерезал? – спросил я.

– Он был таким же землекопом, как и я, – грустно ответил мужчина. – И не трамвай его переехал, а ученик четвёртого класса Виктор Перестукин.

Уж это было слитков! Кузя зашептал мне:

– А не лучше ли нам убраться отсюда подобру-поздорову?

Я посмотрел на мяч. Он лежал спокойно.

– Взрослым стыдно говорить неправду, – упрекнул я землекопа. – Как мог Витя Перестукин переехать человека? Это же сказки.

Землекоп только вздохнул:

– Ничего ты, мальчик, не знаешь. Этот Виктор Перестукин решал задачу, и у него получилось, что траншею выкопали полтора землекопа. Вот и осталась от моего товарища только половина...

Тут я вспомнил задачу про погонные метры. Землекоп тяжело вздохнул и спросил, доброе ли у меня сердце. Откуда мне было это знать? Никто про это со мной не говорил.

– Не знаю, – ответил я честно.

– Если бы у тебя было доброе сердце, – печально говорил землекоп, – ты пожалел бы моего бедного друга и постарался ему помочь. Надо только правильно решить задачу, и он снова станет тем, кем был раньше.

– Попробую, – сказал я, – попробую... А вдруг не сумею!

Землекоп порылся в кармане и вытащил смятый листок. На нём моим почерком было написано решение задачи. Я задумался. А вдруг опять ничего не выйдет? А если случится, что траншею выкопал один с четвертью землекопа? Тогда от его товарища останется всего одна нога? Мне даже стало жарко от таких мыслей.

Потом я вспомнил совет Запятой. Это меня немножко успокоило. Буду думать только о задаче, буду решать медленно. Буду рассуждать, как учил меня Восклицательный.

Я посмотрел на Плюса и Минуса. Они насмешливо подмигивали друг другу своими одинаковыми круглыми глазками. Не дали небось, жадюги, напиться!.. Я показал им язык. Они не удивились и не обиделись. Наверно, не поняли.

– Ваше мнение о мальчике, братец Минус? – спросил Плюс.

– Отрицательное, – ответил Минус. – А ваше, братец Плюс?

– Положительное, – кисло сказал Плюс.

По-моему, он врал. Но после их разговора я твердо решил справиться с задачей. Я начал решать. Думал только о задаче. Рассуждал, рассуждал, рассуждал до тех пор, пока задача не

решилась. Ну и здорово же я обрадовался! Оказалось, что для рытья траншеи потребовалось не полтора, а целых два землекопа.

– Получилось два землекопа! – объявил я решение задачи. И тут же Ноги сразу превратились в землекопа. Он был точно такой же, как и первый. Оба они поклонились мне и сказали:

В работе, жизни и труде
Желаем мы тебе удачи.
Учись всегда, учись везде
И правильно решай задачи.

Плюс и Минус сорвали с головы шапочки, подбросили их в воздух и весело выкрикивали:

– Пятью пять – двадцать пять! Шестью шесть – тридцать шесть!

– Спаситель ты мой! – кричал второй землекоп.

– Великий математик! – восторгался его товарищ. – Встретишь Виктора Перестукина – передай, что он лодырь, глупый и злой мальчишка!

– Уж кто-кто, а он обязательно передаст, – съехидничал Кузя.

Мне пришлось обещать, что передам. А то землекопы ни за что не убрались бы.

Конечно, нехорошо, что они меня под конец обругали, но всё же мне было очень приятно, что я сам решил эту трудную задачу. Ведь её не могла решить даже Люськина бабушка, хотя она очень способная к арифметике. Может быть, у меня уже начал вырабатываться характер? Вот это было бы здорово!

Снова проехал велосипедист. Он уже не пел и не пил. Видно было, что он едва держался в седле.

Кузя неожиданно выгнул спину и зашипел.

– Что с тобой? Опять ноги? – спросил его я.

– Не ноги, а лапы, – ответил кот, – а на лапах зверь. Спрячемся...

Мы с Кузей бросились к маленькому круглому домику с решетчатым окном. Дверь оказалась запертой, и нам пришлось забиться под крыльцо. Там, лежа под крыльцом, я вспомнил, что мне надо презирать опасность, а не прятаться. Я уже было выглянул, но увидел на дороге нашего старого знакомого белого медведя. Надо

было бы вылезти, но... очень уж страшно. Белых медведей даже укротители и то боятся.

Наш белый медведь казался ещё более злым, чем при первой встрече. Он вздыхал, рычал, ругал меня, умирал от жажды, искал север.

Мы притаились, пока он не прошёл мимо домика. Кузя стал допытываться, чем бы это я мог досадить страшному зверю. Чудак Кузя. Если бы я сам это знал.

– Белый медведь – злой и беспощадный зверь, – пугал меня Кузя. – Интересно, ест ли он котов?

– Пожалуй, если и ест, то только морских котов, – сказал я Кузе, чтобы немножко его успокоить. Но точно я и сам не знал.

Вообще пора бы отсюда убираться. Делать здесь было нечего. Но мяч лежал, и нам приходилось ждать.

Из круглого домика, под крыльцом которого мы прятались, донёсся жалобный стон. Я подошёл поближе.

– Больше не ввязывайся ни в какие истории, – попросил меня Кузя.

Я постучал в дверь. Раздался ещё более жалобный стон. Заглянул в окно, но ничего не увидел. Тогда я стал колотить кулаком в дверь и громко кричать:

– Эй, кто там?

– Это я, – послышалось в ответ. – Невинно осуждённый.

– А кто ты такой?

– Я несчастный портной, меня обвинили в краже.

Кузя прыгал вокруг меня и требовал, чтобы я не связывался с вором. А мне было интересно узнать, что же украл портной. Я стал его расспрашивать, но портной не хотел сознаваться и уверял, что он самый честный человек на свете. Он говорил, что его оклеветали.

– Кто же вас оклеветал? – спросил я портного.

– Виктор Перестукин! – нахально ответил заключённый.

Да что это на самом деле? То половина землекопа, то вор портной...

– Это неправда, неправда! – закричал я в окошко.

– Нет, правда, правда, – канючил портной. – Вот послушай. Как заведующий швейной мастерской, я получил двадцать восемь метров ткани. Надо было узнать, сколько костюмов можно из неё сшить. И

вот на моё горе этот самый Перестукин решает, что должен сшить из двадцати восьми метров двадцать семь костюмов да ещё получить один метр в остатке. Ну как можно сшить двадцать семь костюмов, когда только на один костюм идёт три метра?

Я вспомнил, что именно за эту задачу мне влепили одну из пяти двоек.

– Ерунда какая-то, – сказал я.

– Бред собачий, – добавил Кузя.

– Да, для вас ерунда, – захныкал портной, – а с меня на основании этого решения потребовали двадцать семь костюмов. Откуда бы я их взял? Тогда меня обвинили в краже и посадили в тюрьму.

– А нет ли у вас с собой этой задачи? – спросил я.

– Конечно, есть, – обрадовался портной. – Мне её вручили вместе с копией приговора.

Через решётку он протянул мне бумагу. Я её развернул и увидел написанное моей рукой решение задачи. Совсем неправильное решение. Я сначала делил единицы, а потом десятки. Потому так глупо и получилось. Тут даже и думать много не пришлось, чтобы всё исправить. Я сказал портному, что он должен был сшить всего девять костюмов.

В этот момент дверь сама распахнулась и из неё выбежал человек. На поясе у него болтались большие ножницы, а на шее висел сантиметр. Человек обнял меня, подпрыгнул на одной ножке и закричал:

– Слава великому маленькому неизвестному математику! Позор Виктору Перестукину!

Потом он ещё раз подпрыгнул и убежал. Его ножницы звякали, а сантиметр развевался по ветру.

На дорогу выехал еле живой велосипедист. Он задыхался, а потом свалился с велосипеда. Я бросился поднимать его, но ничего не мог сделать. Он хрипел и закатывал глаза.

– Умираю, умираю на посту, – шептал велосипедист. – Я не могу выполнить это страшное решение. Ах, мальчик, передай школьникам, что гибель весёлого гонщика на совести Виктора Перестукина. Пусть отомстят за меня...

– Неправда! – возмутился я. – Никогда я вас не губил. Я вас даже не знаю!

– А... Так ты и есть Перестукин, – сказал гонщик и приподнялся. – Ну-ка, лодырь, реши задачу правильно, а не то тебе придётся худо.

Он сунул мне в руки листок с задачей. Пока я читал условие задачи, гонщик ворчал:

– Решай, решай! Ты у меня узнаешь, как вычитать метры из людей. Ты у меня погоняешь велосипедистов по сто километров в час.

Конечно, сначала я старался решить задачу. Рассуждал, как только мог, но пока ничего не получалось. По совести говоря, мне очень не понравилось, что гонщик так грубо со мной обращался. Когда меня просят помочь – это одно дело, а вот когда заставляют – другое. И вообще, попробуйте-ка сами думать, когда рядом с вами топают от злости ногами и ругают вас на все корки. Гонщик своей злобной болтовнёй мешал мне думать. Мне даже расхотелось рассуждать. Конечно, надо было взять себя в руки, но я, видно, ещё не достаточно выработал волю для этого. Кончилось тем, что я бросил листок и сказал:

– Задача не выходит.

– Ах, не выходит? – зарычал гонщик. – Тогда сядешь туда, откуда ты выпустил портного! Посидишь там, подумаешь, пока не решишь.

В тюрьму мне не хотелось. Я бросился бежать. Гонщик помчался за мной. Кузя вскочил на крышу тюрьмы и оттуда всячески поносил гонщика. Он его сравнивал со всеми свирепыми псами, каких только встречал в жизни. Конечно, гонщик догнал бы меня, если бы не кот. Прямо с крыши Кузя бросился ему под ноги. Гонщик упал. Я не стал ждать, когда он поднимется, вскочил на его велосипед и покатил по дороге.

Гонщик и Кузя скрылись из виду. Я ещё проехал немножко и слез с велосипеда. Надо было подождать Кузю и найти мяч. В суматохе я даже забыл посмотреть, где он. Я бросил велосипед в кусты, а сам свернул в лес, сел под дерево отдохнуть. Когда стемнеет, решил я, пойду искать своего кота. Было тепло и тихо, и я, прислонившись к дереву, незаметно уснул. Когда открыл глаза, то увидел, что рядом со мной стоит старушка, опираясь на палочку. Она была в синей короткой юбке и белой кофточке. На её седых косичках торчали

пышные банты из белых нейлоновых лент. Такие ленты носили все наши девочки. Но больше всего меня удивило, что на её сморщенной шее болтался красный пионерский галстук.

– Бабушка, а почему на вас пионерский галстук? – спросил я.

– Потому что я пионерка, – старушечьим голосом ответила она. – А ты, мальчик, из какого класса?

– Из четвёртого.

– И я из четвёртого... Ох, как болят мои ноги! Я прошла много тысяч километров. Сегодня наконец должна встретиться со своим братом. Он идёт мне навстречу.

– А почему вы идёте так долго?

– О, это длинная и печальная история! – вздохнула старушка и села рядом со мной. – Один мальчик решал задачу. Из двух сёл, расстояние между которыми двенадцать километров, вышли навстречу друг другу брат и сестра...

У меня просто заныло под ложечкой. Я сразу понял, что добра от её рассказа нечего ждать. А старушка продолжала:

– Мальчик решил, что они встретятся через шестьдесят лет. Мы подчинились этому глупому, злому, неправильному решению. И вот всё идём, идём... Измучились, постарели.

Наверно, она бы ещё долго жаловалась и рассказывала о своём путешествии, но вдруг из-за кустов вышел старичок. Он был в трусиках, белой блузе и красном галстуке.

– Здравствуй, сестра! – прошамкал старичок-пионер.

Старушка расцеловала старичка. Они смотрели друг на друга и горько плакали. Мне стало очень их жаль. Я взял у старушки задачу и хотел её перерешить. Но она только вздохнула и покачала головой. Она сказала, что эту задачу должен решить только Виктор Перестукин. Пришлось сознаться, что Перестукин – это я. Лучше бы я этого не делал!..

– Теперь ты пойдёшь с нами, – строго сказал старичок.

– Не могу, мне мама не позволяет, – отбивался я.

– А нам мама позволяла уходить из дому без спроса на шестьдесят лет?

Чтобы старички-пионеры мне не мешали, я залез на дерево и стал там решать. Задачка была пустяковая, не то что про гонщика. Я справился с нею быстро.

– Вы должны были встретиться через два часа! – закричал я сверху.

Старички тотчас же превратились в пионеров. Они очень обрадовались. Я слез с дерева и веселился вместе с ними. Мы взялись за руки, танцевали и пели:

Мы теперь уж не седые,
Мы ребята молодые.
Мы теперь не старики,
Мы опять ученики.
Мы закончили задачу.
Больше незачем шагать!
Мы свободны. Это значит —
Можно петь и танцевать!

Брат и сестра помахали мне на прощание и убежали.

Я опять остался один и начал думать о Кузе. Где мой бедный кот? Без него было скучно. Я вспоминал его смешные советы, кошачьи истории, и мне становилось всё грустнее... Совсем один в этой непонятной стране! Надо было скорее отыскать Кузю.

К тому же я потерял мяч. Это меня мучило. А если я никогда не смогу вернуться домой? Что ожидает меня? Ведь каждую минуту здесь может случиться что-нибудь страшное. А не вызвать ли мне Географию?

Я решил идти вперёд и считать до тысячи. Если за это время ничего не произойдёт, я буду считать до двух тысяч, ну а если что-то случится, тогда позову на помощь.

Шёл и нарочно считал очень медленно. Лес становился всё гуще. Я крикнул:

– Кузя!

Откуда-то донеслось глухое мяуканье. Я очень обрадовался и стал громко звать кота.

– Я здесь, – послышался наконец далёкий неясный голос Кузи.

– Где ты? Я тебя не вижу.

– Сам ничего не вижу, – жаловался глухо Кузя. – Посмотри наверх.

Я поднял голову и стал внимательно осматривать ветки. Они качались и шумели. Кузи нигде не было видно. Вдруг я заметил среди листвы серый мешок. В нём что-то шевелилось. Я тут же влез на дерево, добрался до мешка и развязал его. Охая и фыркая, оттуда вывалился растрёпанный Кузя. Мы очень обрадовались, что нашли друг друга.

Кузя рассказал о том, как гонщик поймал его, сунул в мешок и повесил на дерево. Гонщик очень зол на меня. Он всюду разыскивает свой велосипед. Если гонщик поймает нас, то непременно посадит в тюрьму за угон велосипеда и нерешённую задачу.

Мы стали выбираться из леса. Вышли на небольшую полянку, где росло красивое высокое дерево. На нём висели булки, сайки, бублики и крендельки.

Хлебное дерево! Когда я говорил на уроке, что на хлебном дереве растут булочки и бублики, все смеялись надо мной. А что теперь сказали бы ребята, увидев это дерево?

Кузя нашёл другое дерево, на котором росли вилки, ножи, ложки. Железное дерево! И о нём я рассказывал. Тогда тоже все смеялись.

Кузе хлебное дерево понравилось больше, чем железное. Он понюхал румяную булочку. Ему очень хотелось съесть её, но он не решался.

– Съешь, да и превратишься ещё в собаку, – ворчал Кузя. – В этой странной стране надо всего остерегаться.

А я сорвал булку и съел. Она была тёплая, вкусная, с изюмом. Когда мы оба подкрепились, Кузя начал искать колбасное дерево! Но здесь такие деревья не росли. Пока мы ели булочки и болтали, из лесу вышла большая рогатая корова и уставилась на нас. Наконец-то мы увидели доброе домашнее животное. Не свирепого медведя, даже не верблюда, а милую деревенскую Бурёнку.

– Здравствуй, дорогая коровушка!

– Здравствуй, – равнодушно ответила корова и подошла ближе. Она внимательно разглядывала нас, Кузя спросил, чем это мы так ей поправились.

Корова подошла ещё ближе и нагнула рога. Мы с ней переглянулись.

– Что ты собираешься делать, корова? – спросил кот.

– Ничего особенного. Я просто съем тебя.

– Да ты с ума сошла! – удивился Кузя. – Коровы не едят котов. Они едят траву. Это же все знают!

– Не все, – возразила корова. – Виктор Перестукин, например, не знает. Он сказал на уроке, что корова – животное плотоядное. Поэтому я и стала есть других животных, почти всех здесь уже съела. Сегодня съем кота, а завтра мальчика. Можно, конечно, съесть обоих сразу, но при таком положении приходится быть экономной.

Никогда я не встречал такой противной коровы. Я доказывал ей, что она должна питаться сеном и травой. А есть человека она не смеет. Корова лениво махала хвостом и твердила своё:

– Всё равно я вас обоих съем. Начну с кота.

Мы так горячо спорили с коровой, что не заметили, как возле нас появился белый медведь. Бежать было уже поздно.

– Кто такие? – рявкнул медведь.

– Мы с хозяином путешествуем, – пискнул Кузя.

Я добавил, что путешествуем не просто так, бесцельно, а для образования. Медведь слушал, обмахивался веткой и ворчал. Ему было жарко в своей белой шубе.

Корова вмешалась в наш разговор. Она заявила, что мы с Кузей – её добыча, и она не уступит нас медведю. В лучшем случае медведь может закусить мальчиком, а о коте не может быть и речи. Она твёрдо решила съесть его сама. Видно, она думала, что кот вкуснее мальчика. Нечего сказать, милое домашнее животное!.. Не успел медведь ответить корове, как сверху послышался шум. На нас посыпались листья и сломанные ветки. На толстом суку усаживалась огромная и странная птица. У неё были длинные задние лапы, короткие передние, толстый хвост и хорошенькая мордочка. Два неуклюжих крыла торчали у неё за спиной. Птицы стаей носились вокруг неё и тревожно кричали. Наверно, они тоже впервые увидели такую пташечку.

– Что это ещё за уродина? – невежливо спросил медведь. А корова поинтересовалась, можно ли её есть. Кровожадная тварь! Мне хотелось запустить в неё камнем.

– Это птица? – спросил Кузя.

– Таких больших птиц не бывает, – ответил я.

– Эй, на дереве! – заревел медведь. – Ты кто такая?

– Я птица-кенгуру, – нежным голоском пропело чудовище.

– Врёшь, – разозлился медведь. – Кенгуру не летают. Ты зверь, а не птица.

Корова тоже подтвердила, что кенгуру не птица. И тут же добавила:

– Взгромоздилась такая туша на дерево и строит из себя соловья. Слезай вниз. Я тебя съем.

Кенгуру рассказала, что раньше она в самом деле была зверем, пока один добрый волшебник на уроке не объявил её птицей. После этого у неё выросли сильные крылья и она стала летать. Летать весело и приятно!

Завистливую корову слова кенгуру разозлили.

– Чего мы её слушаем? – спросила она медведя. – Давай её лучше скушаем.

Тут я схватил здоровенную еловую шишку и угодил корове прямо в нос.

– До чего же ты кровожадная! – упрекал я корову.

– Ничего не поделаешь. Это всё потому, что я плотоядная.

Мне понравилась весёлая кенгуру. Только она одна не ругала меня и ничего не требовала.

– Слушай, кенгуриха! – проревел медведь. – Неужели ты в самом деле стала птицей?

Кенгуру клялась, что рассказала правду. Теперь она даже учится петь. И тут же затянула смешным голоском:

Такое счастье сниться
Нам может лишь во сне:
Внезапно стала птицей.
Летать понятно мне!
Была я кенгуру,
А птицею умру!

– Безобразие! – возмутился медведь. – Всё перевернулось. Коровы едят котов. Звери летают, как птицы. Белые медведи теряют родной север. Где это видано?

Корова недовольно замычала. Такой порядок и ей был не по душе. Только кенгуру была всем довольна. Она сказала, что даже благодарна

за такое превращение доброму волшебнику Виктору Перестукину.

– Перестукину? – грозно спросил медведь. – Я ненавижу этого мальчишку. Вообще не люблю мальчишек!

И медведь бросился на меня. Я быстро взобрался на железное дерево. Кузя метнулся за мной. Кенгуру кричала, что стыдно и неблагородно преследовать беззащитного детёныша-человёныша. Но медведь лапами, а корова рогами стали трясти дерево. Кенгуру не могла видеть такую несправедливость, взмахнула крыльями и улетела.

– Не пытайся улизнуть, кот, – мычала снизу корова. – Я научилась ловить даже мышей, а их труднее поймать, чем кота.

Железное дерево раскачивалось всё сильней. Мы с Кузей бросали в корову и медведя ножи, вилки, ложки.

– Слезайте! – вопили звери.

Было ясно, что долго нам не продержаться. Кузя умолял меня срочно вызвать Географию. По правде сказать, я и сам уже хотел это сделать. Видели бы вы оскаленную жадную морду коровы!.. Она совсем не походила на ту красивую коровку, которая нарисована на сливочном шоколаде. А медведь был ещё страшнее.

– Вызывай скорей Географию! – вопил Кузя. – Я боюсь их, боюсь!

Кузя судорожно цеплялся за ветки. Неужели и я такой трус, как кот?

– Нет, мы ещё продержимся! – крикнул я Кузе, но ошибся.

Железное дерево закачалось, заскрежетало, и с него градом посыпались железные плоды, а вместе с ними свалились и мы с Кузей.

– У-у! – зарычал медведь. – Теперь-то я с вами разделаюсь...

Корова потребовала соблюдать правила охоты. Она уступает медведю мальчишку, а кот принадлежит ей.

Последний раз я решил уговорить корову:

– Послушай, Бурёнушка, ты всё-таки должна питаться травой, а не котами.

– Ничего не могу сделать. Я плотоядная.

– Да совсем ты не плотоядная, – доказывал я в отчаянии. – Ты... ты... парнокопытная.

– Ну и что ж? Я могу быть парнокопытной и плотоядной.

– Да нет же... ты сеноядное... фруктоядное...

– Хватит молоть чепуху, – прервал меня медведь. – Лучше вспомни, где север.

– Одну минуточку, – попросил я медведя. – Ты, корова, травоядное животное!

Как только я это сказал, корова жалобно замычала и тут же стала жадно щипать траву.

– Наконец-то сочная травка! – радовалась она. – Мне так надоели суслики и мыши. От них у меня портился желудок. Я всё же корова, люблю сено и траву.

Медведь очень удивился. Он спросил корову: а как же теперь будет с котом? Станет корова его есть или нет?

Корова обиделась. Она ещё не сумасшедшая, чтобы есть кошек. Коровы никогда этого не делают. Они едят траву. Это знают даже дети.

Пока корова и медведь спорили, я решил применить одну военную хитрость. Обману медведя: скажу ему, что я знаю, где находится север, а после вместе с Кузей улизну по дороге.

Медведь махнул лапой на корову и снова стал требовать, чтобы я показал ему север. Я для вида немного поломался, а потом обещал показать...

И вдруг я увидел наш мяч! Он сам прикатился к нам, сам нашёл нас. Это было очень кстати.

Мы втроём – я, Кузя и медведь – пошли за мячом. Противная корова даже не попрощалась с нами. Она так соскучилась по траве, что не могла от неё оторваться.

Идти нам было уже не так весело и приятно, как раньше. Рядом со мной пыхтел и ворчал медведь, и надо было ещё придумать способ, как от него избавиться. Это оказалось делом нелёгким, потому что он мне нисколько не верил и не спускал с меня глаз.

Эх, знать бы мне, где находится север! И компас мне папа подарил, и на уроках сто раз объясняли, так нет же, не слушал, не выучил, не понял.

Мы всё шли да шли, а я пока ничего не мог придумать. Кузя потихоньку ворчал, что моя военная хитрость не удалась и надо сбежать от медведя без всякой хитрости.

Наконец медведь объявил, что если я не покажу ему севера, то когда мы дойдём вот до того дерева, он разорвёт меня на части. Я ему наврал, что от того дерева до севера совсем близко. А что же мне ещё оставалось делать?

Мы всё приближались и приближались к дереву. Медведь уже скалил клыки. Не знаю, чем бы все это кончилось, если бы вдруг Кузя не бросился бежать вправо.

– Север! Север! – кричал кот, улепётывая со всех лап.

Мы с медведем остановились и ничего не могли понять, и только когда Кузя почти скрылся, медведь взревел и бросился за ним.

Мне стало ясно, что Кузя просто решил меня спасти. Он отвлёк медведя на себя. Кто бы мог подумать, что у кота такое благородное сердце!

Я побрёл за мячом. Без Кузи было очень грустно. Может, медведь догнал и растерзал его в клочья? Лучше бы Кузя и не ходил со мной в эту страну.

Чтобы мне не было уж так одиноко и тоскливо, я пел:

Идёшь по стране ты безлюдной
И сам себе песню поёшь.
Дорога не кажется трудной,
Когда вместе с другом идёшь.
И то, что он друг, ты не знаешь,
И с ним ты не хочешь дружить.
Но только его потеряешь,
Как грустно становится жить.

Я очень тосковал но Кузе. Что бы там кот ни говорил, глупое или смешное, он всегда желал мне добра и был верным другом.

Мяч остановился. Я огляделся. Справа от меня громоздилась гора, покрытая льдом и снегом. На вершине её, под заснеженной елью сидели, дрожа от холода и прижавшись друг к другу, негритёнок и обезьяна. На них падал крупными хлопьями снег.

Посмотрел налево. Там была гора, но снег здесь не падал. Наоборот, жаркое солнце сняло над горой. На ней росли пальмы, высокая трава, яркие цветы. Под пальмой сидели чукча и мой знакомый белый медведь. Неужели я никогда от него не избавлюсь? Я подошёл к подножию Холодной горы и сразу замёрз. Потом подбежал к подножию Жаркой горы, и мне стало так душно, что захотелось

стащить с себя рубашку. Тогда я выбежал на середину дороги. Тут было хорошо. Ни холодно ни жарко. Нормально.

С гор слышались стоны и крики.

– Я весь трясусь, – жаловался негритёнок. – Холодные белые мухи больно жалят меня! Дайте мне солнце! Прогоните белых мух!

– Я скоро растаю, как тюлений жир, – плакал маленький чукча. – Дайте хоть немного снега, хоть кусочек льда!

Белый медведь ревел так, что заглушал всех:

– Дайте же мне наконец север! Я сварюсь в собственной шкуре!

Негритёнок меня заметил и сказал:

– Белый мальчик, у тебя доброе лицо. Спаси нас!

– Пожалей! – взмолился маленький чукча.

– Кто вас туда загнал? – крикнул я им снизу.

– Виктор Перестукин, – хором ответили мальчишки, медведь и обезьянка. – Он перепутал географические пояса. Спаси нас! Спаси!

– Не могу. Мне надо сперва отыскать своего кота. Потом, если у меня останется время...

– Спаси нас, – пискнула обезьянка. – Спаси, и мы отдадим тебе твоего кота.

– А разве Кузя у вас?

– Не веришь? Смотри! – рявкнул медведь.

И тотчас же на Жаркой горе появился мой кот.

– Кузя! Ксс, ксс, ксс, – звал я кота. Я прыгал от радости.

– Я умираю от жары, спаси! – прохрипел Кузя и исчез.

– Держись! Иду к тебе!

Я стал взбираться на гору. На меня пахнуло жаром, как из огромной духовки.

– Хозяин! – услышал я голос Кузи совсем с другой стороны.

Я оглянулся и увидел кота уже на Холодной горе, рядом с обезьянкой. Кузя дрожал от холода.

– Я замерзаю. Спаси!

– Держись, Кузя! Я бегу к тебе!

Быстро сбежав с Жаркой горы, я стал карабкаться по льду на другую гору. Меня охватило холодом.

– Хозяин! – снова раздался Кузин голос.

Кот уже стоял на Жаркой горе рядом с медведем. Я скатился по льду на середину дороги. Мне стало ясно, что они не отдадут мне

Кузю.

– Отдайте мне моего кота!

– А ты скажи: в каких поясах мы должны жить?

– Не знаю. Когда учительница рассказывала о географических поясах, я читал книжку про шпионов.

Звери, услышав мой ответ, заревели, а мальчики заплакали. Медведь грозил меня растерзать, а обезьянка обещала выцарапать глаза. Кузя хрипел и задыхался. Мне было страшно жаль их всех, но что я мог сделать? Я обещал им выучить все моря и океаны, материки, острова и полуострова. Но они требовали одного; я должен был вспомнить географические пояса.

– Не могу! Не могу! – закричал я отчаянно и заткнул пальцами уши. Сразу стало тихо. Когда я вытащил пальцы, то услышал голос Кузи:

– Зови Географию. Я умираю...

Не мог я дать Кузе умереть. И я крикнул:

– Дорогая География, помогите!

– Здравствуй, Витя! – сказал кто-то возле меня. Я оглянулся. Передо мной стоял мой учебник географии.

– Ты не можешь вспомнить географические пояса? Какая чепуха! Ты же это знаешь. Ну, в каком поясе живёт обезьяна?

– В тропическом, – ответил я так уверенно, как будто и раньше знал об этом.

– А белый медведь?

– За Полярным кругом.

– Отлично, Витя. Взгляни направо, потом налево.

Я так и сделал. Теперь на Жаркой горе сидел весёлый негритёнок, ел банан и улыбался. Обезьянка взобралась на пальму и корчила смешные рожицы. Потом я взглянул на Холодную гору. Там развалился на льду белый медведь, он сосал огромную сосульку. Наконец-то его перестала мучить жара. Маленький чукча махал мне меховой рукавичкой.

– Где же мой Кузя?

– Я здесь.

Кот смирно сидел у моих ног, обернув хвостом свои лапы. География спросила меня, что же я желаю: продолжать путешествие или вернуться домой?

– Домой! Домой! – замурлыкал Кузя и прищурил свои зелёные глаза.

– Ну а ты, Витя?

Я тоже хотел домой. Но как туда попасть? Ведь мяч мой куда-то исчез.

– Теперь, когда я с вами, – спокойно сказал учебник географии, – никакой мяч не нужен. Я знаю все дороги в мире.

География взмахнула ручкой, и мы с Кузей поднялись в воздух. Поднялись и тут же опустились у порога нашего дома. Я вбежал в свою комнату. Как я соскучился по дому! Здравствуйте, столы и стулья! Привет вам, стены и потолок! А вот и мой милый стол с разбросанными учебниками и гвоздями.

– Как хорошо, Кузя, что мы уже дома!

Кузя зевнул, отвернулся и прыгнул на подоконник.

– Почему ты не отвечаешь?

Я слегка потянул Кузю за хвост. Кот обиженно мяукнул. Всё! Я понял, что больше не услышу от него ни слова.

Учебник географии, наверно, стоял за дверью. Я выбежал, чтобы пригласить его в дом.

– Входите, дорогая География!

Но за дверью никого не было. На пороге валялась книга. Это был мой учебник географии.

Из кухни послышался мамин голос.

Как я мог забыть о ней! Как посмел, не спросясь, улететь в Страну невыученных уроков? Бедная мамочка! Наверно, она страшно беспокоилась.

Мама вошла в комнату. Моя дорогая, самая лучшая, самая красивая мама на свете. Но она ничуть не казалась взволнованной.

– Ты беспокоилась обо мне, мамочка?

Она удивлённо и внимательно на меня посмотрела. Это, наверно, потому, что я очень редко называю её мамочкой.

– Я всегда беспокоюсь о тебе, – ответила мама. – Скоро экзамены, а ты так плохо готовишься. Горе ты моё!..

– Мамочка, мамочка моя дорогая! Я больше не буду горе твоё.

Она нагнулась и поцеловала меня. Мама тоже редко это делала. Наверно, потому что я... Да ладно уж!.. И так понятно.